198
201

35942

198 2.01

1-й [illegible] фонда

Порван тит. лист!
8.11.10 Пав.

198201

ГЕНЕРАЛЪ Я. М. ЛАРІОНОВЪ.

ЗАПИСКИ
УЧАСТНИКА
МІРОВОЙ ВОЙНЫ

26-я пѣхотная дивизія въ операціях 1-й и 2-й русскихъ армій на Восточно-Прусскомъ и Польскомъ театрахъ въ началѣ войны.

(Составлены по дневнику и полевымъ документамъ).

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
РУССКО-МАНЬЧЖУРСКАЯ КНИГОТОРГОВЛЯ
Харбинъ, Новоторговая, 9,66.

(1936)

[Mss.] ja. M. Larionov

Zapiski učastnika mirovoj vojny. 26 ja pechotnaja div. v operacijach 1 i 2 russkich armij na Vost.-Prussk. i Polskom teatrach v načale vojny.
Charbin: Russko-Mančžurskaja knigotorg. (1936)

[Aufzeichnungen eines Weltkriegsteilnehmers. Die 26. J.D. in den Schlachten der 1. u. 2. mus. Armee in Ostpr. u. Polen bei Kriegsbeginn]

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
834386

Генерал-Лейтенантъ Лариновъ

Heeresbücherei
Berlin

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Вопросъ обезпеченія праваго фланга нашей наступательной операціи на лѣвомъ берегу р. Вислы, предпринятой въ октябрѣ мѣсяцѣ 1914 г., введенъ мною въ „Записки“ послѣ того, когда я прочелъ книгу бывшаго Генералъ-Квартирмейстера Ставки генерала Ю. Н. Данилова „Россия въ Міровой войнѣ“, изд. 1924 г.

Не одно русское сердце рвется на части, когда вспоминаетъ пораженія нашихъ доблестныхъ армій въ Восточной Пруссіи и на лѣвом берегу р. Вислы. Послѣднее пораженіе, заставившее насъ отказаться отъ наступленія и перейти къ оборонѣ въ окопахъ, особенно тяжело и болѣзненно отозвалось на духѣ нашей Арміи, утратившей вѣру въ руководящіе оперативные органы при Верховномъ Главнокомандующемъ и Главнокомандующемъ фронтомъ. Смѣнить главныхъ виновныхъ лицъ этихъ органовъ Штаба Великаго Князя удержало, вѣроятно, его рыцарское благородство, и онъ принялъ удары на свою грудь, а виновники, бывшіе главной причиной нашихъ пораженій, не нашли въ себѣ достаточнаго мужества сознать свою виновность и продолжали быть въ привилегированномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока Государь не всталъ во главѣ Арміи и не смѣнилъ самъ ихъ.

Верховный Главнокомандующій или Главнокомандующій фронтомъ не можетъ, конечно, сидѣть у телефоннаго или телеграфнаго аппарата и лично вести

дневникъ стратегической операціи, совершаемой фронтомъ армій, а получаетъ докладъ о ходѣ операціи отъ своего Начальника штаба и Генералъ-Квартирмейстера въ томъ видѣ, какъ операція представляется докладывающимъ. На основаніи доклада, утверждается или не утверждается то или другое оперативное предпріятіе оперативной части Штаба. Отсюда вполнѣ ясно, что на должностяхъ Начальника Штаба и Генералъ-Квартирмейстера должны быть лица опытныя, прошедшія хорошій и надлежащій *строевой и штабной стажъ въ полевыхъ войскахъ* еще въ мирное время и *зарекомендовавшія себя въ вопросахъ стратегическаго искусства*. Стратегическая работа на бумагѣ въ кабинетѣ—это работа-скелетъ той *полевой стратегіи*, которая облекаетъ этотъ скелетъ плотью только тогда, когда выступаютъ на арену театра военныхъ дѣйствій *арміи и войска* съ ихъ руководящими органами. Если человѣкъ въ войскахъ не служилъ или служилъ краткое время, то многія боевыя дѣйствія и связанныя съ ними важныя явленія для него дѣлаются понятными поздно, такъ какъ ускользаютъ въ свое время отъ его наблюденія и вниманія.

С практической стороной вожденія войскъ были мало знакомы какъ Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, такъ и Генералъ-Квартирмейстеръ. Относительно Начальника Штаба генералъ Даниловъ въ своей книгѣ пишетъ даже такъ: *„Неподготовленный предшествовавшей своей службой къ широкой оперативной работѣ и не вошедшій въ нее*, гене-

ралъ Янушкевичъ *предпочиталъ въ вопросахъ стратегіи держаться нейтрально*, ослабляя такой позиціей, помимо, быть можетъ, его воли, авторитетъ Ставки и способствуя этимъ излишнему наростанію самостоятельности фронтовъ... Въ равной мѣрѣ, генералъ Янушкевичъ *не съумѣлъ пріобрѣсти вліянія на ходъ* не только правительственной машины, но даже административно-хозяйственной работы Военнаго министерства"... *„дѣловымъ авторитетомъ ни среди подчиненныхъ, ни въ Арміи не пользовался"*. (Страница 125 книги).

О Военномъ министрѣ генералѣ Сухомлиновѣ, ближайшими сотрудниками котораго въ мирное время были генералъ Янушкевичъ и генералъ Даниловъ, послѣдній въ своей книгѣ отзывается такъ: „Сухомлиновъ человѣкъ образованный, но *мало вдумчивый* (стр. 108). Продолжая освѣщать темныя его стороны, генералъ Даниловъ говоритъ: „Въ частной жизни *онъ окружилъ себя сѣтью льстецовъ, злостныхъ сплетниковъ и авантюристовъ.., вокругъ него, въ домѣ на Мадкѣ (въ Главномъ Штабѣ), водворилась нездоровая атмосфера*"... Но если у человѣка является потребность окружать себя льстецами, сплетниками и авантюристами въ частной жизни, то нѣтъ никакого психологическаго основанія предполагать, что въ общественной и служебной жизни онъ поступаетъ иначе.

О своемъ назначеніи на должность Генералъ-Квартирмейстера Ставки генералъ Даниловъ пишетъ

такъ: „Послѣ назначенія Великаго Князя Николая Николаевича Верховнымъ Главнокомандующимъ, *я счелъ долгомъ своимъ выяснить, не пожелаетъ ли Великій Князь видѣть въ должности Генералъ-Квартирмейстера при себѣ какое-либо другое лицо.* Такъ какъ Великій Князь проводилъ эти дни у себя въ имѣніи подъ Петербургомъ и просилъ никого не безпокоиться явкою къ нему, то я обратился съ соотвѣтственной просьбой къ Начальнику Штаба генералу Янушкевичу, долженствовавшему видѣть Великаго Князя у Государя. Не знаю, въ какой формѣ генералъ Янушкевичъ выполнилъ мою просьбу, но черезъ него я получилъ отвѣтъ, что Великій Князь не предполагаетъ дѣлать какихъ-либо измѣненій въ составѣ ближайшихъ своихъ сотрудниковъ и проситъ всѣхъ остаться на своихъ мѣстахъ". (Страница 110 книги). Какіе именно внутренніе импульсы побудили генерала Данилова *считать своимъ долгомъ* обратиться къ Великому Князю съ такой просьбой, генералъ Даниловъ не сообщаетъ.

И вотъ Великій Князь, не имѣя даже представленія о возможномъ существованіи вокругъ военнаго министра *такой нездоровой атмосферы,* конечно, не могъ дать другого отвѣта на просьбу генерала Янушкевича о генералѣ Даниловѣ, чѣмъ тотъ отвѣтъ, который онъ и далъ. Такимъ образомъ, *„малая вдумчивость"* военнаго министра Сухомлинова, при рекомендаціи и назначеніи ближайшихъ помощниковъ къ Великому Князю, сказалась въ томъ, что хотя эти помощники и были, несомнѣнно, хорошими

кабинетными работниками въ Канцеляріи Военнаго Министерства и Главнаго Штаба, но къ работѣ *во время войны въ полевыхъ войскахъ на руководящихъ должностяхъ они не были подготовлены, какъ не служившіе въ полевыхъ штабахъ войскъ.* Сами назначаемые этого, по видимому, не сознавали и полагали, что искусству *„полевой"* стратегіи они успѣютъ научиться на войнѣ, совершенно не учитывая, что ихъ обученіе можетъ обойтись очень дорого и Арміи и Россіи. Поэтому русскій патріотъ не можетъ говорить хладнокровно о ихъ ошибкахъ, которыя, вмѣстѣ съ другими ошибками военнаго и гражданскаго порядка, положили тяжелый грузъ, опустившій на дно нашъ Могущественный Государственный Корабль, выросшій въ теченіе 1000 лѣтъ изъ небольшого Суздальскаго Княжества въ Великую Россійскую Имперію. Народные представители Государственной Думы не учли того обстоятельства, что, по свидѣтельству исторіи, всѣ государства въ мірѣ, внѣ зависимости отъ ихъ формы правленія, переживали и теперь переживаютъ періоды счастія и несчастія, какъ и отдѣльный человѣкъ. Значитъ, дѣло не въ формѣ правленія, а въ случайномъ несоотвѣтствующемъ назначеніи лицъ на руководящіе высокіе посты, отъ каковой случайности не гарантированы ни монархіи ни республики. Поэтому, если народъ спокойно и разумно переноситъ *случайное и временное болѣзненное явленіе* государственнаго порядка, то Верховная

Власть, обыкновенно, устраняетъ его, при первой къ тому возможности, какъ только политическое международное положеніе развязываетъ ей руки, и народъ по прежнему остается великимъ народомъ. Если же народъ поступаетъ революціонно, то онъ дѣлается жалкой игрушкой въ рукахъ ловкихъ авантюристовъ и добычей ихъ эксплоатаціи.

Авторъ.

ОТЪ АВТОРА.

Фактическая часть „Записокъ" написана въ періодъ 1916-1918 года по имѣвшимся въ моемъ распоряженіи полевымъ документамъ и дневнику, а самыя событія и факты были еще свѣжи въ памяти. Но междуусобная война и скитаніе въ качествѣ эмигранта отдалили время появленія ихъ въ печати. Прежде чѣмъ излагать событія, считаю необходимымъ высказать мое откровенное мнѣніе относительно матеріала для составленія исторіи военныхъ дѣйствій частей войскъ Русской Арміи въ Міровую войну. Записки касаются, между прочимъ,и тѣхъ нездоровыхъ явленій, которыя подтачивали боеспособность нашей доблестной Арміи, но о которыхъ большинство авторовъ, ради ложнаго патріотическаго чувства,считаетъ нужнымъ умалчивать. Авторъ же полагаетъ, что исторія должна быть исторіей, внѣ зависимости отъ того, хороша она, или нехороша, ибо исторія нужна не столько современникамъ, сколько ихъ потомству, которое почерпаетъ изъ нея примѣры и уроки для оздоровленія своей дѣятельности.

Матеріаломъ для описанія и изслѣдованія военныхъ операцій служатъ обыкновенно директивы, приказы, приказанія, реляціи, дневники частей и шта-

бовъ войскъ и проч. Но многіе изъ такихъ документовъ или утеряны или уничтожены, и вмѣсто нихъ возможно появленіе подложныхъ документовъ. Кромѣ того, дѣйствительность свидѣтельствуетъ, что и подлиннымъ документамъ слѣдуетъ довѣрять съ большой осмотрительностью и осторожностью, — лишь послѣ тщательной ихъ провѣрки и сравненія со многими другими документами, такъ какъ то служебное преимущество, которое предоставилъ новый Статутъ ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія кавалерамъ этого ордена, породило крайне вредное для Арміи стремленіе выдвинуть собственную персону за счетъ другихъ начальниковъ, совершившихъ статутный подвигъ или статутное боевое дѣло. Средствами для этого были ложныя реляціи и ложныя донесенія; были даже случаи отданія ложныхъ приказовъ, сопровождавшихъ канцелярское маневрированіе для избѣжанія суровой кары закона за свои промахи и ошибки. Дневники частей войскъ и штабовъ, вслѣдствіе быстраго измѣненія боевой обстановки и непрерывной работы войсковыхъ частей, въ періодъ полевой войны, велись обыкновенно съ опозданіемъ на 1-2 мѣсяца часто молодыми неопытными офицерами, только что прибывшими въ часть для ея пополненія. Поэтому и дневникъ части не всегда даетъ неоспоримое доказательство, а въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда часть не имѣла боевого успѣха. Наконецъ, своеобразное веденіе у насъ стратегическихъ операцій лицами, хорошо подготовленными по вопросамъ мобилизаціонным въ глубинѣ ка-

бинетов Центральнаго Военнаго Управленія, но не по вопросамъ практической полевой Стратегіи, сопровождалось неорганизованными отходами нашихъ войскъ на широкомъ фронтѣ Европейскаго театра войны, что влекло за собою гибель многихъ доблестныхъ частей войскъ, а вмѣстѣ съ ними уничтоженіе и утрату документовъ. Так, во время отхода 1-й арміи въ августѣ мѣсяцѣ 1914 года изъ Восточной Пруссіи, начальникъ штаба II армейскаго корпуса Генеральнаго Штаба генералъ-майоръ фонъ-Коленъ приказалъ писарямъ сжечь штабную повозку вмѣстѣ съ дѣлами и нѣкоторыми полевыми документами изъ опасенія, что они могутъ попасть въ руки противника, хотя такой опасности не было. Умышленно, но по другой, чисто личной, причинѣ, начальникъ штаба 26 дивизіи полковникъ Рудницкій скрылъ и уничтожилъ мою реляцію о бояхъ моей 2-й бригады 26-29 августа 1914 года и объ отходѣ частей дивизіи изъ Восточной Пруссіи, въ которой я изложилъ полную правду и дѣйствительность. Въ этомъ отношнніи сокрытія ему способствовала болѣзнь начальника дивизіи, его эвакуація и смерть. Выяснилось это печальное обстоятельство его штабной дѣятельности лишь въ декабрѣ 1915 года въ господскомъ домѣ „Лучай“ (недалеко отъ м. Поставы и озера Міадзелъ), гдѣ стоялъ штабъ 1-го Сибирскаго корпуса, старшимъ адъютантомъ котораго былъ Генеральнаго Штаба капитанъ Акинтіевскій Г. К., служившій въ самомъ началѣ войны во II армейскомъ корпусѣ, въ качествѣ причисленнаго къ Генеральному Штабу. Изъ моего разговора съ капита-

номъ Акинтіевскимъ, выяснилось, что полковникъ Рудницкій въ реляціи отъ штаба дивизіи въ штабъ корпуса о бояхъ 26-29 августа и объ отходѣ дивизіи 28 августа съ укрѣпленной позиціи донесъ совершенно не такъ, какъ было въ дѣйствительности, а мою реляцію, вопреки требованія закона, не приложилъ. Этотъ фактъ ярко говоритъ за то, что только послѣ тщательной провѣрки и сличенія многихъ документовъ, а въ иныхъ случаяхъ и свидѣтельствъ здравствующихъ участниковъ, военный историкъ, описывающій дѣйствія частей Русской Арміи въ Міровую войну, получаетъ возможность установить дѣйствительный и послѣдовательный ходъ выполненія той или другой военной операціи, боевую работу части, ея начальника и войскового штаба. А что низшіе штабы не всегда правдиво доносили въ штабы высшіе—это доказываютъ печатные труды профессора генерала Н. Н. Головина („Изъ исторіи кампаніи 1914 года на Русскомъ фронтѣ. Начало войны и Восточно-Прусская операція“) и бывшаго Генералъ-Квартирмейстера Штаба Верховнаго Главнокомандующаго генерала Ю. Н. Данилова („Россія въ Міровой войнѣ. 1914 и 1915 г.г.“). Оба автора пользовались, несомнѣнно, оффиціальными документами и вполнѣ довѣрились имъ. Напримѣръ, генералъ Головинъ пишетъ: „Лѣвофланговая 57 дивизія IV корпуса была задержана въ раіонѣ Норденбурга, чтобы облегчить трудную задачу, выпавшую въ день 28 августа на 26 пѣхотную дивизию II корпуса, которая должна была служить въ раіонѣ Норденбургъ-Мауэръ заслономъ, составляя

ось заходящей правымъ флангомъ назадъ 1 арміи", что, выполняя свои задачи, обѣ дивизіи „отходили въ теченіе дня съ боемъ на линію Кавarренъ-Гросъ Собростъ" и что, наконецъ, „57 дивизія понесла въ этотъ день особенно большія потери". Мое описаніе въ Запискахъ даетъ совершенно другую (но дѣйствительную) картину отхода обѣихъ дивизій въ день 28 августа. Я утверждаю, что 57 дивизія не выполнила своей задачи, потому что преждевременно ушла изъ раіона Норденбурга и обнажила правый флангъ моей 2 бригады въ то время, когда XX нѣмецкій корпусъ атаковалъ ее утромъ 28 августа на укрѣпленной позиціи у Клейнъ Гуя-Гросъ Гуя. А такъ какъ и штабъ 26 дивизіи ушелъ съ укрѣпленной позиціи преждевременно и увелъ 102-й Вятскій полкъ съ 1 артиллерійскимъ дивизіономъ и дивизіоннымъ резервомъ, обнаживъ мой лѣвый флангъ, то это значитъ, что оба начальника штаба дивизій исполнили этотъ *боевой маневръ по общему плану*, не сообщивъ мнѣ объ уходѣ. Во время отхода въ сторонѣ 57 дивизіи не было слышно артиллерійскаго огня, какъ свидѣтельства сильнаго боя.

Впослѣдствіи мнѣ стало извѣстно, что штабъ 57 дивизіи оставилъ на позиціи одинъ батальонъ Ливенскаго полка, который былъ, окруженъ и взятъ въ плѣнъ, а съ остальными войсками ушелъ, взявъ первоначально довольно круто направленіе на сѣверовостокъ. Ближайшими же сосѣдями во время отхода были 20 и 17 стрѣлковые полки, присоединившіеся

къ моей бригадѣ у Ленкелишкенъ, гдѣ и былъ арріергардный бой батальона 103 Петрозаводскаго полка, 20 и 17 стрѣлковыхъ полковъ, но не полковъ 57 дивизіи, которая въ это время, какъ стало извѣстно послѣ, была уже въ Даркеменѣ.

Относительно боевого дня 29 августа профессоръ генералъ Головинъ пишетъ: „Комадиръ II корпуса генералъ Слюсаренко, не получивъ приказа по арміи объ общемъ отступленіи, рѣшилъ перейти въ наступленіе. Его поддержалъ сосѣдъ (IV корпусъ) съ сѣвера 5 стрѣлковой бригадой и 30 пѣхотной дивизіей. Наступленіе II корпуса начало развиваться успѣшно. Нѣмцы начали сдавать. Но получивъ сильно запоздавшій приказъ по арміи, командиръ корпуса отдалъ приказъ отходить, что и было произведено во вторую половину дня. Вмѣстѣ съ нимъ началъ отходить и IV корпусъ. Съ тяжелымъ боемъ оба корпуса къ вечеру достигли: IV корпусъ раіона Буйліенъ-Дингляукенъ, II корпусъ раіона Каріоткеменъ--Паббельнъ“. И этотъ документъ, послужившій основаніемъ для описанія, далекъ отъ дѣйствительности. Во-первыхъ надо сказать, что на фронтѣ западнѣе Даркменъ 29 августа дралась только 2-я бригада 26 дивизіи и примкнувшіе къ ней наканунѣ 20 и 17 стрѣлковые полки 5 стрѣлковой бригады отъ IV корпуса противъ XX нѣмецкаго и дивизіи XI нѣмецкаго, но далеко не весь II корпусъ.

Что касается 18 и 19 стрѣлковыхъ полковъ 5 стрѣлковой бригады, то они отходили со штабомъ

бригады въ составѣ войскъ IV корпуса, находясь на интервалле примѣрно въ 8-10 верстъ отъ 17 стрѣлковаго полка къ сѣверо-западу и уступомъ впередъ. Во-вторыхъ, въ бою 29 августа 2-я бригада 26 дивизіи два раза предпринимала контръ-атаку противника: въ первый разъ она произвела частную контръ-атаку, когда I-й батальонъ 226 Землянскаго полка, усиливъ ея боевую линію вправо, вышелъ во флангъ нѣмецкой цѣпи, охватывавшей лѣвый флангъ 20 стрѣлковаго полка, и отбросилъ ее назадъ, а во второй разъ тогда, когда была произведена общая контр-атака вмѣстѣ съ подошедшими частями лѣваго фланга IV корпуса генерала Аліева (18 и 19 стрѣлковые полки и части 30 пѣх. дивизіи) Эта контръ-атака имѣла значеніе тактическаго пріема для облегченія отхода съ позиціи и дальнѣйшаго отхода не только войскъ IV корпуса, но и 2-й бригады 26 дивизіи, такъ какъ задача 26 дивизіи, по прикрытію лѣваго фланга отходившихъ корпусовъ за р. Ангерапъ (XXVI, III и IV) 1-й нашей арміи, была уже выполнена.

А самое распоряженіе Командующаго I-й арміей объ отходѣ было получено въ штабѣ корпуса значительно ранѣе произведенной общей контръ-атаки, такъ какъ еще въ 12 часовъ 15 минутъ начальникъ дивизіи по телефону предупредилъ меня: „26 дивизія выполнила свою задачу, въ два часа получите приказъ объ отходѣ“. Послѣ этой контръ-атаки, войска IV корпуса продолжали отходъ за р. Ангерапъ безъ боя и не задерживаясь, а я, получивъ приказъ объ отходѣ боевого порядка 26-й дивизіи, въ началѣ 3-го

часа дня приступилъ къ его выполненію. Моя бригада послѣдней вышла изъ боя, но и она не преслѣдовалась противникомъ, который, очевидно, также, какъ и мы, былъ сильно утомленъ 4-хъ дневными тяжелыми боями.

Трудъ генерала Данилова („Россія въ Мировой войнѣ") во многихъ случаяхъ грѣшитъ въ изложеніи послѣдовательности событій и даже въ дѣйствительности самыхъ фактовъ. Я не ставлю своей задачей подчеркивать всѣ такого рода погрѣшности, но не могу пройти молчаніемъ тѣ его не соотвѣтствующіе дѣйствительности факты, которые онъ приводитъ относительно дѣйствій II-го армейскаго корпуса и V-го Сибирскаго на Польскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

Такъ, на страницѣ 233 своего труда генералъ Даниловъ пишетъ: „14 ноября (I ст. ст.) нѣмцы *энергично* атаковали II корпусъ у Кросневице и особенно XXIII корпусъ, и въ то же время дѣйствовали противъ V Сибирскаго корпуса на Гостынинъ. Атаки ихъ особаго успѣха въ этотъ день не имѣли, только 3 Гвардейская дивизія XXIII корпуса къ утру 15 (2 ст. ст.) отошла за р. Неръ., а I-я стрѣлковая бригада отошла на Ленчицу (замѣтка автора: „успѣхъ совсѣмъ не маловажный"). Въ теченіе 15-го (2-го ст. ст.) нѣмцы оттѣснили стрѣлковъ (I-ю стрѣлковую бригаду) къ Озоркову, и тѣмъ открыли себѣ путь на Ловичъ. Движеніе ихъ въ этомъ направленіи создало угрозу лѣвому флангу II корпуса, переключеннаго къ этому

времени въ составъ I арміи. Корпусъ этотъ, атакованный съ фронта, отошелъ къ вечеру того же дня назадъ, увлекая за собою V Сибирскій корпусъ, дѣйствовавшій нѣсколько сѣвернѣе".

Такое описаніе дѣйствій II армейскаго корпуса, не соотвѣтствующее дѣйствительности, старается внушить читателю мысль, что II корпусъ просто бѣжалъ, наскочилъ на V Сибирскій корпусъ, и оба корпуса продолжали совмѣстное бѣгство. Несомнѣнно, авторъ слишкомъ довѣрчиво и безъ провѣрки отнесся къ тѣмъ документамъ, на основаніи которыхъ его описаніе напоминаетъ запутанный клубокъ нитокъ. Въ дѣйствительности дѣло было совсѣмъ не такъ. II армейскій корпусъ былъ атакованъ въ 12 часовъ дня I ноября (14-го по нов. ст.) у Кроснѣвице *не энергично, а превосходными силами* противника, что уже доказано и нѣмецкими военными писателями. Понятіе *„энергично"* служитъ *оправданіемъ промаха стратегіи*, а *„превосходными силами"*, подтверждая дѣйствительность, *подчеркивает близорукость ея.* Понеся огромныя потери въ ночь на 2 ноября (15-го новаг. стиля), онъ утромъ 2-го ноября стар. стиля, а не вечеромъ того же дня, когда онъ былъ атакованъ, началъ, по приказанію командира корпуса, отходить къ Кутно на лѣвый, восточный, берегъ болотистой рѣчки Охніи, гдѣ 13 октября стар. стиля была подготовлена укрѣпленная позиція. Но когда, во время отхода, Ставка потребовала, „чтобы II корпус не отходилъ отъ Кросневице далѣе 5 верстъ", то командиръ кор-

пуса приказалъ отойти только до линіи „госп, дом. Бышевъ—деревня Витонія", не доходя 8-9 верстъ до Кутно, не смотря на то, что въ 10 верстахъ отъ его лѣваго фланга въ 10 часовъ утра были обнаружены три длиннѣйшихъ колонны нѣмцевъ, совершавшихъ маршъ отъ м. Домбе къ г. Ленчицѣ, о чемъ и было мною донесено тотчасъ же. Ни 2-го ни 3-го ноября (15 и 16 нов. ст), когда II корпусъ отошелъ 3-го на позицію за р. Охнію около Кутно, онъ никоимъ образомъ не могъ наскочить на отошедшій къ Гостынину V Сибирскій корпусъ, разбитый у Влоцлавска двумя днями раньше, чѣмъ былъ атакованъ у Кросневице II корпусъ: если бы бывшій Генералъ-Квартирмейстеръ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго посмотрѣлъ по картѣ взаимное расположеніе г. г. Влоцлавска, Гостынина, Кутно и м. Кросневице, то онъ понялъ бы всю нелѣпость того донесенія, которымъ онъ пользовался для своего описанія. Такое донесеніе равносильно сообщенію газетнаго репортера, что, напримѣръ, желѣзнодорожный поѣздъ, вышедшій изъ Парижа въ Берлинъ, наскочилъ на поѣздъ, шедшій изъ Варшавы въ Кіевъ, и потащилъ его за собой. Но то, что отмѣчено въ моихъ Запискахъ, относительно солдатъ, отбившихся отъ своего разбитаго V Сибирскаго корпуса и блуждавшихъ въ раіонѣ расположенія на позиціи 26 дивизіи, — дѣйствительный и неоспоримый фактъ, но только онъ дошелъ до Генералъ-Квартирмейстера въ извращенномъ видѣ, какъ я убѣждаюсь изъ его книги.

VI Сибирскій корпусъ началъ свои совмѣстныя дѣйствія съ V Сибирскимъ только съ пятаго или съ шестого ноября у Кернозя, когда V Сибирскій корпусъ смѣнилъ 43 пѣхотную дивизію, направленную въ раіонъ г. Ловичъ для формированія сборнаго отряда, а не со второго или третьяго ноября

Относительно переключенія II корпуса изъ 2-й арміи въ 1-ю долженъ сказать, что фактически оно было также позже, такъ какъ ни 2-го, ни 3-го ноября войскамъ корпуса оно не было объявлено. А самое переключеніе имѣло ясною цѣлью-возложить всю отвѣтственность за правалъ операціи вторженія в Германію на Командующаго 1-й арміей генерала Ренненкампфа, пользуясь трудностью его положенія для оказанія помощи 2-й арміи на ея правомъ флангѣ. Результатъ этого переключенія сказался въ несоотвѣтствующихъ дѣйствіяхъ II корпуса у Злакова Бороваго и Кернози, когда командиръ корпуса получалъ приказы и указанія то отъ штаба 1-й арміи, то отъ штаба 2-й арміи, и при томъ въ такое горячее время, когда нѣмцы рвали правый флангъ 2-й арміи.

Генералъ Ларіоновъ.

Библиотека Эсфир

ВСТУПЛЕНІЕ

Открытіе компаніи на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Восточной Пруссіи въ 1914 году началось наступленіемъ нашихъ 1-й и 2-й армій, съ цѣлью занять эту часть территоріи противника, чтобы перенести военныя операціи на лѣвый берегъ р. Вислы для дальнѣйшаго наступленія внутрь Германіи. Ближайшій планъ дѣйствій состоялъ въ томъ, чтобы, пользуясь охватывающимъ положеніемъ нашей границы относительно Восточной Пруссіи съ востока и юга, направить въ Восточную Пруссію двѣ арміи: 1-ю армію генерала Ренненкампфа—съ линіи р. средняго Нѣмана (Ковно-Гродно) на западъ сѣвернѣе Больших Мазурских озер, противъ предполагаемаго лѣваго фланга противника, а 2-ю армію генерала Самсонова направить съ линіи р. Нарева на сѣверо-западъ, въ обходъ Мазурскихъ озеръ съ запада. Такъ какъ Мазурскія озера составляютъ огромную озерно-лѣсную площадь съ запирающими доступы въ нее съ востока небольшою крѣпостью Летценъ и построенными въ лѣсахъ блокгаузами, то разъединяющее значеніе этой площади для наступающихъ армій предположено было ослабить выдвиженіемъ, на первое время операціи, II-го армейскаго корпуса, который долженъ былъ закрыть перешейки Большихъ Мазурскихъ озеръ, если бы противникъ попытался проникнуть черезъ нихъ на

востокъ. Такимъ образомъ, этотъ корпусъ, обезпечивая внутренніе фланги армій и ихъ тылъ, могъ служить связью между I-й и 2 й арміями, пока не будетъ захваченъ разъединяющій опасный раіонъ. 3 августа 1-я армія (XX, III и IV корпуса, 5-я стр. бригада и $5^1/_2$ кав. дивизій) вышла на фронтъ Владиславовъ-Филиппово и 4-го имѣла столкновеніе съ противникомъ въ раіонѣ Эйдкуненъ-Сталупененъ, послѣ чего нѣмцы отошли на западъ. 5 и 6 августа 1-я армія продвинулась на два перехода впередъ и имѣла упорные бои къ сѣверо-востоку отъ Гумбинена, оттѣснивъ противника. 7-го противникъ повелъ контръ-наступленіе по всему фронту, но къ вечеру долженъ былъ начать отходъ. 1-я наша армія до 10-го августа оставалась на позиціяхъ, и ея кавалерія не выяснила направленія отхода главной массы противника. Послѣ Гумбиненскихъ боевъ, 1-я армія только 10-го августа возобновила наступленіе. Противникъ же, оставивъ противъ нея кавалерійскія, ландверныя и ландштурменныя части на р. Прегелѣ и р. Алле, направилъ свои корпуса на помощь войскамъ, дѣйствовавшимъ противъ 2-й нашей арміи генерала Самсонова.

2-я армія генерала Самсонова (II, VI, XIII, XV, 1-на дивиз. XXIII и 1-й армейскіе корпуса, 1-я стр. бригада и 3 кав. дивизіи) 9-го августа вышла на фронтъ Ортельсбургъ-Вилленбергъ-Нейденбургъ-Сольдау, имѣя II-й корпусъ на фронтѣ Летценъ-Арисъ--Іоганнисбургъ. 10-го августа 1-я армія была на фронтѣ Зенсбургъ-Алленштейнъ, уклонившись отъ

предназначеннаго ей планомъ операціи направленія болѣе, чѣмъ на два перехода, къ западу, вслѣдствіе чего она еще болѣе оторвалась отъ 1-й арміи и отъ своего II корпуса, обнаживъ свой правый внутренній флангъ. 10-го же августа II-й корпусъ былъ перечисленъ въ составъ 1-й арміи и съ 11-го по 13-е включительно перешелъ въ раіонъ Ангербурга. XX, III и IV корпуса 1-й арміи 13 августа подошли къ линіи рр. Дейме и Алле и завязали бой со слабыми силами противника. Сюда, для обезпеченія лѣваго фланга, была направлена 2-я бригада 26 пѣх. дивизіи съ артиллерійскимъ дивизіономъ, а 1-я бригада также съ артиллеріей была направлена къ Растенбургу, къ правому флангу 2-й арміи. О 43-й дивизіи свѣдѣній въ приказѣ не отдавалось, но она оставалась наблюдать за перешейками Большихъ Мазурскихъ озеръ съ востока. Между тѣмъ, съ 13-го по 17-е августа во 2-й арміи разыгрались роковыя для нея событія: 2-я армія постепенно окружается нѣмцами, всѣ усилія разбить западную группу силъ противника, снабженнаго тяжелой артиллеріей, не удаются; обезпечивавшій лѣвый флангъ 1-й армейскій корпусъ былъ атакованъ превосходными силами противника и отошелъ назадъ, обнаживъ для ударовъ во флангъ лѣвую группу нашихъ корпусовъ; правофланговый VI-й корпусъ 2-й арміи, оказавшійся оторванным на значительное разстояніе отъ центральной группы корпусов арміи, былъ атакованъ двумя нѣмецкими корпусами (1 Р. и XVII, вышедшими изъ подъ ударовъ 1-й арміи и со-

вершавшими маршъ походнымъ порядкомъ) и отброшенъ отъ Бишофсбурга на югъ. Корпуса эти, перемѣнивъ фронтъ, обрушились съ тыла на наши XIII и XV корпуса центральной группы, которая оказалась окруженной со всѣхъ сторонъ и перестала существовать. Только остатки 2-й арміи прорвались назадъ и были собраны на фронтѣ Осовецъ-Ломжа. Направленныя на помощь 2-й арміи части отъ 1-й арміи, какъ опоздавшія, были возвращены назадъ, и 1-я армія получила распоряженіе укрѣпиться на позиціяхъ по линіи р. р, Дейме-Алле-Ометъ-оз. Норденбургер-оз. Резауеръ-оз Мауеръ и далѣе до озера Арисъ. Порядокъ расположенія корпусовъ 1-й арміи, начиная съ праваго фланга, былъ слѣдующій: XX*, III, IV и II. Послѣдній занималъ часть этой линіи отъ озера Норденбургеръ до озера Арисъ, на протяженіи до 40-50 километровъ по воздушной линіи. На эту укрѣпленную позицію противникъ повелъ наступленіе и атаки съ 25-26 августа четырьмя корпусами съ фронта (Гв. Р. 1 Р., XI и XX), а два корпуса съ приданными частями (XVII и I) направилъ въ обходъ лѣваго фланга 1-й арміи черезъ перешейки Мазурскихъ озер, гдѣ смялъ и отбросилъ слабыя части 43-й дивизіи II корпуса, а затѣмъ, перемѣнивъ фронтъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ, вышелъ во флангъ и тылъ I-й арміи съ цѣлью окруженія.

*) В концѣ августа из 2-хъ второочередныхъ дивизій былъ сформированъ XXVI армейскій корпусъ, который, при отходѣ 1-й арміи замѣнилъ XX корпусъ, переброшенный на лѣвый флангъ.

Generalstabsbibliothek Berlin

ЗАПИСКИ УЧАСТНИКА МІРОВОЙ ВОЙНЫ.

26-я пѣхотная дивизія въ операціяхъ 1 и 2 русскихъ армій на Восточно-Прусскомъ и Польскомъ театрахъ въ началѣ войны.

Прослуживъ на Дальнемъ Востокѣ въ должности начальника штаба 1-го Сибирскаго корпуса съ 1911 по 1914-й годъ, я подалъ рапортъ о назначеніи меня на такую же должность, или на должность командира бригады, въ Европейской Россіи. Я получилъ назначеніе на должность командира 2-й бригады 26 пѣхотной дивизіи, штабъ которой квартировалъ въ г. Гродно. 28 февраля 1914 года *) я вступилъ въ отправленіе своей должности. Дивизія входила въ составъ II-го армейскаго корпуса, которымъ командовалъ числящійся по Генеральному Штабу, Генерал-отъ Кавалеріи Шейдеман, энергичный и не старый человѣкъ (57 л.); начальникомъ штаба корпуса былъ Генеральнаго Штаба генералъ-майоръ фонъ-Коленъ. Это былъ человѣкъ скорѣе штатскій, чѣмъ военный, до боязни боготворившій нѣмцевъ Начальникомъ 26 пѣхотной дивизіи былъ генералъ-лейтенантъ Порѣцкій, человѣкъ преклоннаго возраста, слабый здоровьемъ, и какъ по первоначальной службѣ морякъ, онъ никогда не интересовался

*) Даты по старому стилю.

сухопутной службой, въ чемъ я убѣдился во время его инспекторскаго смотра и на тактическихъ ученіяхъ въ лагерное время: отсталость его въ военномъ дѣлѣ сильно бросалась въ глаза. Начальникомъ штаба дивизіи былъ Генеральнаго Штаба полковникъ Рудницкій, необщительный, скрытный, не отличающійся дарованіями и военными познаніями, но съ большимъ самомнѣніемъ, которое обыкновенно присуще большинству людей ограниченныхъ. Но его мундиръ имѣлъ большой авторитетъ на Начальника дивизіи.

Въ началѣ іюля 1914 г. отношенія между Россіей и Германіей клонились къ разрыву. Въ то время я былъ въ командировкѣ и несъ обязанности начальника пулеметнаго сбора войскъ II армейскаго корпуса въ лагерѣ при м. Оранахъ. 13 іюля, на основаніи полученной телеграммы, я распустилъ сборъ и возвратился въ лагерь при г. Гродно къ мѣсту службы.

19 іюля Германія объявила войну Россіи. Въ полкахъ 26 дивизіи закипѣла мобилизаціонная работа. 24 іюля полки 2-й бригады были готовы къ походу, а 25-го я получилъ предписаніе выступить 26-го со 103 Потрозаводскимъ полкомъ и 2-мъ дивизіономъ 26 артиллерійской бригады въ м. Штабинъ на р. Бобрѣ, куда прибыть 27 іюля. Штабинъ находится въ 20верстахъ къ югу отъ г. Августова, около котораго въ казармахъ квартировалъ 104 Устюгскій полкъ моей 2-й бригады. Цѣль выдвиженія была извѣстна изъ мобилизаціоннаго плана: вмѣстѣ со 104

полкомъ прикрыть пути на участкѣ Августовъ-Штабинъ.

26 іюля въ 7 часовъ утра, послѣ напутственнаго молебна, я выступилъ съ отрядомъ изъ лагеря при г. Гродно въ м. Штабинъ*. Отрядъ состоялъ изъ 103 Петрозаводскаго полка, 2 дивизіона 26 артиллерійской бригады, одной роты 4 Сапернаго батальона и 2-хъ сотенъ казаковъ дивизіонной конницы. За шлакбаумомъ къ отряду былъ присоединенъ 2-й мортирный артиллерійскій дивизіонъ. День былъ нежаркій, солнечный, дорога-шоссе: переходъ въ 30 верстъ былъ сдѣланъ легко.

27 іюля. Вмѣсто назначенныхъ $6^1/_2$ часовъ утра, отрядъ выступилъ въ 7 часовъ: въ 103 полку 8 евреевъ изъ запаса спрятали винтовки и амуницію, объявили себя больными и отказались идти пѣшкомъ. Командиръ полка полковникъ Алексѣевъ не придалъ этому обстоятельству должнаго значенія и приказалъ отправить ихъ въ обозъ 2-го разряда. Я вызвалъ ихъ передъ фронтъ полка, убѣдился, что они всѣ здоровы, пригрозилъ, чѣмъ слѣдуетъ, приказалъ надѣть амуницію, взять винтовки и идти въ строю. Отдавъ ихъ подъ надзоръ въ ротахъ, я приказалъ назначить ихъ въ первомъ же бою въ боевую стрѣлковую цѣпь, чтобы, они могли загладить свою вину передъ полкомъ боевой заслугой. Они отлично дошли до Штабина и благодарили, что я не предалъ ихъ военно-полевому суду. По прибытіи въ Штабинъ, 103 полкъ, 4 орудія

*) Схема № 1.

дежурной части и рота саперъ заняли квартиро-бивакомъ м. Штабинъ, а вся остальная артиллерія и 2 сотни казаковъ расположились въ ближайшихъ деревняхъ на восточномъ берегу р. Бобра. Квартиро-бивакъ охранялся отдѣльными пѣхотными заставами. Свѣдѣній о противникѣ не было, только жители м. Штабина, евреи, передавали, какъ слухъ, что къ сѣверо-западу отъ Августова наши кавалеристы имѣли небольшія стычки съ нѣмецкими велосипедистами.

28 іюля. Я произвелъ рекогностировку мѣстности къ западу отъ Штабина и намѣтилъ линію для укрѣпленія позиціи, чтобы прикрыть переправу черезъ р. Бобръ у Штабина. При рекогностировкѣ были, конечно, и начальники частей. Послѣ обѣда роты и батареи преступили къ укрѣпленію позиціи, подъ руководствомъ ротныхъ и баталіонныхъ командировъ, при участіи командующаго саперной ротой штабсъ-капитана Бабицкаго и инструкторовъ-саперъ.

29 и 30 іюля. Производились работы по укрѣпленію позиціи. 30-го онѣ были закончены. Командиръ 103 полка произвелъ показной маневръ вѣроятной атаки и обороны этой позиціи.

31 іюля. Начальникъ дивизіи со штабомъ перешелъ изъ Гродно въ одну изъ деревень къ югу отъ д. Домброво и потребовалъ къ себѣ дивизіонную конницу и 2-й мортирный дивизіон. 4-й батальонъ 103 полка былъ отправленъ обратно в г. Гродно. Если не ошибаюсь, его назначеніе было замѣнить этапныя части впредь до ихъ сформированія.

1 августа. 1-я рота 103 полка была отправлена черезъ д. д. Евы и Свидерекъ къ шлюзу на р. Неттѣ у д. Борки. Подъ руководствомъ штабсъ-капитана Бабицкаго, она построила здѣсь окопы для прикрытія имѣющаго быть наведеннымъ моста.

2 августа. В 12 часовъ дня были отправлены остальныя три роты 1-го батальона на присоединеніе къ 1-й ротѣ.

3 августа. Саперы навели мосты черезъ два нешироких рукова р. Нетты.

4 августа Отрядъ выступилъ изъ м. Штабина къ шлюзу у д. Борки, перешелъ по наведеннымъ мостамъ р. Нетту и около 3 часовъ дня прибылъ на ночлегъ въ д. Баргловъ, находящуюся на шоссе Августовъ-Граево. Вскорѣ подошелъ изъ Августова 104 Устюгскій полкъ. Нѣсколько позже прибыла 1-я бригада дивизіи, подъ начальствомъ назначеннаго из запаса командира бригады генералъ-майора Дружинина, которая вмѣстѣ со штабомъ дивизіи имѣла ночлегъ въ с. Баргловъ Косцѣльный, въ одной верстѣ къ востоку отъ д. Барглова. Свѣдѣній о противникѣ не было. Одинъ изъ офицеровъ 103 полка, ходившій въ штабъ дивизіи по личнымъ дѣламъ, принесъ извѣстіе, что нашъ II корпусъ входитъ въ составъ 2-й арміи генерала Самсонова и что 1-я армія генерала Ренненкампфа успѣшно продвигается съ боемъ на западъ.

5 августа. В 6 часовъ утра дивизія выступила двумя бригадными эшелонами, каждый эшелонъ съ артиллерійскимъ дивизіономъ, по дорогѣ черезъ Бор-

жименъ къ г. Лыку. Въ 1-мъ эшелонѣ шла 2-я бригада. Когда въ 8 часовъ утра колонна главныхъ силъ бригады была у пограничнаго сожженаго нѣмецкаго кордона, а ея авангардъ въ $2^1/_2$ верстахъ у лѣса, надъ бригадой пролетѣлъ нѣмецкій аэропланъ, съ черными крестами на крыльяхъ, съ востока на западъ. Завидѣвъ его издали, бригада легла, авангардъ же не удержался, чтобы не пострѣлять; но безуспѣшно,—аэроплан прослѣдовалъ дальше. Въ 4-омъ часу дня 2-я бригада прибыла в районъ г. Лыка и остановилась на квартиро-бивакъ въ двухъ деревняхъ к югу и юго-востоку отъ него. Подъ прикрытіемъ походнаго охраненія и развѣдчиковъ, сторожевое охраненіе заняло низину съ кустарникомъ по обѣ стороны шоссе Райгродъ-Лыкъ и вошло въ связь со сторожевымъ охраненіемъ 43 дивизіи, подошедшей къ Лыку сѣвернѣе 26 дивизіи. К югу отъ Лыка находится высокій сосновый лѣсъ. Здѣсь была изъ полосового желѣза вышка, имѣющая видъ тригонометрическаго знака 1-го разряда. На ней два нѣмецкихъ наблюдателя усердно занимались своимъ дѣломъ. Командиръ 104 полка удалилъ ихъ. Около 6 часовъ вечера противникъ изъ г. Лыка открылъ рѣдкій огонь изъ гаубицъ по войскамъ 43 дивизіи, которая отвѣчала ему изъ легкихъ орудій. Вечеръ, до наступленія совершенной темноты, прошелъ въ рѣдкой ружейной перестрѣлкѣ прикрывающихъ частей и въ стрѣльбѣ изъ артиллерійскихъ орудій 43 бригады. Ночью шла развѣдка силъ противника и подступовъ къ г. Лыку. Выяснено, что въ Лыкѣ не болѣе 2-хъ эскадро-

новъ конницы при двухъ гаубицахъ, и что противникъ всю ночь грузилъ вагоны и отправлялъ поѣзда съ фуражемъ и имуществомъ на западъ. Я провелъ эту ночь въ низинѣ около сторожевого резерва. Холодная сырость пронизывала до костей. Конный вѣстовой безъ разрѣшенія куда-то исчезъ, но скоро вернулся и привезъ мнѣ, къ моему удовольствію, мой спальный полевой мѣшокъ, который не разъ спасалъ меня въ тайгѣ на Дальнемъ Востокѣ. Я согрѣлся и даже немного соснулъ.

6 августа. Въ 6 часовъ утра противникъ сдѣлалъ въ нашу сторону нѣсколько вѣжливыхъ прощальныхъ салютовъ боевыми снарядами изъ своихъ двухъ гаубицъ, отправилъ послѣдній поѣздъ и предоставилъ въ наше распоряженіе г. Лыкъ. Войска корпуса вступили въ городъ по полкамъ. каждый полкъ подъ звуки своего полкового марша. Населеніе города сильно волновалось и выражало удивленіе по поводу быстраго прибытія русскихъ войскъ. Многіе изъ жителей просили разрѣшенія выѣхать въ другіе города на западъ къ родственникамъ, но разрѣшенія, конечно, не получили. Я былъ назначенъ комендантомъ города. Для успокоенія населенія я обратился къ нему съ декларацiей, убѣждая быть спокойнымъ и продолжать свои мирныя занятія, такъ какъ Россія ведетъ войну съ вооруженными силами Германіи, а не съ мирными жителями, женщинами и дѣтьми. Но это мало подѣйствовало: въ ночь на 7 августа многіе выѣхали тайно, пробравшись, вѣроятно, черезъ западный

секторъ мѣстности квартиро-бивачнаго расположенія 43 дивизіи.

7 августа. Командиръ корпуса приказалъ перевести на бивакъ сѣверо-западнаго сектора два батальона 104 полка съ 4 орудіями, подъ начальствомъ полковника Триковскаго.

8 августа. Войска корпуса оставались на своихъ бивакахъ. Согласно календаря, въ этотъ день должно было произойти полное солнечное затмѣніе. Мы съ большимъ нетерпѣніемъ и интересомъ ожидали это рѣдкое явленіе природы, готовясь испытать сильное впечатленіе. Но мы были очень разочарованы, когда полоса тѣни только краемъ захватила г. Лыкъ. Я получилъ приказаніе сдать обязанности коменданта полковнику Триковскому и подготовиться къ выступленію изъ Лыка утромъ 9 августа.

9 августа, Въ 6 часовъ утра я выступилъ съ бригадой въ с. Дригалленъ, оставивъ полковника Триковскаго съ 2-мя батальонами и 4-мя орудіями въ г. Лыкѣ. Къ бригадѣ была придана полусотня казаковъ. Генерал-майоръ Дружининъ съ 1-й бригадой и съ 1-мъ дивизіономъ былъ направленъ къ г. Іоганисбургу. Въ с. Дригалленъ 2-я бригада стала квартиро-бивакомъ, принявъ мѣры охраненія отдѣльными пѣхотными заставами. Для установленія связи съ 1-й бригадой, отъ которой не было никакихъ свѣдѣній, я выслалъ разъѣздъ казаковъ, который нашелъ ее на бивакѣ въ 8 верстахъ къ востоку отъ Іоганнисбурга. Моя походная палатка и палатка полковника

Алексѣева были поставлены въ садикѣ пастора, который пригласилъ насъ пообѣдать. Отлично владѣя русскимъ языкомъ, онъ оказался интереснымъ собесѣдникомъ и высказалъ сожалѣніе о начавшейся войнѣ, предвидя большія дурныя послѣдствія для обоихъ государствъ. Въ 4 часа дня въ сторонѣ г. Бялы были слышны орудійные выстрѣлы орудій 6-ти дюймоваго калибра. Около того же времени прибылъ со штабомъ изъ Лыка начальникъ дивизіи, остановился въ домѣ королевскаго лѣсничаго и потребовалъ для охраны батальонъ 103 полка. Командиръ корпуса получилъ по телеграфу приказаніе Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича отправить въ крѣпость Осовецъ ландрата г. Лыка и 9 именитыхъ гражданъ заложниками за звѣрства нѣмецкихъ войскъ надъ жителями г. Калиша, оставленнаго нашей кавалеріей и занятаго послѣ ея ухода нѣмцами. Они были отправлены въ Осовецъ на автомобиляхъ.

10 августа. Въ 9 часовъ утра въ сторонѣ г. Бялы были вновь слышны орудійные выстрѣлы орудій 6-ти дюймоваго калибра. Изъ штаба дивизіи были получены для раздачи въ полки схематическіе чертежи района Іоганнисбурга съ нанесенными на нихъ въ лѣсу блокгаузами, но никакихъ распоряженій на 11 число не было. Всѣ мирно легли спать.

11 августа. Въ часъ ночи меня разбудила записка начальника штаба дивизіи, требовавшая приготовить бригаду къ выступленію въ 4 часа 40 мин.

ночи. Къ указанному времени бригада съ артиллеріей была на сборномъ пунктѣ. Прождавъ до 6 часовъ утра распоряженія о выступленіи, я послалъ въ штабъ дивизіи офицера узнать, скоро ли мы выступимъ. Офицеръ вернулся и доложилъ, что начальникъ штаба приказалъ передать, что „приказъ уже пишется". Прошло еще два часа. а приказа нѣтъ. Я запросилъ полковника Рудницкаго, хватитъ ли до выступленія времени накормить людей и лошадей. Отвѣта не послѣдовало. Наконецъ, въ 11 часовъ утра былъ полученъ приказъ о выступленіи. Мнѣ было приказано перейти съ бригадой въ д. Граббенъ (къ сѣверо-востоку отъ с. Дригалленъ). 1-я бригада генералъ-майора Дружинина была направлена на сѣверъ вдоль восточныхъ береговъ Большихъ Мазурскихъ озеръ. Такъ какъ въ приказѣ не было объявлено цѣли движенія, то переходъ 26 дивизіи на сѣверъ давалъ основаніе предполагать, что или предполагается операція II корпуса противъ крѣпости Летценъ, или совершается движеніе для сближенія съ 1-й арміей. Не выспавшіся солдаты и офицеры простояли съ чувствомъ неудовольствія и досады на сборномъ пунктѣ болѣе 6 часовъ и выступили въ походъ голодными. Бригада прибыла въ д. Граббенъ около 5 часов дня.

12 августа. Въ 6 часовъ утра 2-я бригада выступила въ д. Липовенъ (къ сѣверу отъ д. Граббенъ). На этомъ переходѣ къ бригадѣ присоединился полковникъ Триковскій, оставленный съ двумя батальонами и 4-мя орудіями при штабѣ корпуса въ г. Лыкѣ, На

большомъ привалѣ бригаду осмотрѣлъ командиръ корпуса генералъ Шейдеманъ и объявилъ, что къ бригадѣ присоединяется 2-й мортирный дивизіонъ. Однако на маршѣ за нѣсколько верстъ до д. Липовенъ я получилъ приказаніе отправить дивизіонъ на станцію желѣзной дороги Граево для присоединенія его къ XXIII корпусу. Дивизіонъ немедленно былъ отправленъ. Ночью къ сѣверо-западу отъ Липовенъ, за сторожевымъ охраненіемъ, была слышна сильная ружейная перестрѣлка. На переходѣ изъ Граббенъ въ Липовенъ въ 12 часовъ дня были встрѣчены русскіе рабочіе, которые были на полевыхъ работахъ въ имѣніи нѣмца-помѣщика въ раіонѣ крѣпости Летценъ. Они возвращались въ Россію и сообщили, что ни въ крѣпости ни въ ея раіонѣ нѣмецкихъ войскъ нѣтъ, и работъ по укрѣпленію крѣпости они не видѣли. Эти не провѣренныя свѣдѣнія были переданы въ штабъ дивизіи.

13 августа. Въ 6 часовъ утра бригада съ дивизіономъ выступила изъ Липовенъ въ д. Штулихенъ (в 8-9 верстахъ къ сѣверу отъ г. Ангербурга). Переходъ былъ форсированный и безъ горячей пищи: офицеры и солдаты ѣли свой носимый сухарный запасъ. Большой привалъ былъ замѣненъ двумя получасовыми малыми. Движеніе было фланговое, такъ какъ совершалось мимо крѣпости Летценъ. Кухни были при обозѣ 2-го разряда, который шелъ по кружнымъ дорогамъ. Расчета движенія обоза штабомъ дивизіи не было сдѣлано, а потому походныя кухни не могли

подойти своевременно къ колоннамъ войскъ. 1-я бригада совершала фланговый маршъ лѣвѣе 2-й бригады. На этомъ переходѣ насъ поразила, оставивъ сильное впечатлѣніе, картина 3-хъ убитыхъ нѣмцевъ, одѣтыхъ въ старое поношенное статское платье. Они представляли группу, въ которой двое лежали, а одинъ старикъ лѣтъ 50-ти сидѣлъ съ широко раскрытыми, выражающими безумный ужасъ, глазами. Его взоръ былъ устремленъ туда, откуда ему, очевидно, была нанесена смертельная рана пикой въ самое сердце. Правой рукой онъ оперся о землю, а лѣвой схватилъ древко пики, которое затѣмъ было сломано пополамъ. Поза и выраженіе лица были, какъ у живого, и невѣроятны для мертвеца. Передъ нами была какъ бы статуя смерти прекрасной работы художника. Мы предположили, что смерть, вѣроятно, послѣдовала моментально. Бригада прибыла въ Штулихенъ въ 12 часовъ ночи, когда сталъ моросить дождь. Начальникъ дивизіи со штабомъ и дивизіонной конницей слѣдовалъ за 2-й бригадой, а верстъ за 5 до Штулихена свернулъ въ Ангербургъ, куда прибыла 1-я бригада по дорогѣ отъ Поссессернъ. Наше прибытіе въ раіонъ г. Ангербурга дивизіонная конница ознаменовала двумя пожарами. Конница эта, какъ упомянуто, состояла изъ Донскихъ казаковъ, которые были 2-й и 3-й очереди, и, за исключеніемъ урядниковъ, мало обучены: даже такихъ употребительныхъ терминовъ, какъ, напримѣръ, авангардъ, арріергардъ, они не знали, а службу связи, донесеній, развѣдки и охра-

ненія вначалѣ несли крайне небрежно и неохотно,— вообще были мало дисциплинированы. Ночью я получилъ приказъ слѣдовать съ бригадой и дивизіономъ на г. Венденъ къ г. Гердауенъ для поддержки лѣваго фланга 1-й арміи, завязавшей здѣсь бой съ противникомъ. 1-я бригада генерала Дружинина получила приказъ выступить къ г. Растенбургу, выдѣливъ одинъ батальонъ и два орудія для наблюденія за крѣпостью Летценъ съ запада.

14 августа. Въ 7 часовъ утра я выступилъ по дорогѣ на Тиргартенъ-Дренгфуртъ въ г. Венденъ. На большомъ привалѣ у южнаго берега озера Резауеръ въ 104 полку произошелъ несчастный случай: подъ уклонъ по шоссе понеслась неформенная повозка, наскочила на группу солдатъ и одному раздробила ногу. Повозка оказалась нѣмецкая деревенская, запряженная нѣмецкими же обывательскими лошадьми. Я послалъ офицера выяснить, почему въ полку оказалась нѣмецкая повозка, запряженная нѣмецкими обывательскими лошадьми. Возвратившись, офицеръ доложилъ, что въ 104 полку сформированъ небольшой нештатный обозъ для подвозки полку печенаго хлѣба изъ Августова и для отправки въ Августовъ излишнихъ вещей, но что первый транспортъ подвезеннаго хлѣба оказался покрытымъ плѣсенью и зарытъ въ землю. Я приказалъ командиру полка удалить изъ полка нештатный обозъ, такъ какъ лишнихъ предметовъ и повозокъ въ походѣ имѣть не полагается, а пок-

рытый плѣсенью хлѣбъ вреденъ и ненуженъ. Бригада прибыла въ Венденъ съ наступленіемъ темноты. Вслѣдъ за бригадой прибылъ начальникъ дивизіи со штабомъ.

15 августа. Въ 11 часовъ утра 2-я бригада выступила черезъ г. Бартенъ къ г. Гердауенъ. До этого времени командиръ 104 полка полковникъ Триковскій, по призаданію начальника дивизіи, реквизировалъ въ какомъ-то имѣніи два автомобиля: одинъ новый темно-коричневого цвѣта фабрики Бенца, а другой попроще (кажется, Форда) Бенцъ былъ переданъ штабу дивизіи, а Фордъ оставленъ въ 104 полку. Около 5 часовъ дня 2-я бригада прибыла въ д. Моссауенъ. Полки стали бивакомъ, а батареи квартиро-бивакомъ въ деревнѣ. Вслѣдъ за бригадой прибылъ штабъ дивизіи. Не доходя 4-5 вертсъ до д. Моссауенъ, мы замѣтили около усадьбы вправо отъ дороги человѣка, который быстро скрылся. Его искали, но не нашли (усадьба находилась вблизи опушки лѣса). Производя осмотръ двора, мы обнаружили въ наполненномъ водою погребѣ большое количество утопленныхъ свиней-іоркшировъ. Въ отлично обставленныхъ комнатахъ дома царилъ полный безпорядокъ: бронза, столовое серебро, отличная стильная мебель, прекрасное бѣлье и платье —все это валялось на полу. Шкафы, шкафики, ящики отъ столовъ были взломаны, а содержимое, очевидно, было похищено, и оставлено лишь то, что не удалось похитить. Въ столовой на длинномъ столѣ, накрытомъ

бѣлой скатертью и прекрасно сервированномъ, стояли тарелки съ супомъ: обѣдъ или ужинъ, повидимому, внезапно былъ прерванъ. Вечеромъ мы готовились къ бою, но наши ожиданія не оправдались.

16 августа. Рано утромъ я получилъ приказъ выступить обратно на Бартенъ-Венденъ къ желѣзнодорожной станціи Граево. Бригада выступила въ 8 часовъ утра, имѣя въ боковомъ авангардѣ два батальона 103 полка при 4-хъ орудіяхъ, подъ начальствомъ полковника Алексѣева. Черезъ часъ движенія я получилъ новый приказъ: идти не на Граево, а, послѣ большого привала, повернуть на юго-западъ (если не ошибаюсь, на Крелигкеймъ-Лейденбургъ). По окончаніи большого привала, я выступилъ по новому направленію, выдвинувъ въ авангардъ два батальона 104 полка съ 4-мя орудіями, подъ начальствомъ полковника Триковскаго, а боковой авангардъ полковника Алексѣева вернулъ въ составъ колонны главныхъ силъ бригады. Перемѣнивъ направленіе движенія изъ фланговаго на фронтальное, бригада вступала теперь въ первую линію развернутыхъ корпусовъ 1-й и 2-й нашихъ армій, между флангами которыхъ было не менѣе 3-хъ переходовъ разстоянія. Ни корпусной, ни дивизіонной конницы впереди не было; расчитывать на армейскую конницу, конечно, нельзя: она выполняетъ обыкновенно опредѣленное заданіе и находится впереди. Бригада шла подъ прикрытіемъ лишь своей ближней пѣхотной развѣдки и могла встрѣтить

если не пѣхотную, то кавалерійскую массу. Это соображеніе требовало принятія мѣръ предосторожности и готовности къ быстрому развертыванію въ боевой порядокъ. Такъ какъ авангарду предстояло стать на ночлегъ отдѣльно отъ главныхъ силъ бригады, то я приказалъ выдѣлить ему необходимыя на ночлегъ повозки изъ обоза 1-го и 2-го разряда. Пропустивъ ихъ мимо себя, я спросилъ командира нестроевой роты 104 полка капитана Гагарина, всѣ ли прошли повозки для авангарда, и получилъ отвѣтъ утвердительный. Въ 3 часа дня я послалъ приказаніе начальнику авангарда съ указаніемъ мѣста ночлега. Ко мнѣ прибылъ капитанъ Гагаринъ съ просьбою остановить колонну главныхъ силъ бригады для пропуска въ авангардъ отставшей повозки командира полка. На мой вопросъ, почему она отстала, я получилъ отвѣтъ, что она запоздала сняться съ большого привала. Я отказалъ, прибавивъ въ поясненіе, что мы не на маневрахъ мирнаго времени. Капитанъ Гагаринъ вновь прибылъ и передалъ мнѣ записку полковника Трикоскаго, который выражалъ удивленіе и неудовольствіе по поводу моего отказа. Я отвѣтилъ, что всѣ повозки съ ночлеговъ и приваловъ должны выступать одновременно, а иначе это поведетъ къ безпорядку движенія, да и самый Уставъ не разрѣшаетъ останавливать колонну для пропуска одиночныхъ повозокъ. Это маленькое дѣло, казалось бы, должно было окончиться. Но нѣтъ, привыкшій къ исключеніямъ, благодаря своимъ георгіевскимъ наградамъ,

полковникъ Триковскій прислалъ вторую записку, въ которой написалъ, что онъ „участникъ Японской войны, за которую имѣетъ Георгіевскій крестъ и Георгіевское оружіе, что человѣкъ онъ больной, а его начальникъ надъ нимъ издѣвается и оставляетъ его на ночлегѣ безъ палатки и кровати, что такое издѣвательство онъ видитъ надъ собою впервые и будетъ жаловаться". Это былъ уже довольно дерзкій пріемъ. Я вынужденъ былъ написать ему въ полевой запискѣ выговоръ за дерзкую записку и угрозу. Передъ закатомъ солнца авангардъ и главныя силы бригады прибыли на мѣста своихъ ночлеговъ, и повозка полковника Триковскаго своевременно прослѣдовала въ авангардъ, имѣвшій ночлегъ въ 2-хъ верстахъ впереди. Штабъ дивизіи ночевалъ въ 8 верстахъ въ тылу въ имѣніи какого-то графа (кажется, Шверина) и потребовалъ туда для охраны батальонъ 104 полка. Въ одной изъ комнатъ дома, гдѣ со мною помѣстился командиръ 103 полка полковникъ Алексѣевъ, въ скрытомъ мѣстѣ былъ обнаруженъ телефонъ, по которому дѣлались запросы. Всѣ дома были осмотрѣны и телефоны сняты.

17 августа. Бригада выступила въ 6 часовъ утра черезъ узловую желѣзнодорожную станцію Коршенъ въ д. Вуслякъ (въ 5 верстахъ къ сѣв.-западу отъ Бишофштейна). Въ авангардѣ шелъ полковникъ Алексѣевъ съ двумя батальонами 103 полка при 4-хъ орудіяхъ. Въ районѣ Гердауена раздавались выстрѣлы 6-ти дюймовыхъ орудій. Въ д. Вуслякъ 2-я бригада прибыла

около 5 часовъ дня и выставила въ охраненіе сторожевую цѣпь. Со стороны Бишофсбурга до насъ доносились артиллерійскіе выстрѣлы 6-ти дюймоваго калибра. Я долго ожидалъ своего экипажа, который обыкновенно доставлялъ мнѣ, по приходѣ на квартиро-бивакъ, изъ обоза 2-го разряда походную палатку и кровать. Эти вещи доставлены были только въ 9 часовъ вечера, но не въ моемъ экипажѣ, а въ открытомъ нѣмецкомъ. Оказалось. что около с. Пляусенъ вдоль обоза 2-го разряда проскакали два пьяныхъ казака дивизіонной конницы и кричали: „На обозъ идетъ нѣмецкая кавалерія, спасайтесь скорѣе". „Повозки понеслись, задѣвая и опрокидывая одна другую. Произошла невѣроятная каша. Мой экипажъ былъ разбитъ и исковерканъ, сбруя на лошадяхъ порвана, ноги лошадей окровавлены. Кучеръ перерѣзалъ постромки, а экипажъ бросилъ и досталъ въ с. Пляусенъ простой открытый нѣмецкій экипажъ, положилъ въ него валявшіяся на дорогѣ мои вещи и поздно вечеромъ прибылъ на бивакъ.

18 августа. Въ 7 часовъ утра было приказано немедленно сняться съ бивака и слѣдовать мимо станціи желѣзной дороги Коршенъ въ с. Лямгарбенъ, такъ какъ во 2-й арміи генерала Самсонова произошла крупная неудача. Въ началѣ движенія надъ бригадой пролетѣли два нѣмецких аэроплана, слѣдуя одинъ за другимъ съ сѣверо-востока на юго-западъ. Бригада прибыла въ с. Лямгарбенъ поздно вечеромъ въ совершенной темнотѣ.

19 августа. Утромъ я получилъ приказаніе слѣдовать въ г. Венденъ. Въ Венденѣ я сдѣлалъ привалъ до 12 часовъ дня, когда было получено приказаніе продолжать путь въ д. Гросъ Гуя черезъ г. Дренгфуртъ и далѣе вдоль западнаго берега озера Резауеръ. У Дренгфурта моя бригада должна была пропустить 102 Вятскій полкъ, который шелъ по шоссе изъ г. Растенбурга въ г. Ангербургъ. Командиръ полка полковникъ Чевакинскій сообщилъ мнѣ, что армія генерала Самсонова разбита и находится въ катастрофическомъ положеніи, но что объ этомъ приказано молчать. При подходѣ къ д. Гросъ Гуѣ, мы встрѣтили два эскадрона I-й кавалерійской дивизіи, шедшей на развѣдку противника. Штабъ дивизіи отдѣлившись отъ 2-й бригады въ Венденѣ, направился въ с. Энгельштейнъ на восточномъ берегу озера Энгельштейнеръ. Прибывъ въ д. Гросъ Гую, бригада со 2-мъ артилерійскимъ дивизіономъ расположилась квартиро-бивакомъ. Д. Гросъ Гуя была длинная, но бѣдная деревня, расположенная въ узкой долинѣ ручья, слабое теченіе котораго направлено въ озеро Норденбургеръ. Вода въ ручьѣ была загрязненная, а колодцевъ мало. Населеніе небольшое.

20 августа. При помощи саперъ, полки соорудили полевыя бани, которыя дали возможность солдатамъ и офицерамъ почиститься и помыться.

21 августа. Утромъ было получено приказаніе начальника дивизіи укрѣпить для бригады позицію между озерами Норденбургеръ-Резауеръ-Энгельштей-

неръ. На дурно выполненной копіи съ нѣмецкой карты линія окоповъ была обозначена краснымъ карандашомъ по долинѣ ручья, а въ самомъ приказаніи подчеркнуто, что „начальникъ дивизіи приказалъ строить окопы, не отступая отъ красной черты". Принявшій приказаніе полковникъ Алексѣевъ прочиталъ и передалъ мнѣ, сказавъ: „приказано возводить окопы по долинѣ ручья". „Я сообщилъ по телефону полковнику Рудницкому, что по красной чертѣ окоповъ строить нельзя, ихъ надо отнести назадъ отъ красной черты. Онъ отвѣтилъ: „Начальникъ дивизіи вторично приказалъ исполнить его приказаніе, гдѣ строить окопы". Тогда я попросилъ начальника дивизіи командировать начальника штаба для осмотра позиціи бригады и рѣшить на самой мѣстности, гдѣ возводить линію окоповъ. Полковникъ Рудницкій прибылъ въ сопровожденіи полковника Триковскаго, который, какъ потомъ выяснилось, находился во время моего разговора по телефону въ штабѣ дивизіи съ жалобой на меня начальнику дивизіи по поводу непропуска его повозки. Полковникъ Рудницкій убѣдился въ своей ошибкѣ, сказавъ, что очень скверно вычерчена карта, и успокоенный уѣхалъ съ докладомъ начальнику дивизіи о результатѣ своего осмотра. Линію окоповъ я отнесъ, конечно, назадъ къ востоку отъ „красной черты", на холмы, сопровождавшіе ручей.

Краткое описаніе позиціи 2-й бригады 26-й пѣхотной дивизіи.

Укрѣпленная позиція на которой 2-я бригада 26 дивизіи выдержала трехдневный бой и отбила всѣ

атаки XX нѣмецкаго корпуса 26-28 августа 1914 года, находились между озерами Норденбургеръ-Резауеръ-Энгельштейнеръ, имѣющая общее направленіе фронта съ сѣвера на югъ, длиною по фронту до 6 $^{1}/_{2}$ верстъ. *) Правый флангъ ея вплотную примыкалъ къ озеру Норденбургеръ у господской усадьбы Клейнъ-Гуя. Отъ высокаго берега озера окопы тянулись по холмамъ и ихъ скатамъ вдоль восточнаго берега ручья (на копіи съ нѣмецкой карты названія ручья не было). Южнѣе д. Гросъ Гуя позиція пересѣкалась узкимъ глубокимъ оврагомъ, служащимъ русломъ упомянутому ручью, въ томъ мѣстѣ, гдѣ ручей дѣлаетъ поворотъ на сѣверъ. Отъ этого изгиба ручья линія окоповъ шла на юго-западъ по плато, образующему высокіе и обрывистые сѣверный и сѣверо-восточный берега озера Резауеръ. Слѣдуя далѣе по восточному постепенно понижающемуся берегу этого озера, линія окоповъ поворачивала подъ тупымъ угломъ къ сѣверо-западному низкому берегу озера Энгельштейнеръ, находящемуся въ 1 $^{1}/_{2}$ верстахъ приблизительно къ сѣверо-востоку отъ южнаго берега озера Резауеръ. Такимъ образомъ, упираясь въ озера, фланги позиціи бригады обезпечивались отъ охватовъ. Обходъ ихъ также былъ мало вѣроятенъ: сѣвернѣе озера Норденбургеръ дѣйствовалъ нашъ IV „армейскій корпусъ, а перешеекъ между озерами Энгельштейнеръ и Мауеръ, поданный уступомъ назадъ относительно позиціи 2-й бригады, былъ занятъ 102 Вятскимъ полкомъ съ батареями 1-го артиллерійска-

*) Схема № 2.

го дивизіона. Передъ правымъ флангомъ позиціи бригады находился высокій сосновый лѣсъ, подходившій клиномъ съ запада къ юго-западному углу озера Норденбургеръ, при чемъ южная опушка этого лѣса шла по прямой линіи перпендикулярно къ фронту позиціи. Къ югу отъ лѣса мѣстность была съ незначительными волнами, покрытая низкими порослями вырубленнаго лѣса, могущими скрыть лишь лежащаго человѣка. Участокъ позиціи, непосредственно прилегающій къ озеру Резауеръ, былъ прикрытъ самимъ этимъ глубокимъ и широкимъ озеромъ. Мѣстность передъ фронтомъ лѣваго фланга, между озерами Резауеръ и Энгельштейнеръ, была низкая, открытая и безъ волнъ. Такимъ образомъ, вѣроятные подступы для атаки позиціи находились на правомъ флангѣ, между озерами Норденбургеръ и Резауеръ. Атака лѣваго фланга позиціи, на участкѣ между озерами Энгельштейнеръ и Мауеръ (заливъ его Приновенъ) была мало вѣроятна, такъ какъ, атакуя этотъ участокъ, поданный уступомъ назадъ относительно позиціи 2-й бригады, противникъ подставлялъ свой лѣвый флангъ и даже тылъ удару войскъ лѣваго фланга 2-й бригады.

На самомъ крайнемъ правомъ флангѣ позиціи усадьба Клейнъ-Гуя была сильно укрѣплена: домъ и постройки были приспособлены къ двухъ-ярусной оборонѣ съ устройствомъ гнѣздъ для пулеметовъ, что вызывалось непосредственной близостью лѣса, въ которомъ, за неимѣніемъ проволоки, не было ни

хорошихъ засѣкъ, ни проволочныхъ полей загражденія. Окопы, построенные на обращенныхъ скатахъ къ противнику, были маскированы ложными окопами, т.-е. такими, которые стрѣлками не занимались. Словомъ, прикрытый съ фронта отъ артиллерійскаго огня лѣсомъ, изрѣзанный въ нѣсколько линій окопами съ ходами сообщеній. правый флангъ позиціи давалъ возможность и надежду для упорной и послѣдовательной его обороны. Въ центральной части позиціи на плато былъ построенъ полукольцевой окопъ съ ходами сообщеній, что, въ связи съ приведеніемъ въ оборонительное состояніе построекъ усадьбы Клейнъ Домбровкенъ, придавало большую устойчивость для обороны центра позиціи. Передъ фронтомъ позиціи 104 полка, сѣвернѣе озера Резауеръ, въ разстояніи $^1/_2$ версты отъ линіи стрѣлковаго огня находился песчаный бугоръ, скрывавшій понижающуюся за нимъ мѣстность, давая возможность противнику вынести сюда наблюдательный пунктъ и даже, послѣ накапливанія, повести атаку. Я приказалъ командиру 104 полка укрѣпить этотъ бугоръ и занять ротой или полуротой съ двумя пулеметами. Полковникъ Триковскій не находилъ нужнымъ его занимать и укрѣплять, ссылаясь на боевой опытъ Японской войны, когда передовые пункты нашихъ позицій часто попадали въ руки противника вмѣстѣ съ защитниками. Но имѣя въ виду, что занятіе этого передового пункта отдаляло атаку во времени и пространствѣ и способствовало также и ея выясненію, я все же приказалъ построить

здѣсь полукольцевой окопъ, соединивъ его ходомъ сообщенія съ главной позиціей. „А чтобы этотъ окопъ не попалъ въ руки противника вмѣстѣ съ защитниками, сказалъ я полковнику Триковскому, то его надо оставить „своевременно". Окопъ былъ построенъ, но былъ мелокъ и не одѣтъ, въ чемъ я, къ сожалѣнію, убѣдился поздновато, На лѣвомъ флангѣ позиціи 2-й бригады, между озерами Резауер и Энгельштейнеръ, окопы были расположены на мѣстности открытой и низменной, но давали возможность держать противника подъ артиллерійскимъ и ружейным огнем съ дальняго разстоянія. Для орудій были построены полууглубленныя и углубленныя батареи и ложементы. Съ цѣлью затруднить воздушную развѣдку, число батарей и ложментовъ было построено больше, чѣмъ слѣдуетъ, чтобы ночью мѣнять постановку орудій. При нѣкоторыхъ окопахъ были устроены землянки для отдыха офицеровъ и солдатъ. Постройкою земляныхъ сооруженій въ техническомъ отношеніи руководилъ командующій саперной ротой штабсъ-капитанъ Бабицкій, показавшій отличное изученіе траекторіи полевыхъ орудій различнаго калибра со всѣхъ разстояній.

Мѣстность въ тылу позиціи возвышалась и давала противнику возможность наблюдать передвиженіе нашихъ войскъ, и только глубокій оврагъ, направляясь своею западною вѣтвью отъ с. Бидашкенъ къ озеру Энгельштейнеръ, мог до нѣкоторой степени скрывать

передвиженіе пѣхоты, но для движенія артиллеріи онъ требовалъ разработки. Такъ какъ атака лѣваго фланга была мало вѣроятна, то роты бригаднаго резерва держались въ окопахъ за правымъ флангомъ. Наблюдательные пункты за ходомъ боя находились: у Весоловен, Клейнъ Домбровкенъ, Бидашкенъ, у домика Эрнстгофкенъ на шоссе, на берегу озера Резауеръ и на холмѣ восточнѣе с. Бидашкенъ. Блиндажей на этихъ наблюдательныхъ пунктахъ не было, ихъ замѣнили ямки и ровики. Укрѣпленіе позиціи было окончено 25 августа. Изъ Гродно прибылъ 4 батальонъ 103 полка. Такъ какъ мнѣ приходилось проводить большую часть времени въ полѣ, а штабъ дивизіи постоянно требовалъ разнаго рода свѣдѣнія и справки, то я назначилъ въ помощь себѣ для письменной и чертежной работы капитана 103 полка Медовщикова, который очень облегчилъ мою работу. Командованіе I-й ротой было возложено на штабсъ-капитана Дорошкевича 1-го. Въ приказаніи по дивизіи было только теперь объявлено о перечисленіи II корпуса въ составъ 1-й арміи.

23. августа. Я былъ вызванъ въ штабъ дивизіи начальникомъ дивизіи. Когда я прибылъ въ штабъ, начальникъ дивизіи и начальникъ штаба обѣдали. Не отвѣчая на мое воинское привѣтствіе и продолжая кушать, генералъ-лейтенантъ Порѣцкій строгимъ тономъ задалъ мнѣ вопросъ: „Что это тамъ вышло у Васъ съ полковникомъ Триковскимъ?“ — „Я не понимаю, въ чемъ дѣло, Ваше Превосходительство“.

отвѣтилъ я, совершенно забывъ объ инцидентѣ съ полковникомъ Триковскимъ 16 августа.—„Какъ, въ чемъ дѣло? — вскипѣлъ генералъ Порѣцкій: Вы же отдали ему выговоръ въ приказѣ по бригадѣ, а теперь спрашиваете, „въ чемъ дѣло". — Я, начальникъ дивизіи, не дѣлаю никому выговоровъ въ такое время, а командиръ бригады дѣлаетъ въ приказѣ выговоръ заслуженному командиру полка, георгіевскому кавалеру, за какую-то повозку", закончилъ генералъ Порѣцкій. Какъ подчиненный, я долженъ былъ скрыть охватившее меня чувство возмущенія и отвѣтилъ: „Я сдѣлалъ выговоръ не въ приказѣ, а въ полевой запискѣ"... Генералъ Порѣцкій прервалъ: „Да это все равно, мнѣ все извѣстно, — полковникъ Триковскій принесъ мнѣ на Васъ жалобу. Вы вмѣшиваетесь даже въ хозяйственныя дѣла его полка и приказали ему расформировать небольшой обозъ, который я разрѣшилъ ему имѣть для подвозки печенаго хлѣба из Августова". — Я написалъ ему выговоръ не за повозку, которую я не пропустилъ, а за дерзскую мнѣ, какъ начальнику, записку; въ хозяйственныя дѣла полка я не вмѣшиваюсь, если они не вредны для строевого и боевого дѣла, а требовать, чтобы въ полкахъ моей бригады не было нештатныхъ повозокъ и отвозки на нихъ пріобрѣтаемыхъ вещей, я, какъ и каждый начальникъ, обязанъ. Полковникъ Триковскій, конечно, донесъ въ штабъ дивизіи, что 14 августа на большомъ привалѣ у озера Резауеръ одна изъ повозокъ этого нештатнаго обо-

за раздробила ногу солдату. Что касается подвозки полку печенаго хлѣба изъ Августова, то она пока совершенно ненужна, потому что другіе полки находятъ же здѣсь зерно и муку и сами выпекаютъ хлѣбъ. А первый транспортъ печенаго хлѣба, доставленный 104 полку изъ Августова, оказался покрытымъ плѣсенью и зарытъ въ землю", доложилъ я начальнику дивизіи. Произошла значительная пауза. Начальникъ дивизіи наставительно произнесъ: „Не надо ссориться въ такое время; Вы ужъ какъ-нибудь помиритесь и уладьте между собою это недоразумѣніе". — Улаживать нечего, Ваше Превосходительство, потому, что я не ссорился съ полковникомъ Триковскимъ, а мой выговоръ, конечно, не будетъ имѣть никакого вліянія на его служебное движеніе", отвѣтилъ я, откланиваясь и уходя съ тяжелымъ чувствомъ изъ штаба дивизіи.

24 августа. Рано утромъ отъ конницы генерала Гурко были получены свѣдѣнія, что большія силы нѣмцевъ наступаютъ по дорогамъ съ юго-запада, Аэропланы противника производили развѣдку позиціи. Хотя артиллеріи воспрещено было стрѣлять по аэропланамъ, но артиллеристы не выдерживали и открывали огонь, однако безуспѣшно, Штабъ дивизіи перешелъ въ д. Приновенъ, за лѣвый флангъ позиціи дивизіи (за боевой участокъ 102 Вятскаго полка), я перешелъ въ д. Бидашкенъ, а д. Гросъ Гуя. мѣшавшая обстрѣлу и дававшая близкій подступъ, была сожжена.

25 августа. Въ 9 часовъ утра въ Бидашкенъ прибылъ въ автомобилѣ, въ сопровожденіи штабъ-офицера для порученій Генеральнаго штаба полковника Лебедева. начальникъ 43 пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Слюсаренко, вступившій во временное командованіе II армейскимъ корпусомъ, такъ какъ генералъ Шейдеманъ получилъ назначеніе на постъ Командующаго 2-й арміей, вмѣсто погибшаго генерала Самсонова. Выслушавъ мой докладъ объ укрѣпленіи позиціи и расположеніи войскъ, онъ осмотрѣлъ болѣе близкія части, остался, по видимому, удовлетвореннымъ и, пожелавъ успѣха, направился по шоссе въ с. Приновенъ. Штабъ дивизіи потребовалъ кроки укрѣпленной позиціи съ расположеніемъ на ней полковъ и батарей. Все это вечеромъ было отправлено. Въ ночь на 26 августа отъ развѣдчиковъ поступали одно за другимъ донесенія, что по шоссе отъ Дренгфурта съ юга на сѣверъ идетъ непрерывное движеніе артиллеріи и обозовъ противника.

26 августа. Рано утромъ я получилъ донесеніе, что артиллерія противника находится въ двухъ группахъ: одна на позиціи у старой полуразрушенной башни около г. Дренгфурта, а другая за большимъ лѣсомъ, что передъ правымъ флангомъ нашей позиціи. Я приказалъ начальникамъ боевыхъ участковъ принять боевую готовность и усилить развѣдку лѣса, а артиллеріи безъ разрѣшенія огня не открывать.

Въ 9 часовъ утра былъ полученъ боевой приказъ для обороны позиціи. Къ приказу была приложена

копія директивы Командующаго I-й арміей генерала Ренненкампфа такого содержанія: „26 дивизіи оборонять позицію пассивно, но упорно; кто оставитъ самовольно окопы, того разстрѣливать на мѣстѣ безъ суда и слѣдствія".

Такое предупрежденіе произвело неблагопріятное и обидное впечатлѣніе: съ одной стороны, это былъ не-ганнибаловскій пріемъ для воодушевленія передъ боемъ и не было основанія подозрѣвать у защитниковъ отсутствіе чувства долга и воинской доблести. а съ другой, оно свидѣтельствовало о сильномъ опасеніи генерала Ренненкампфа и его штаба арміи за судьбу ея, послѣ того какъ наша 2-я армія была разбита противникомъ, который получилъ превосходство въ силахъ и висѣлъ надъ лѣвымъ флангомъ нашей I-й арміи, могъ окружить ее и прижать къ морю. Поэтому предупрежденіе Командующаго I-й арміей было понято, какъ требованіе отъ 26 дивизіи самопожертвованія ради спасенія I-й арміи.

Краткое описаніе расположенія войскъ 26 дивизіи на укрѣпленной позиціи.

Войска 26 дивизіи были расположсны на укрѣпленной позиціи слѣдующимъ образомъ.

Правый боевой участокъ отъ озера Норденбургеръ до оврага ручья, гдѣ онъ дѣлаетъ крутой поворотъ на сѣверъ, оборонялъ 103 Петрозаводскій полкъ. Лѣвый боевой участокъ бригады, отъ упомянутаго оврага до озера Энгельштейнеръ, оборонялъ 104

Устюгскій полкъ безъ 1-го батальона; 24 легкихъ орудія 2 артиллерійскаго дивизіона и 4 орудія 1-го артиллерійскаго дивизіона, группируясь по всему фронту боевого участка бригады, по 4 и по 2 орудія, были расположены частью въ ложементахъ, частью въ батареяхъ, углубленныхъ и полууглубленныхъ. Участокъ позиціи дивизіи между озерами Энгельштейнеръ и Мауеръ (заливъ его Приновенъ) оборонялъ 102 Вятскій полкъ и 16 орудій 1-го артиллерійскаго дивизіона, поданные уступомъ назадъ относительно позиціи 2-й бригады, 1-й батальонъ 104 полка и 4 ор. 1-го артиллерійскаго дивизіона, составляя дивизіонный резервъ, находились при штабѣ дивизіи въ с. Приновенъ, за лѣвымъ флангомъ боевого расположенія дивизіи. Такимъ образомъ, укрѣпленную позицію 26 дивизіи между озерами Норденбургеръ и Мауеръ, длиною по фронту 9-10 верстъ, обороняли 12 батальоновъ пѣхоты и 48 орудій 26 артиллерійской бригады. Изъ нихъ 7 батальоновъ и 28 орудій обороняли важнѣйшій участокъ позиціи, длиною 6—6$^1/_2$ верстъ по фронту, а 5 батальоновъ и 20 орудій, считая въ томъ числѣ и дивизіонный резервъ, обороняли второстепенный участокъ позиціи дивизіи въ 2—2$^1/_2$ версты по фронту. 101 Пермскій полкъ былъ выдѣленъ въ корпусный резервъ къ с. Гронденъ, находившемуся въ 20 верстахъ отъ праваго фланга укрѣпленной позиціи дивизіи и въ 16-17 отъ лѣваго. При такомъ удаленіи, 101-й полкъ, очевидно, не могъ оказать своевременной поддержки

своей 26 дивизіи, онъ могъ поддержать только полки 2-й бригады 43 дивизіи, охранявшіе и оборонявшіе лѣвый флангъ нашей 1-й арміи въ раіонѣ крѣпости Летценъ у Поссессернъ и Круглянкенъ. Полки 43 дивизіи 1-й бригады находились еще южнѣе, въ раіонѣ г. Арисъ. Слѣдовательно, II армейскій корпусъ, охранявшій лѣвый флангъ 1-й арміи отъ озера Норденбургеръ до озера Арисъ, был растянутъ по фронту, считая по воздушной линіи, на 40-50 верстъ, т.-е. въ случаѣ необходимости, сосредоточеніе его къ одному изъ фланговъ требовало два дня,—время вполнѣ достаточное для того, чтобы разбить его по частямъ.

Трехъ-дневный бой на укрѣпленной позиціи.

1-й день боя.

Въ 9 часовъ 15 минутъ утра нѣмецкая гаубичная батарея открыла огонь съ позиціи у старой башни около г. Дренгфурта по боевому участку 2 бригады дивизіи. По характеру огня, она искала нашу артиллерію, которая умышленно молчала. Не получая отвѣта, она перешла къ пристрѣлкѣ по участкамъ окоповъ, подготовляя, очевидно, данныя для стрѣльбы. Въ 12 часовъ она замолчала, а въ 4 часа дня вновь открыла огонь. Къ огню гаубицъ присоединился огонь легкихъ батарей изъ-за лѣса. Въ началѣ 6-го часа вечера нѣмецкая пѣхота повела наступленіе изъза озера Резауера на лѣвый флангъ 104 полка въ промежуткѣ между озерами Энгельштейнеръ и Резауеръ. Наступленіе велось густыми боевыми цѣпя-

ми, которыя издали казались колоннами. Я приказалъ командиру 2-го дивизіона открыть огонь. Открыла огонь и артиллерія боевого участка 102-го Вятскаго полка. Нѣмецкая пѣхота повернула назадъ, унося убитыхъ и раненныхъ. Отбивъ нѣмецкую пѣхоту, командиръ 2-го дивизіона приказалъ перенести огонь на гаубичную батарею у Дренгфуртовской полуразрушенной башни. Но дистанціонная трубка оказалась коротка. Командиръ дивизіона приказалъ перейти на гранату, но и для гранаты предѣльный прицѣлъ оказался недостаточенъ, Наша батарея принуждена была отказаться отъ борьбы съ нѣмецкой гаубичной батареей и замолчала. Это обстоятельство сильно огорчило насъ, въ особенности артиллеристовъ: предѣльный прицѣлъ нѣмецкой гаубицы былъ 8 верстъ, а нашей легкой пушки только 6 верстъ. Но къ концу 1915 и въ 1916 году наша легкая пушка имѣла предѣльный прицѣлъ также 8 верстъ, Передъ закатомъ солнца нѣмецкая пѣхота еще разъ попыталась наступать изъ-за южнаго берега озера Резауеръ, но вновь была отбита огнемъ нашей артиллеріи. Бой окончился въ 7 часовъ вечера. Наши развѣдчики въ ночь на 27 августа были оттѣснены въ лѣсу противникомъ, и потому намъ не удалось выяснить, какія были противъ насъ нѣмецкія части.

Второй день боя.

27 августа. Ровно въ 6 часовъ утра нѣмецкая артиллерія открыла огонь, Обрушившись на одну изъ батарей праваго фланга, она разбила гаубичнымъ

снарядомъ ея командный и наблюдательный пунктъ. Командиръ батареи былъ раненъ, младшій офицеръ контуженъ, а батарея замолчала, пока приводился въ оборудованіе запасный наблюдательный пунктъ. Около 10 часовъ артиллерійскій огонь нѣмцевъ дошелъ до степени ураганнаго. Подъ его прикрытіемъ нѣмецкая пѣхота продвигалась къ нашей позиціи на фронтѣ озеръ Норденбургеръ-Резауеръ. Однако огонь нашей артиллеріи заставлялъ ее или поворачивать назадъ, или залегать въ незначительныхъ складкахъ мѣстности между южной опушкой лѣса и озеромъ Резауеръ. Въ 11 часовъ утра нѣмецкая артиллерія съ особою силой набросилась на центральную часть окоповъ боевого участка 2-й бригады, помогая своей пѣхотѣ продвинуться впередъ. Въ 12 часовъ дня командиръ 104 полка полковникъ Триковскій донесъ мнѣ по телефону, что „бывшая въ полукольцевомъ окопѣ на песчаном бугрѣ рота съ 2-мя пулеметами уничтожена, что отъ нея осталось только 4 человѣка и что съ бугра затрещалъ нѣмецкій пулеметъ". Такое донесеніе заставило меня отдать приказаніе командиру 2-го артиллерійскаго дивизіона полковнику Шпилеву заглушить бугоръ огнемъ батареи. Въ началѣ 5-го часа дня противникъ сосредоточилъ артиллерійскій огонь по боевому участку 103 Петровскаго полка и повелъ атаку изъ лѣса, но былъ отбитъ. Въ 5 часовъ 40 минутъ нѣмецкая пѣхота повела наступленіе, какъ и 26 августа, изъ-за южнаго берега озера Резауеръ на лѣвый флангъ 104 Устюгскаго полка. Взятая въ перекрестный огонь артиллеріей

бригады и артиллеріей боевого участка 102 Вятскаго полка, она и на этот разъ должна была отказаться отъ атаки и въ разстройствѣ повернула назадъ. Желая выручить свою пѣхоту, которая несла замѣтныя потери отъ нашего огня, нѣмецкая гаубичная батарея у Дренгфуртской башни стала искать нашу лѣвофланговую батарею въ раіонѣ усадьбы Клейнъ Домбровкенъ-домикъ Эрнстгофкенъ залпами 4-хъ гаубицъ, производя ихъ шкалою впередъ и назадъ. Я былъ на этотъ разъ на наблюдательномъ пунктѣ у Эрнстгофкенъ и попалъ въ раіонъ ея исканій. Со мною были подпоручикъ Косолаповъ и 3 телефониста; мы счастливо избѣжали опасности, скрывшись въ лощину. Около $6^1/_2$ часовъ вечера прибылъ съ $1^1/_2$ сотнями казаковъ командиръ 5 сотни дивизіонной конницы есаулъ Лѣсниковъ и доложилъ, что онъ присланъ начальникомъ штаба въ мое распоряженіе для поддержанія связи съ 57 пѣхотной дивизіей; которая въ 9 часовъ утра 28-го будетъ атаковать со стороны Норденбурга лѣсъ, находящійся передъ правымъ флангомъ моей бригады. Такое мѣропріятіе было крайне желательно и полезно, потому что этотъ лѣсъ давалъ противнику прекрасный скрытый и близкій подступъ для атаки праваго фланга позиціи 2-й бригады. Вслѣдъ за нимъ прибылъ 1-й батальонъ 104 полка съ 4 орудіями, бывшій въ дивизіонномъ резервѣ при штабѣ дивизіи у с. Приновенъ. Бой окончился съ наступленіемъ темноты. Въ срочныхъ вечернихъ донесеніяхъ начальники боевыхъ участковъ показали, что потери въ ротахъ были отъ 10 до 12

человѣкъ на роту, Командиръ 103 полка полковникъ Алексѣевъ донесъ, что онъ не знаетъ, для какой цѣли ему прислана рота 104 полка. Ясно, что это была та рота, о которой полковникъ Триковскій донесъ, что она полностью уничтожена, что отъ нея осталось только 4 человѣка. Я приказалъ отправить ее въ свой полкъ, а командиру 104 полка предложилъ дѣлать на будущее время вѣрныя донесенія, такъ какъ на невѣрныхъ нельзя вести боя, — они могутъ повести къ печальнымъ результатамъ. Слѣдовало, конечно, разслѣдовать причину оставленія ротой передового пункта позиціи 104 полка, но дальнѣйшія боевыя дѣйствія и событія помѣшали этому. Впослѣдствіи я убѣдился, что во время Міровой войны у насъ въ арміи ложныя донесенія получили какой-то эпидемическій характеръ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось георгіевской награды.

Въ 9 часовъ вечера былъ полученъ приказъ по дивизіи, которая должна „продолжать упорную, но пассивную оборону“, тогда какъ 57 пѣхотная дивизія, при поддержкѣ 5 стрѣлковой бригады и конницы генерала Гурко, въ 9 часовъ утра 28 августа будетъ атаковать лѣсъ, что передъ правымъ флангомъ 2-й бригады“. Мнѣ предписывалось поддержать эту атаку артиллеріей изъ-за озера Норденбургеръ (артиллеріей моего праваго фланга). Отдѣльными записками начальникъ штаба дивизіи извѣстилъ, что находящійся сѣвернѣе г. Норденбурга нашъ IV корпусъ генерала Аліева успѣшно атаковалъ нѣмцевъ и отбро-

силъ ихъ къ упомянутому лѣсу, и что утромъ убитъ гаубичнымъ снарядомъ командиръ 1-й бригады дивизіи генералъ-майоръ Дружининъ, когда сходилъ съ холма вблизи с. Тиргартенъ. Въ теченіе всего вечера до 11-12 часовъ ночи противникъ обстрѣливалъ рѣдкимъ гаубичнымъ огнемъ д. Бидашкенъ. Хотя и произвелъ небольшія разрушенія, но деревни все же не зажегъ. Ночью развѣдчики 103 полка далеко углубились въ лѣсъ, имъ приходилось встрѣчаться съ большими партіями нѣмцевъ и дѣло не обходилось безъ ожесточенныхъ схватокъ. Въ одной изъ такихъ схватокъ погибъ начальникъ развѣдчиковъ поручикъ Приходько. Это былъ смѣлый и храбрый офицеръ,— вѣчная ему память! На этотъ разъ было выяснено, что передъ нами находились части XX нѣмецкаго корпуса. Ночью прибылъ телефонистъ изъ штаба 57 пѣхотной дивизіи, который установилъ телефонную связь штаба 57 дивизіи со мною, соединивъ для этого перерѣзанные провода телеграфной и телефонной сѣти на столбахъ между гг. Норденбургомъ и Ангербургомъ.

Третій день боя и отходъ 26 дивизіи съ укрѣпленной позиціи.

28 августа. Въ 6 часовъ утра противникъ открылъ артиллерійскій огонь по центру позиціи 2-й бригады и вскорѣ перенесъ его на правый флангъ 103-го полка. Въ 8 часовъ утра артиллерійскій огонь

обѣихъ сторонъ представлялъ собою неистовый гулъ, грохотъ орудій, громъ и трескъ рвущихся артиллерійскихъ снарядовъ. Около 9 часовъ нѣмцы повели атаку на 103-й полкъ. Я приказалъ подтянуть къ нему ближе 1-й батальонъ 104 полка, но его не оказалось: начальникъ штаба дивизіи помимо меня приказалъ ночью вернуть его вмѣстѣ съ 4 орудіями обратно къ штабу дивизіи, а командиръ 104 полка, которому было сдѣлано распоряженіе, мнѣ не доложилъ. Ушелъ обратно къ штабу дивизіи съ сотней и есаулъ Лѣсниковъ, оставивъ въ моемъ распоряженіи полусотню. 103 полкъ, поддержанный артиллеріей, отбилъ атаку. Я съ нетерпеніемъ ожидалъ начала атаки лѣса 57-й дивизіей, но, смотря въ бинокль за озеро Норденбургеръ, не обнаружилъ никакихъ признаковъ движенія какихъ-либо войсковыхъ частей. Въ 9 часовъ утра меня вызвалъ къ телефону полковникъ Рудницкій. Вотъ нашъ разговоръ. Полковникъ Рудницкій: „Начальникъ дивизіи приказалъ снять съ позиціи праваго фланга полубатарею I дивизіона и немедленно отправить ее къ штабу дивизіи“.—Генералъ-майоръ Ларіоновъ: „Эта полубатарея имѣетъ огромное значеніе для обороны праваго фланга 103 полка, она ведетъ огонь, поддерживаетъ 103 полкъ и находится въ котлѣ рвущихся снарядовъ; снять ее въ настоящій моментъ боя было бы преступленіемъ, потому что правый флангъ 103 полка лишится мощной артиллерійской поддержки, а при снятіи она можетъ быть уничтожена противникомъ“.—Полковникъ Руд-

ницкій: „Начальникъ дивизіи приказалъ немедленно исполнить его приказаніе".—Генералъ-майоръ Ларіоновъ; „Прошу соединить меня со штабомъ корпуса для личнаго моего доклада вр. командующему корпусомъ о невозможности исполнить приказаніе начальника дивизіи, такъ какъ, кромѣ даннаго мною объясненія, эта полубатарея должна поддерживать атаку лѣса 57-й дивизіей, но атака еще не начиналась".—Полковникъ Рудницкій: „Вы скоро получите приказъ по дивизіи", и оставилъ телефонную. трубку. Во время этого разговора командиръ 103 полка донесъ по телефону, что нѣмцы готовятъ новую атаку. Вскорѣ нѣмцы атаковали самый правый флангъ 103 полка, поведя атаку на укрѣпленную усадьбу Клейнъ Гуя. но вторично были отбиты. При отраженіи этой атаки, полкъ понесъ большія потери солдатами и офицерами, въ числѣ которыхъ командиръ 3-го батальона подполковникъ Клейнъ былъ раненъ, а командиръ роты капитанъ Казачковъ былъ убитъ.

Въ 11 часовъ 30 минутъ былъ полученъ приказъ по дивизіи. Къ моему изумленію, это былъ приказъ объ отходѣ съ укрѣпленной позиціи. Въ приказѣ было сказано:

„Армія отходитъ на линію Спангельмъ-Бубайкенъ-Іодлаукенъ-Кавarренъ-Гросъ Собростъ.

I. Генералъ-майору Ларіонову начать отходъ съ позиціи въ 12 часовъ дня и слѣдовать по дорогѣ на сс. Брозовенъ-Климкенъ-Ней-Гурренъ-Ольшовенъ - Фридрихсфельде къ Кавarренъ и войти въ связь с 57 диви-

зіей, которая въ 12 часовъ дня будетъ въ г. Норденбургѣ.

2. Командиру 102 Вятскаго полка полковнику Чевакинскому начать отходъ въ 12 часовъ дня и слѣдовать по дорогѣ на сс. Приновенъ-Якуновенъ-Паульсваль де-Собихенъ-Лаунингкенъ къ Домбровкенъ.

3. Штабъ дивизіи будетъ слѣдовать по дорогѣ, указанной 102 Вятскому полку, и въ такіе-то часы будетъ въ такихъ-то пунктахъ (указаны точки высотъ вдоль пути слѣдованія).

4. 101 Пермскій полкъ продолжаетъ оставаться у Гронденъ" (Схема № 2).

О дѣйствіяхъ 43 пѣхотной дивизіи въ районѣ Поссессернъ-Летценъ-Арисъ никакихъ свѣдѣній въ приказѣ не было.

Внѣзапный отходъ 1-й арміи на линію Спангельмъ-Гросъ-Собростъ, при чемъ осаживалъ и лѣвый важный флангъ ея у озернаго дефиле Норденбургъ-Ангербургъ, который 26 дивизіи приказано было „защищать упорно, но пассивно", съ угрозой „разстрѣливать безъ суда и слѣдствія тѣхъ, кто самовольно оставитъ окопы",—ясно подсказывалъ вмѣстѣ съ умолчаніемъ въ приказѣ о дѣйствіяхъ 43 дивизіи, что въ районѣ кр. Летценъ произошло огромной важности событіе, для насъ неблагопріятное и заставившее отходить всю 1-ю армію: нѣмцы насъ обошли, подумалъ я. Я приказал вызвать къ телефону начальника штаба дивизіи, но телефонъ оказался сня-

тымъ. Я послалъ подпоручика Косолапова къ телефону штаба 57 дивизіи. Онъ вернулся и доложилъ, что телефонистъ болѣе часа тому назадъ снялъ свой телефонъ и безъ доклада ушелъ къ своему штабу. Оказалось, что ушелъ съ позиціи 102-й полкъ, обнаживъ лѣвый флангъ моей бригады, которую XX нѣмецкій корпусъ держитъ въ напряженномъ состояніи, подъ угрозой съ минуты на минуту повести на нее рѣшительную атаку, на что указывало новое донесеніе командира 103-полка. Въ такой обстановкѣ, когда бригада ведетъ бой съ превосходнымъ въ силахъ противникомъ, а ей приказано отходить, принимать атаку было нельзя,—ее надо было предупредить быстрымъ отходомъ съ позиціи, оторвавшись отъ противника. Но вывести бригаду изъ боя съ 6-верстнаго фронта по одной дорогѣ черезъ с. Брозовенъ, которое было на склонѣ холма въ 3 верстахъ отъ оставляемой позиціи и на виду противника, какъ было указано въ приказѣ, было бы большой тактической ошибкой: это повело бы къ излишнимъ потерямъ и затянуло бы отходъ, чѣмъ противникъ не преминулъ бы воспользоваться для охвата фланговъ бригады. создавъ ей огневой мѣшокъ во время отхода.

Поэтому я приказалъ начальникамъ боевыхъ участковъ отходить одновременно, направивъ 103 полкъ по дорогѣ на Вессоловенъ-Перльсвальде-Линдгваровенъ-Піонткенъ-Илльменъ къ Кавarренъ, а 104 полкъ по дорогѣ на Брозовенъ, указанной приказомъ

Командиру 2-го артиллерійскаго дивизіона полковнику Шпилеву приказалъ развить ураганный огонь по ближайшимъ войскамъ противника, а затѣмъ прикрыть отходъ полковъ огнемъ съ позицій у Вессоловенъ и Брозовенъ. Оставивъ при себѣ лишь 5 казаковъ, остальныхъ, по взводу, передалъ командирамъ полковъ, приказавъ командиру 103 полка найти 57 дивизію и держать съ нею связь, а командиру 104 полка держать связь съ 102 полкомъ. При началѣ отхода въ тяжеломъ положеніи оказались роты лѣваго фланга 103 полка: противникъ занялъ нашу позицію у Клейнъ-Гуя и открылъ сильный огонь по нимъ, когда эти роты отходили на фронтъ Вессоловенъ-Бидашкенъ. Но онѣ скоро были выручены полубатареей у Вессоловенъ. Когда роты 104 полка поднимались по западному склону холма, на которомъ находится сѣверная окраина с. Брозовенъ, гаубичная батарея противника открыла огонь залпами отъ Клейнъ Домбровкенъ и зажгла два крайнихъ домика сѣверной окраины селенія. Пройдя Леопольдсгофъ-Брозовенъ, полки перешли въ походныя колонны, имѣя въ арріергардѣ каждый по батальону съ 4 орудіями. Въ 1 часъ дня я послалъ донесеніе начальнику дивизіи объ отходѣ бригады по двумъ дорогамъ. Въ Ольшовенъ я получилъ донесеніе командира 103 полка о томъ, что онъ не можетъ найти 57 дивизіи и что его колонна была обстрѣляна у Линдгваровенъ артиллеріей противника съ сѣвера, поэтому онъ свернулъ вправо и пошелъ низиной. Я по-

слалъ его донесеніе начальнику дивизіи. Отъ Ильменъ полковникъ Алексѣевъ вновь донесъ, что казаки нигдѣ не могутъ обнаружить 57 дивизію, но что у Ильменъ онъ вошелъ въ связь съ 20 и 17 стрѣлковыми полками 5 стрѣлковой бригады, которые были въ поддержкѣ конницы генерала Гурко, получившаго приказаніе направиться на востокъ. И это донесеніе я отправилъ начальнику дивизіи. Преслѣдовавшая 103 полкъ колонна противника открыла по его арріергарду артиллерійскій огонь, Полковникъ Алексѣевъ запросилъ, слѣдуетъ ли принимать бой, въ виду близости Кавarренъ. Я приказалъ занять позицію арріергардомъ, а съ главными силами продолжать отходъ къ Кавarренъ. Командиру 104 полка я приказалъ расположить свой арріергадъ въ боевомъ порядкѣ у лѣса въ 1 верстѣ къ югу отъ с. Ильменъ. Полковникъ Триковскій занялся повѣркой расположенія на позиціи арріергарда, а я продолжалъ путь къ Кавarренъ выигрывая время для полученія указанія отъ начальника дивизіи о дальнѣйшемъ планѣ дѣйствій дивизіи и о задачѣ 2-й бригады. Правѣе дороги (шоссе) изъ Ленкелишкенъ въ Кавarренъ у сѣверо-западной опушки лѣса, что къ западу отъ Кавarренъ, стоялъ въ запряжкѣ вагенбургомъ обозъ 2-го разряда 26-й дивизіи и парки. Командиръ обоза обратился ко мнѣ за указаніемъ, куда ему вести обозъ, такъ какъ вблизи идетъ бой, а онъ уже нѣсколько часовъ ожидаетъ приказанія штаба дивизіи, но не получаетъ его и не можетъ найти штаба. Я отвѣ-

тилъ ему, что я также пока не знаю, какія будутъ дальнѣйшія дѣйствія дивизіи и бригады; поэтому я не могу дать никакого указанія относительно обоза. Приказаніе мы, вѣроятно, скоро получимъ, добавилъ я.

Не имѣя свѣдѣній объ отходѣ 102 полка и штаба дивизіи, и гдѣ они находятся, я безпокоился за нашъ лѣвый флангъ. По крутому южному скату довольно высокаго холма я поднялся на его вершину и сталъ осматривать въ бинокль мѣстность. Западнѣе с. Ленкелишкенъ находились на позиціи арріергардъ 103-го полка, 20-й и 17-й стрѣлковые полки и вели бой съ противникомъ, который былъ за Илльменъ: его перебѣгающія стрѣлковыя цѣпи, при освѣщеніи солнцемъ, были видны въ перелѣскахъ, а шрапнели рвались не только надъ войсками, но и надъ с. Ленкелишкенъ. Я перенесъ свое наблюденіе на южный районъ мѣстности, гдѣ среди зелени деревьевъ были видны домики д. Домбровкенъ, куда согласно приказа долженъ отойти 102-й Вятскій полкъ. Къ юго-западу отъ Домбровкенъ раздался отдаленный залпъ изъ двухъ нѣмецкихъ гаубицъ (выстрѣлъ нѣмецкой гаубицы характерно отличался отъ выстрѣла нашей гаубицы), послѣ чего въ полуторыхъ или въ двухъ верстахъ восточнѣе Домбровкенъ послѣдовали два разрыва шрапнелей, изъ которыхъ одинъ низкій, а другой клевокъ. Минутъ черезъ пять залпъ повторился, но разрывы на этотъ разъ были выше нормальнаго, давъ ясную проекцію на фонѣ крупнаго сосноваго лѣса, покрываю-

щаго склоны праваго берега р. Ангерапъ. Съ недоумѣніемъ, по какой цѣли стрѣляетъ противникъ, я сталъ сходить съ холма на шоссе, гдѣ меня ожидали офицеры, казаки и ординарцы. Подпоручикъ Косолаповъ мнѣ крикнулъ, что по шоссе отъ Яутекенъ къ намъ ѣдетъ съ тремя казаками старшій адъютантъ штаба капитанъ Дьяковъ. Я ускорилъ шагъ, полагая, что онъ везетъ приказаніе. Онъ спѣшился, подошелъ ко мнѣ и спросилъ, не здѣсь ли начальникъ дивизіи съ начальникомъ штаба. „Здѣсь ихъ нѣтъ, отвѣтилъ я, а Вы давайте скорѣе приказаніе, что мы дальше будемъ дѣлать". Капитанъ Дьяковъ сказалъ, что дальнѣйшія дѣйствія дивизіи ему неизвѣстны, но онъ разослалъ въ $3^1/_2$ часа дня приказаніе о расположеніи на ночлегъ, а теперь ищетъ начальника дивизіи и начальника штаба, которые должны быть въ Альтъ Саускойенѣ, но ихъ тамъ нѣтъ—Какъ же Вы ихъ потеряли?—спросилъ я. Капитанъ Дьяковъ объяснилъ, что они уѣхали впередъ въ Альтъ Саускойенъ, гдѣ назначенъ ночлегъ штабу дивизіи, но тамъ никого нѣтъ.—„А 102 полкъ оторвался отъ Васъ, Ваше Превосходительство, и пошелъ прямо на востокъ къ Даркменъ", добавилъ капитанъ Дьяковъ. Это важное обстоятельство было совсѣмъ неожиданнымъ: линія отхода для дивизіи назначена приказомъ Кавварренъ-Гросъ Собростъ, а 102 полкъ, съ которымъ отходилъ штабъ дивизіи съ дивизіоннымъ резервомъ, ушелъ прямо на востокъ къ Даркаменъ, при чемъ старшій адъютантъ не можетъ найти начальника дивизіи и

начальника штаба. Я склоненъ былъ предположить, что начальникъ дивизіи получилъ во время отхода новое приказаніе продолжать отходъ далѣе на востокъ къ переправѣ черезъ р. Ангерапъ у Даркеменъ, и высказалъ эту мысль капитану Дьякову. Онъ отвѣтилъ, что такого приказанія до $3^1/_2$ часовъ дня не получалось, оно могло быть получено только послѣ того, какъ начальникъ дивизіи съ начальникомъ штаба уѣхали впередъ. Тогда я потребоваль отъ него копію приказанія, но ея у него не было, такъ какъ полевая книжка осталась у начальника штаба. Солнце закатывалось, начинало темнѣть. Подошелъ съ двумя батальонами и артиллеріей полковникъ Триковскій. Я пригласилъ его, полковника Алексѣева, полковника Шпилева и бывшихъ при мнѣ офицеровъ въ находящійся у шоссе домикъ Каварренъ. Тамъ я сообщилъ собравшимся о томъ, что доложилъ мнѣ капитанъ Дьяковъ, и предложилъ послѣднему показать по картѣ, гдѣ, согласно приказанія, должны быть расположены на ночлегъ части дивизіи. Капитанъ Дьяковъ сказалъ, что онъ не помнитъ точнаго расположенія частей. Я предложилъ показать по картѣ, хотя приблизительно. Капитанъ Дьяковъ показалъ по картѣ, что моей правой колоннѣ ночлегъ назначенъ у Каварренъ съ арріергардомъ у Илльменъ, а лѣвой колоннѣ (102 полку съ артиллеріей) ночлегъ назначенъ въ с. Домбровкенъ съ арріергардомъ у роцци Росшосеръ Шпитце; штабъ дивизіи съ дивизіоннымъ резервомъ долженъ ночевать в Альтъ Саускойенѣ. Мѣ-

сто ночлега обоза 2-го разряда капитанъ Дьяковъ не могъ припомнить.

Разсматривая карту, я обратилъ вниманіе на подступы къ лѣвому флангу района расположенія дивизіи, гдѣ ночью могутъ развиться неблагопріятныя для насъ дѣйствія, такъ какъ съ юга и съ юго-запада къ лѣвому флангу ведутъ отличныя дороги. Пользуясь ими, XX нѣмецкій корпусъ можетъ или атаковать дивизію ночью, съ охватомъ ея лѣваго фланга и даже съ захватомъ ея тыла, или ночью сдѣлать подходъ и атаковать утромъ 29 августа. Теперь же, когда 102 полкъ ушелъ на востокъ къ Даркеменъ, обнаживъ такимъ отходомъ лѣвый флангъ моей правой колонны на ночь и бросивъ наблюденіе и охрану путей къ югу отъ Бейнуненскаго лѣса, правой колоннѣ (2-й бригадѣ съ артиллеріей) нельзя оставаться на ночлегѣ у Каварренъ съ арріергардомъ у Ильменъ, тѣмъ болѣе, что передъ бригадой цѣлый непріятельскій корпусъ, преслѣдующій дивизію. Дѣйствительно, на возможность и вѣроятность ночной или утренней атаки противникомъ лѣваго фланга дивизіи, а теперь только бригады, указывали слѣдующія дороги: 1) шоссе Лаунингкенъ-Яутекенъ-Каварренъ. 2) Лаунингкенъ - Домбовкенъ - Саускойенъ-Гросъ-Бейнуненъ. 3) шоссе Домбровкенъ-Клейнъ Бейнуненъ-Кунигеленъ. 4) Гросъ Собростъ-Бейнуненъ-Кунигеленъ и 5) Гросъ Собростъ-Даркеменъ. Такимъ образомъ, если расположить бригаду на ночлегъ согласно приказанія штаба дивизіи, переданнаго мнѣ словесно по картѣ въ общихъ чертахъ старшимъ адъ-

ютантомъ, у Кавaрренъ съ арріергардомъ у Илльменъ, то весь районъ мѣстности на лѣвомъ флангѣ бригады отъ линіи Яутекенъ-Клейнъ Бейнуненъ до самой рѣки Ангерапъ, вслѣдствіе отхода 102 полка и штаба съ дивизіоннымъ резервомъ прямо къ Даркеменъ, можетъ оказаться во власти противника или ночью или утромъ 29 августа, Такого опаснаго положенія бригады на ночлегъ у Кавaрренъ съ арріергардомъ у Илльменъ нельзя было допустить, принимая къ тому же во вниманіе, что въ разстояніи около 3/4 версты къ западу отъ Кавaрренъ былъ лѣсъ, представляющій собою отличный подступъ. Атакованная ночью или утромъ бригада корпусомъ противника могла быть отрѣзана отъ переправы у Даркемена и отброшена къ сѣверу на востокъ нашего IV корпуса. Тогда XX нѣмецкій корпусъ, подъ фланговой защитой своего сосѣда XI нѣмецкаго корпуса, получилъ бы полную возможность рѣзать лѣвый флангъ нашего IV корпуса съ выходомъ ему въ тылъ. Всѣ эти соображенія поставили передо мною вопросъ гдѣ и какъ расположить на ночлегъ бригаду, чтобы она могла отразить ночью или утромъ противника и задержать его, по крайней мѣрѣ, до полученія мною указанія или боевой задачи 26 дивизіи на 29 августа. Съ этою цѣлью я отдалъ полевой запиской слѣдующее письменное приказаніе:

1) Обозу 2-го разряда отойти къ Даркеменъ.

2) Командиру 103 полка оттянуть арріергардъ пол-

ковника Веригина отъ р. Ильменъ на высоту у Каварренъ.

3) Командиру 104 полка выставить лѣвый передній боковой отрядъ силою въ 1 батальонъ при 4 орудіяхъ на углу лѣса у Яутекенъ. Наблюдать и охранять мѣстность юго-западнаго сектора.

4) Командиру 103 полка выставить лѣвый тыльный боковой отрядъ силою въ батальонъ при 4 орудіяхъ къ Клейнъ Бейнуненъ. Наблюдать и охранять мѣстность къ югу отъ Бейнуненскаго лѣса.

5) Главнымъ силамъ бригады, подъ начальствомъ полковника Триковскаго, отойти на ночлегъ квартиро-бивакомъ въ с. Гросъ Бейнуненъ.

Выставляя сильные отряды съ артиллеріей на важнѣйшихъ направленіяхъ, я имѣлъ въ виду удержать за собою Бейнуненскій лѣсъ, если противникъ разовьетъ боевыя дѣйствія ночью или утромъ 29 августа, потому что придавать артиллерію въ лѣсной мѣстности, когда онъ начнетъ наступленіе и атаку, будетъ уже поздно. При прочномъ занятіи Бейнуненскаго лѣса, даже въ случаѣ невозможности удержать его, бригада получала возможность отойти съ боемъ къ переправѣ у Даркеменъ, не рискуя быть обойденной съ лѣваго фланга, который имѣлъ бы тогда прикрытіе въ параллельномъ теченіи р. Ангерапъ.

Пропустивъ обозы и парки, полковникъ Триковскій, отдавъ свои распоряженія, выступилъ въ Гросъ

Бейнуненъ. Старшій адъютантъ штаба дивизіи капитанъ Дьяковъ отправился вновь искать начальника дивизіи и начальника штаба, обѣщавъ сообщить мнѣ въ Гросъ Бейнуненъ, когда найдетъ ихъ. Я остался въ домикѣ Кавarренъ ожидать донесеній отъ начальниковъ прикрывающихъ отрядовъ о занятіи ими своихъ мѣстъ. Получивъ ихъ, я выступилъ въ 10 часовъ вечера въ Гросъ Бейнуненъ къ главнымъ силамъ бригады. Со мною слѣдовали командиръ 103 полка полковникъ Алексѣевъ, командиръ 2-го артиллерійскаго дивизіона полковникъ Шпилевъ, полковой адъютантъ 103 полка поручикъ Коркуцъ, адъютантъ 2-го артиллерійскаго дивизіона штабсъ-капитанъ Голенкинъ, капитанъ Медовщиковъ, подпоручики Косолаповъ и Шиша, 10 рота 103 полка съ полковымъ знаменемъ, конные ординарцы, артиллерійскіе развѣдчики и взводъ казаковъ, переданныхъ мною въ распоряженіе командира 103 полка. Недалеко отъ Кавarренъ насъ встрѣтилъ велосипедистъ и передалъ записку отъ полковника Триковскаго, который просилъ разрѣшенія пройти съ главными силами бригады въ с. Кунигеленъ, такъ какъ с. Гросъ Бейнуненъ занято обозомъ 17 и 20 стрѣлковыхъ полковъ и паркомъ 5 стрѣлковаго артиллерійскаго дивизіона. Селенія смѣжныя, я разрѣшилъ. Однако полковника Триковскаго съ войсками бригады въ Кунигеленѣ не оказалось. Въ одномъ домикѣ былъ видѣнъ свѣтъ. Мы направились къ этому домику. Здѣсь доканчивали свой ужинъ артиллерійскіе

офицеры парка 5 стрѣлковаго артиллерійскаго дивизіона. Они сообщили, что какая-то пѣхота прошла по шоссе на Даркеменъ. Я послалъ казаковъ и велосипедиста отыскать полковника Триковскаго. Артиллеристы накормили насъ ужиномъ, а посланные не возвращались. Полковникъ Триковскій не давалъ извѣстія, гдѣ онъ находится съ главными силами бригады. Не было вѣстей и отъ капитана Дьякова, нашелъ-ли онъ штабъ дивизіи. У Илльменъ, Ленкелишкенъ и въ сторонѣ нашего IV корпуса раздавалась рѣдкая орудійная и ружейная стрѣльба, въ трехъ мѣстахъ были видны зарѣва пожаровъ.

Все это вмѣстѣ взятое не способствовало хорошему настроенію, меня же болѣе всего угнетало то, что начальникъ дивизіи ушелъ съ дивизіоннымъ резервомъ куда-то на востокъ, не давъ мнѣ никакихъ свѣдѣній ни о предстоящихъ дѣйствіяхъ корпуса и дивизіи ни объ обстановкѣ въ нашемъ тылу и на флангахъ. 102-й Вятскій полкъ также не остановился на линіи отхода дивизіи въ с. Домбровкенъ, а прошелъ къ г. Даркеменъ. Въ довершеніе этого пропалъ съ главными силами бригады и полковникъ Триковскій. Между тѣмъ XX-й нѣмецкій корпусъ можетъ съ минуты на минуту начать ночныя боевыя дѣйствія. Я послалъ подпоручика Косолапова съ разъѣздомъ казаковъ въ Альтъ Саускойенъ узнать, тамъ ли капитанъ Дьяковъ и нашелъ ли онъ начальника дивизіи со штабомъ. Наконецъ посланный

мною велосипедистъ вернулся и доложилъ, что „полковникъ Триковскій съ войсками находится въ большой деревнѣ на шоссе верстахъ въ 4-5 отсюда". Въ такомъ разстояніи на картѣ значилась д. Гудвалленъ. Далекій отходъ полковника Триковскаго испортилъ все дѣло обороны Бейнуненскаго лѣса, вернуть же его назадъ, конечно, было уже поздно: уставшіе офицеры и солдаты, несомнѣнно, уже спали. Волей-неволей я долженъ былъ продолжать путь въ Гудвалленъ.

Ночная атака противника въ ночь на 29 августа.

Въ 1 часъ ночи въ правой сторонѣ отъ насъ и нѣсколько назади раздалась ружейная и пулеметная трескотня, просвистѣли три пули и загремѣли орудійные выстрѣлы; послышалась стрѣльба у Яутекенъ, у Ленкелишкенъ, загрохотала артиллерія въ районѣ нашего IV корпуса. Я послалъ казаковъ въ прикрывающіе отряды узнать, въ чемъ дѣло. Отъ начальника лѣваго передняго бокового отряда у Яутекенъ подполковника Грунде я получилъ довольно непріятное донесеніе: „Окруженный пѣхотой, артиллеріей и кавалеріей противника, спѣшно отхожу лѣсомъ". Относительно кавалеріи я не повѣрилъ, но положеніе все же было скверное: противникъ могъ захватить Бейнуненскій лѣсъ, такъ какъ полковникъ Триковскій съ главными силами бригады находился въ 7-8 верстахъ въ д. Гудвалленъ, а полковникъ Грунде безъ боя отдавалъ этотъ лѣсъ и ставилъ къ тому же въ опасное положеніе арріергардъ полковника Веригина у Кавarренъ и оба стрѣлковые полка 5 стрѣл-

ковой бригады у Ленкелишкенъ,—эти части могли получить ударъ съ юга и быть отброшены на сѣверъ. Я послалъ подполковнику Грунде полевую записку: „Приказываю не отходить и не терять связи съ полковникомъ Веригинымъ". Не зная, въ какомъ положеніи находится арріергардъ полковника Веригина, я написалъ ему кратко, не стѣсняя свободы его дѣйствій: Подполковникъ Грунде донесъ, что, окруженный противникомъ, онъ спѣшно отходитъ лѣсомъ. Я приказалъ не отходить и не терять связи съ Вами. Сообразуйте ваши дѣйствія, имѣя въ виду, что правѣе Васъ стрѣлки". Получивъ мое приказаніе, подполковникъ Грунде остановился въ лѣсу, а полковникъ Веригинъ, передавъ оборону высоты у Каварренъ командиру 20 стрѣлковаго полка насильственно (мнѣ было доложено, что командиръ 20-го стрѣлковаго полка отказался ее принять), спустился съ высоты въ лѣсъ, приблизившись къ боковому отряду подполковника Грунде, и остановился на уступѣ впереди его праваго фланга. Противникъ не рискнулъ продолжать въ темнотѣ наступленіе и вскорѣ отошелъ назадъ. Черезъ постъ летучей почты, оставленный мною въ Кунигеленъ, я получилъ около 3 часовъ ночи двѣ полевыя записки, одну отъ капитана Дьякова, а другую отъ начальника дивизіи. Капитанъ Дьяковъ извѣщалъ, что начальникъ дивизіи, начальникъ штаба и весь штабъ прибыли въ 12 часовъ 20 минутъ ночи въ Альтъ Саускойенъ, а начальникъ дивизіи въ своей полевой запискѣ съ да-

тою въ 1 часъ 10 минутъ ночи писалъ: „Въ сосѣдней колоннѣ открытъ ружейный, пулеметный и артиллерійскій огонь; *если противника передъ собой не имѣете, помогите*". Прибывшій передъ началомъ атаки, начальникъ дивизіи, какъ видно, совершенно не зналъ расположенія войскъ 2-й бригады, вслѣдствіе чего лѣвый тыльный боковой отрядъ подполковника Козелъ-Паклевскаго назвалъ „сосѣдней колонной".

Около 4 часовъ утра начальникъ дивизіи и начальникъ штаба прибыли въ Гудвалленъ съ двумя ротами, двумя орудіями дивизіоннаго резерва и съ $1^1/_2$ сотнями дивизіонной конницы, оставивъ въ Альтъ Саускойенѣ двѣ роты и два орудія для оказанія помощи атакованному лѣвому тыльному боковому отряду подполковника Козелъ-Паклевскаго. Атака, какъ выяснилось, была произведена на сторожевую роту поручика Сойкина. Въ отбитіи ея со стороны с. Клейнъ Бейнуиенъ дѣйствовали роты сторожевого резерва, а со стороны Альтъ Саускойенъ двѣ роты и два орудія дивизіоннаго резерва, подъ начальствомъ полковника Маціевскаго, оставленныя въ Альтъ-Саускойенѣ начальникомъ дивизіи. Натолкнувшись въ двухъ мѣстахъ на сильныя охраняющія части и убѣдившись, что Бейнуенскій лѣсъ нами прочно занятъ, нѣмцы не рискнули продолжать ночную атаку и отошли назадъ. Сохраненіе въ нашихъ рукахъ этого лѣса въ ночь съ 28 на 29 августа дало возможность 2-й бригадѣ развернуться въ немъ и въ прилегаю-

щихъ перелѣскахъ утромъ 29 августа, чтобы еще разъ остановить рвавшійся впередъ XX нѣмецкій корпусъ.

Бой 29 августа 1914 года 2-й бригады, 26 дивизіи при поддержкѣ ея 17 и 20 стрѣлковыми полками 5-й стрѣлковой бригады, имѣлъ огромное стратегическое значеніе, такъ какъ онъ былъ главнымъ факторомъ въ дѣлѣ предотвращенія окруженія нащей 1-й арміи генерала Ренненкампфа въ Восточной Пруссіи, что можно будетъ ясно видѣть изъ описанія положенія сторонъ утромъ 30 августа. *) Въ тактическомъ отношеніи этотъ бой имѣлъ ту особенность, что благодаря лѣсной мѣстности, XX нѣмецкій корпусъ не могъ использовать свою болѣе сильную и болѣе многочисленную артиллерію, для которой у него не было хорошихъ позицій и наблюдательныхъ пунктовъ.

Въ Гудвалленѣ я потребовалъ отъ полковника Триковскаго объясненія причины далекаго отвода главныхъ силъ бригады отъ прикрывающихъ частей. Онъ объяснилъ тѣмъ, что въ темнотѣ не разобралъ карты, принявъ д. Кунигеленъ за д. Гросъ-Бейнуненъ, который въ дѣйствительности онъ уже прошелъ, и свою записку послалъ изъ Кунигеленъ, полагая, что находится въ Гросъ Бейнуненъ. Но въ такомъ случаѣ не понятно, почему онъ не прислалъ своевременнаго донесенія о своей ошибкѣ и о томъ, гдѣ онъ находится, а заставилъ меня искать его. Такой

*) Схема № 2.

дальній отходъ отъ мѣста назначеннаго ночлега и сторожевыхъ отрядовъ вселяетъ предположеніе, что полковникъ Триковскій просто потянулся поближе къ переправѣ за начальникомъ дивизіи и за 102 полкомъ въ увѣренности, что и 2-й бригадѣ послѣдуетъ приказаніе отойти къ Даркеменъ. Иначе трудно объяснить, чтобы командиръ полка не понималъ, что далекимъ отводомъ главныхъ силъ бригады онъ облегчаетъ противнику захватить лѣсъ, на важность удержанія котораго въ нашихъ рукахъ ему было указано. На наше счастье, сторожевые отряды бригады, благодаря своей силѣ и организаціи, самостоятельно отбили атаку противника. Но если бы такого благополучія не случилось, послѣдствія были бы печальны не только для 26 дивизіи, но и для всей нашей 1-й арміи, потому, что XX нѣмецкій корпусъ перешелъ бы тогда р. Ангерапъ утромъ 29 августа, а это было бы началомъ расчлененія и окруженія нашей 1-й арміи въ Восточной Пруссіи.

Что касается причины преждевременнаго отхода начальника дивизіи съ бывшими при немъ войсками съ укрѣпленной позиціи, то причина осталась неизвѣстной. А что онъ спѣшилъ къ переправѣ, такъ это несомнѣно и ясно изъ того, что онъ не держалъ связи, не интересовался, какъ идетъ дѣло въ оставленной во время боя съ XX нѣмецкимъ корпусомъ бригадѣ, и не далъ распоряженія ни обозу 2-го разряда ни мнѣ, принимать ли бой, если противникъ не пожелаетъ оставить бригаду спокойно оставаться на ноч-

легѣ, или отходить далѣе на востокъ. Я склоненъ объяснить поспѣшность его отхода такимъ образомъ. Получивъ ночью 28 августа отъ штаба корпуса свѣдѣнія о пораженіи 43 дивизіи въ районѣ крѣп. Летценъ и приказъ объ отходѣ съ укрѣпленной позиціи, утромъ 28-го онъ могъ получить свѣдѣніе объ угрозѣ со стороны противника нашему лѣвому флангу. Это обстоятельство, вѣроятно, и заставило его преждевременно уйти съ позиціи. Послѣ же 3 часовъ дня, когда было написано приказаніе о расположеніи на ночлегъ и когда начальникъ дивизіи уѣхалъ съ начальникомъ штаба впередъ, онъ вѣроятно, получилъ уже болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о близкой непосредственной угрозѣ не только лѣвому флангу, но и тылу дивизіи. Считая обстановку уже грозной и опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ переправы у Даркеменъ, начальникъ дивизіи и увелъ къ переправѣ всю лѣвую колонну. Возможно, что онъ сдѣлалъ это по указанію штаба корпуса, но во всякомъ случаѣ объ этомъ необходимо было сообщить мнѣ и отдать соотвѣтствующее распоряженіе, а не оставлять меня съ завязанными глазами. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что отходъ лѣвой колонны требовалъ совершенно иного расположенія на ночлегъ, разъ 2-я бригада осталась одна передъ противникомъ. Когда штабъ дивизіи узналъ отъ обозныхъ прибывшаго въ Даркеменъ обоза, что 2-я бригада осталась въ лѣсу у Кавarренъ, то начальникъ дивизіи вернулся со штабомъ въ назначенный для ночлега штабу Альтъ Саускойенъ въ 12 часовъ 20 минутъ ночи. Начавшаяся нѣмецкая

атака заставила его бросить неудачно выбранный для ночлега Альтъ Саускойенъ и перейти къ главнымъ силамъ 2-й бригады въ Гудвалленъ.

29 августа. Въ Гудвалленѣ былъ полученъ приказъ по корпусу о задержаніи противника и копія директивы Командующаго 1-й арміей генерала Ренненкампфа, приказывавшаго не только задержать нѣмцевъ, но и „*вогнать ихъ обратно въ лѣсъ*". Такое приказаніе доказываетъ ,что штабу 1-й арміи было донесено въ томъ смыслѣ, что 26 дивизія не остановилась на предписанной ей линіи отхода „Кавarренъ-Гросъ Собросъ", а отошла къ переправѣ у Даркменъ. Въ дѣйствительности же къ переправѣ у Даркменъ отошла только лѣвая колонна съ начальникомъ дивизіи и со штабомъ, а правая колонна, сдерживавшая XX нѣмецкій корпусъ, осталась на указанной 26 дивизіи линіи отхода, имѣя лѣсъ (Бейнуненскій) въ своихъ рукахъ. Поэтому указаніе Командующаго 1-й арміей относилось въ сущности только к начальнику дивизіи съ его лѣвой колонной. Вотъ почему начальникъ дивизіи и вернулся ночью отъ переправы въ Альтъ Саускойенъ.

Такъ какъ выяснять потери въ полкахъ 2-й бригады за 28 августа не было времени и новаго строевого расчета роты произвести не успѣли, то командиры полковъ просили черезъ меня начальника дивизіи доложить вр. командующему корпусомъ о томъ, чтобы принять бой на р. Ангерапъ у Даркеменъ. Имѣя уже директиву Командующаго арміей и

приказъ по корпусу о развертываніи боевого порядка на линіи отхода, начальникъ дивизіи, конечно, въ такой просьбѣ отказалъ.

Начальникъ штаба дивизіи приступилъ къ составленію боевого приказа, а я отдалъ приказаніе о развертываніи полковъ 2-й бригады въ боевой порядокъ.

Бой 29-го августа и отходъ за р. Ангерапъ.

Къ $7^1/_2$ часамъ утра полки 2-й бригады развернулись въ боевую линію немного западнѣе сс. Ней Бейнуненъ-Гросъ Бейнуненъ-Клейнъ Бейнуненъ и стали продвигаться впередъ лѣсомъ и перелѣсками. Боевой участок 103-го полка былъ сѣвернѣе шоссе Даркеменъ-Кавarренъ, а боевой участокъ 104-го полка былъ южнѣе шоссе. 102-й полкъ долженъ былъ развернуться лѣвѣе 104-го полка, но такъ какъ онъ былъ въ раіонѣ у Даркеменъ, то казаки поскакали его искать.

Боевой порядокъ понесшей значительныя потери на укрѣпленной позиціи 2-й бригады доходилъ до 3 верстъ, и въ бригадномъ резервѣ осталась лишь одна рота 103 полка. Я доложилъ начальнику дивизіи о необходимости усилить меня резервомъ, но и у него не было въ непосредственномъ распоряженіи войсковых частей. Онъ по этому поводу обратился съ просьбой въ штабъ корпуса, послѣ чего сообщилъ мнѣ, что штабъ корпуса направилъ на усиленіе дивизіи 226 Землянскій полкъ 57 дивизіи, два батальо-

на котораго будутъ присланы въ мой бригадный резервъ.

Батареи 2-го дивизіона заняли позиціи въ низинахъ и кустарникахъ лѣваго фланга. 20 и 17 стрѣлковые полки съ ранняго утра отошли съ линіи Ленкелишкенъ—высота у Каварренъ и въ $7^1/_2$ часовъ находились правѣе моей бригады въ районѣ дд. Скирлякъ-Кундшиккенъ; при чемъ 20-й стрѣлковый полкъ былъ хорошо видѣнъ съ моего командnаго пункта (у шоссе вблизи Шункаринъ). Въ 8 часовъ утра, когда моя бригада вела уже бой, 20-й стрѣлковый полкъ выстраивалъ еще боевой порядокъ, отправляя въ тылъ повозки, группы солдатъ и роту со знаменемъ. В $8^1/_4$ мимо меня прошли двѣ ротѣ 1-го батальона 104 полка съ двумя орудіями, принимавшія участіе въ отраженіи нѣмецкой атаки на роту поручика Сойкина, направляясь въ Гудвалленъ. Задержавъ ихъ, я попросилъ разрѣшенія у начальника дивизіи усилить ими мой бригадный резервъ, на что получилъ согласіе. Въ 9 часовъ утра прибылъ со стороны Даркеменъ 102-й Вятскій полкъ и, направляясь вдоль шоссе къ Кунигеленъ, сталъ разрѣзать боевой порядокъ моей бригады. На мое указаніе, что мѣсто 102 полка въ бою лѣвѣе 104-го полка, полковникъ Чевакинскій отвѣтилъ, что онъ лично получилъ приказаніе отъ начальника дивизіи развернуться у Кунигеленъ. Я доложилъ начальнику дивизіи по телефону, что направленный имъ къ Кунигеленъ 102 полкъ разрѣзаетъ боевой порядокъ моей бригады и мѣшаетъ

ей дѣйствовать. Начальник дивизіи отмѣнилъ свое приказаніе полевой запиской: „Генералъ-майоръ Ларіоновъ развернулся на линіи Ней-Бейнуненъ-Гросъ Бейнуненъ-Клейнъ Бейнуненъ. *Полковникъ Чевакинскій оказался у Кунигеленъ.* Полковнику Чевакинскому, оставивъ 1-й артиллерійскій дивизіонъ на позиціи для дѣйствія, отойти за правый флангъ Генерала Ларіонова къ Эшергалленъ черезъ Ошенингкенъ. 101-му Пермскому полку, направленному отъ Даркеменъ, развернуться лѣвѣе полковника Триковскаго".

102-й полкъ ушелъ за мой правый внутренній флангъ и этимъ ограничилось его участіе въ бою 29 августа; онъ составилъ корпусный резервъ и 30-го августа отходилъ изъ Восточной Пруссіи при штабѣ корпуса.

Въ началѣ 10-го часа нѣмцы стали сильно тѣснить въ лѣсу 104 полкъ, охватывая его лѣвый наружный флангъ. Я послалъ полковнику Триковскому изъ моего резерва двѣ роты 1-го батальона его полка, послѣ чего у меня въ резервѣ осталась только одна рота 103-го полка. Начальникъ праваго батальоннаго боевого участка 103 полка полковникъ Томашевичъ донесъ: „Командиръ 20 стрѣлковаго полка проситъ подкрѣпить его правый флангъ, который охватываютъ нѣмцы". Я отвѣтилъ, что правый флангъ 20 стрѣлковаго полка рядомъ съ 17 стрѣлковымъ полком, который и можетъ его подкрѣпить". Полковникъ Томашевичъ отвѣтилъ, что онъ ошибся:

находясь на правомъ флангѣ своего полка, онъ назвалъ лѣвый флангъ 20 стрѣлковаго полка также правымъ, — „охватывается лѣвый флангъ, что и отсюда видно", добавилъ онъ. Я донесъ по телефону начальнику дивизіи, прося ускорить присылку резерва. Въ 10 часовъ утра ко мнѣ прибылъ, въ сопровожденіи 2-хъ офицеровъ, штабъ-горниста и 5-6 конныхъ ординарцевъ, командиръ 20 стрѣлковаго полка полковникъ Тарановскій и обратился ко мнѣ со слезами на глазахъ и рыданіемъ въ голосѣ: „Ваше Превосходительство! Мой полкъ разбитъ, между нами образовался разрывъ, нѣмцы охватываютъ лѣвый флангъ моего полка. Ради Бога, помогите". — „Я объ этомъ уже знаю, отвѣтилъ я, но у меня нѣтъ резерва, который я ожидаю; какъ только онъ прибудетъ, я сейчасъ же направлю Вамъ помощь". Находясь въ крайне взволнованномъ состояніи, полковникъ Тарановскій, предполагая, вѣроятно, что я отказываю умышленно, настаивалъ на немедленной помощи. Видя, что онъ совершенно потерялъ душевное равновѣсіе, я не особенно любезно сказалъ ему: „Полковникъ! Я отлично понимаю наше положеніе: Васъ разобьютъ, разобьютъ потомъ и меня, — дѣло наше общее, но что я могу сдѣлать безъ резерва? Держитесь во что бы то ни стало до подхода резерва". Полковникъ Тарановскій, отъѣхавъ въ сторону, написалъ записку, послалъ ее съ ординарцемъ въ свой полкъ, а затѣмъ съ остальными лицами свиты отправился въ Гудвалленъ, гдѣ и провелъ остальное время боя при штабѣ 26 дивизіи вплоть до от-

хода съ позиціи. Черезъ нѣкоторое время послѣ его отъѣзда, прибылъ 1-й батальон 226 Землянскаго полка. Командующій батальономъ капитанъ Андреевъ, на груди котораго был орденъ Св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ за Японскую войну, явился съ рапортомъ о прибытіи и доложилъ, что вслѣдъ за нимъ идетъ 2-й батальонъ полка. Я объяснилъ ему наше положеніе и положеніе противника, обстановку боя и далъ задачу выручить отъ охвата лѣвый флангъ 20 стрѣлковаго полка. Показавъ рукой въ сторону праваго фланга 103-го полка. я сказалъ: „Двиньте въ этомъ направленіи роту, уступомъ за ней вправо вторую и охватите въ свою очередь флангъ противника". Подпоручикъ Косолаповъ записалъ мое приказаніе, я его подписалъ. и оно было вручено капитану Андрееву. Капитанъ Андреевъ удачно и незамѣтно для противника вывелъ свой батальонъ во флангъ нѣмецкой цѣпи и открылъ огонь. Нѣмецкая стрѣлковая цѣпь стала частью отбѣгать, частью отходить назадъ. Роты 3-го батальона 103 полка усилили огонь и двинулись впередъ. За ними пошли впередъ и остальныя роты 103 полка, продвинулся впередъ и 104 полкъ лѣсомъ. Охватъ лѣваго фланга 20 стрѣлковаго полка былъ ликвидированъ. Къ полю боя подошелъ 101 Пермскій полкъ и сталъ развертываться въ боевой порядокъ лѣвѣе 104 полка. Отъ начальника дивизіи я получилъ записку: „Къ полю сраженія подходятъ 18 и 19 стрѣлковые полки".

Въ то время какъ шелъ бой въ районѣ Скирлякъ-Бейнуненъ нашихъ войскъ противъ XX-го нѣмецкаго корпуса и части XI-го нѣмецкаго, три правофланговыхъ корпуса нашей I арміи, XXVI, III и IV, отходили съ боемъ къ линіи р. Ангерапъ, а XX-й нашъ корпусъ, растянутый на походѣ отъ Гавайтенъ до Кисселенъ, вступалъ по частямъ въ бой съ XVII нѣмецкимъ въ районѣ Гавайтенъ-Гольдапъ. Сообщеніе начальника дивизіи о томъ, что къ полю сраженія подходятъ 18 и 19 стрѣлковые полки, было радостною вѣстью, такъ какъ бой принялъ напряженный, упорный характеръ: явилась надежда не только сдержать, но и отбросить нѣмцевъ назадъ. А это казалось болѣе чѣмъ необходимымъ, потому что въ нашемъ тылу лѣваго фланга раздавалась сильная артиллерійская стрѣльба легкихъ орудій и полевыхъ гаубицъ, все далѣе и далѣе перемѣщавшаяся къ сѣверо-востоку. Наконецъ, правѣе 17 стрѣлковаго полка послышалась сильная, но короткая канонада легкихъ орудій. У нѣмцевъ произошло замѣшательство, превратившееся скоро въ общій отходъ всего ихъ боевого порядка. Наши части не замедлили воспользоваться и перешли въ контръ-атаку. Наша артиллерія, имѣя въ первыхъ частяхъ пѣхоты артиллерійскихъ наблюдателей (въ 26 артиллерійской бригадѣ это было принято правиломъ), перешла къ обстрѣливанію лѣсной площади, гдѣ отходила нѣмецкая пѣхота. Гаубичная батарея противника у Ленкелишкенъ, стараясь сдержать нашу контръ-атаку, стала бить залпами по

всей площади нашего боевого расположенія шкалою впередъ и назадъ. Стоящіе за домиками Шункаринъ орудійные передки, попавшіе въ полосу обстрѣла, понеслись въ тылъ искать другое прикрытіе. Но продвиженіе впередъ нашей пѣхоты лѣсомъ заставило артиллерію противника сняться съ позиціи у Ленкелишкенъ и отойти на тыловую позицію за ручьемъ Илльменъ. Въ 12 часовъ 15 минутъ дня начальникъ дивизіи сообщилъ по телефону: *„26 дивизія выполнила свою задачу, въ два часа дня получите приказъ объ отходѣ“*. Я остановилъ контръ-атаку. Увлеченный успѣхомъ полковникъ Триковскій ругнулъ начальство, сказавъ, что это настоящая измѣна, разъ не позволяютъ отплатить за вчерашнія потери. Я успокоилъ его, сказавъ: “Вѣроятно, не желаютъ, чтобы мы съ Вами остались въ мѣшкѣ“. Успѣху нашей контръатаки, какъ я полагаю, способствовало то обстоятельство, что между 11 и 12 часами утра въ районѣ Даркеменъ было видно движеніе большого количества войскъ нашего XX корпуса, шедшихъ къ р. Гольдапъ и появленіе на правомъ флангѣ 17 стѣлковаго полка подошедшихъ войскъ IV нашего корпуса, а на лѣвомъ 101-го Пермскаго полка. Все это вмѣстѣ взятое могло создать у противника предположеніе, что противъ него направлены нами подавляющія силы.

В 2 часа дня я получилъ приказъ объ отходѣ съ позиціи, возлагавшій на меня обязанность организовать самый отходъ и прикрыть при отходѣ полки 5 стрѣлковой бригады. Приказомъ по дивизіи полки

1-й бригады дивизіи были направлены на ночлегъ въ сс. Кенигсфельде и Паббельнъ, а штабъ дивизіи и полки моей 2-й бригады были направлены на ночлегъ въ с. Буйліенъ по дорогѣ на Даркеменъ-Веедернъ-Дингляукенъ-Грасгирренъ. Я послалъ командиру 20 стрѣлковаго полка на его позицію полевую записку о томъ, что мною полученъ приказъ объ отходѣ и что мнѣ приказано прикрывать полки 5 стрѣлковой бригады; поэтому просилъ не задерживать долго мою бригаду на позиціи. Когда 20 и 17 стрѣлковые полки начали отходить, противникъ вернулъ свою артиллерію къ Ленкелишкенъ, открылъ залповый огонь и направилъ освободившуюся пѣхоту въ охватъ праваго фланга 1-го батальона 226 Землянскаго полка. Но командующій батальономъ уже получилъ мое приказаніе и началъ отходить съ боемъ. 101-му Пермскому полку сравнительно не трудно было выйти изъ боя, какъ находившемуся на уступѣ лѣваго фланга 104-го полка. Болѣе трудное положеніе создалось для 103-го полка, который въ этомъ бою понесъ наибольшія потери. Прикрытіе отхода я возложилъ на 104-й полкъ съ батареей, подъ начальствомъ полковника Триковскаго. Приказаніе ему писалъ капитанъ Медовщиковъ уже при свистѣ ружейныхъ пуль, при чемъ ожидавшій пакетъ казакъ былъ тяжело раненъ и упалъ съ лошади.

Закончивъ распоряженія по отходу съ позиціи, я направился въ Даркеменъ, чтобы осмотрѣть позицію и организовать арріергардъ для прикрытія пѣреправы

104-го полка, будучи увѣренъ, что ему придется переправляться съ боемъ. Въ Гудвалленѣ я встрѣтилъ начальника дивизіи, который съ офицерами штаба выходилъ со двора на улицу. Здѣсь былъ также и командиръ 20 стрѣлковаго полка полковникъ Тарановскій, уѣхавшій отъ меня въ Гудвалленъ въ 10 часовъ утра. Генералъ Порѣцкій спросилъ, снялись ли съ позиціи 17 и 20 стрѣлковые полки. Я указалъ рукой на походную колонну этихъ полковъ, которые съ артиллеріей шли по дорогѣ въ Даркеменъ черезъ Менцельсвальде въ разстояніи около $1^1/_2$ верстъ къ сѣверо-востоку отъ Гудвалленъ. „Такъ Вы непременно прикрывайте ихъ“, сказалъ начальникъ дивизіи и, не задерживаясь далѣе, пересѣлъ съ лошади въ автомобиль Бенца и покатилъ вмѣстѣ съ полковникомъ Рудницкимъ по шоссе на Даркеменъ, оставивъ записку, чтобы донесенія посылать ему по дорогѣ на Буйліенъ. Полковникъ Тарановскій, со словами „и мнѣ надо ѣхать къ своимъ“ двинулся съ ординарцами полемъ догонять свой полкъ. Отхода 18 и 19 стрѣлковыхъ полковъ я и офицеры моей бригады не видѣли: они направились, вѣроятно, къ переправамъ черезъ р. Ангерапъ у Гробиненъ или Бальшкеменъ, произведя лишь короткую контръ-атаку сѣвернѣе 17 стрѣлковаго полка. Когда я прибылъ въ Даркеменъ, изъ госпиталя заканчивался вывозъ раненыхъ и больныхъ. Отъ сильной усталости, голода и жажды я сѣлъ отдохнуть на улицѣ. Одинъ изъ проходившихъ мимо солдатъ предложилъ мнѣ твер-

дый, какъ камень, сухарь чернаго хлѣба. Я попробовалъ размочить его въ струѣ холодной воды, бившей изъ круглаго отверстія каменной стѣны, но ничего не вышло: разжевать его было нельзя и я, съ грустью положилъ его, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ дальше. Когда я былъ на небольшой площади въ сѣверной части города, изъ лѣвой боковой улицы выходила на площадь походная колонна 17 и 20 стрѣлковыхъ полковъ съ артиллеріей.

Впереди колонны ѣхали рядомъ оба командира полка, полковникъ баронъ Корфъ и полковникъ Тарановскій. 20-й стрѣлковый полкъ, 2-хъ баталіонный по своей организаціи въ самомъ началѣ войны, не произвелъ на меня впечатленія сильно пострадавшаго, какимъ я полагалъ его видѣть. Поэтому я обратился къ полковнику Тарановскому со словами: „Ну, слава Богу, я теперь вижу, что резервъ подошелъ во-время". Полковникъ Тарановскій отвѣтилъ воинскилъ поклономъ, приложивъ руку къ фуражкѣ. Замѣтивъ, что полковникъ баронъ Корфъ меня не узнаетъ, я напомнилъ ему, что мы были съ нимъ въ одно и то же время въ Академіи Генеральнаго Штаба, но на разныхъ курсахъ. Корфъ вспомнилъ, а затѣмъ спросилъ, куда отходитъ моя бригада и какое я имѣю заданіе. Я отвѣтилъ, что моя бригада, согласно приказа, отходитъ на ночлегъ въ с. Буйліенъ.—„А мы такъ двое сутокъ не имѣемъ свѣдѣній о начальникѣ нашей бригады и объ остальныхъ полкахъ; не знаемъ, гдѣ и ночевать. Разрѣшите, Ваше превосходительство,

держаться Васъ, какъ вчера и сегодня", сдѣлалъ заявленіе полковникъ Корфъ.—„Хорошо, держитесь, баронъ, только не занимайте моей дороги въ Буйліенъ", сказалъ я, и показалъ ему дорогу на картѣ. Вслѣдъ за 17 и 20 стрѣлковыми полками я поднялся, перейдя каменный мостъ, на правый высокій берегъ р. Ангерапъ. Правѣе шоссе стояли пулеметныя двуколки и остатки ротъ 103-го полка. На пулеметныхъ двуколкахъ сидѣли и лежали раненые и контуженные пулеметчики. Одни стонали, другіе неистово кричали, прося помощи, иные жалобно просили прикончить ихъ сейчасъ же. Тѣла ихъ, свободные отъ одежды, были синіе и оранжево-багроваго цвѣта. Чрезвычайно тяжело было сознавать, что не было возможности облегчить страданія этихъ несчастныхъ, которые 1-2 часа тому назадъ были здоровы и тѣломъ и духомъ, встрѣчая своею грудью врага въ борьбѣ за свое отечество.

Среди офицеровъ пострадавшихъ ротъ 103 полка былъ командиръ 1-го батальона полковникъ Козелъ-Пакалевскій. Я приказалъ ему составить изъ этихъ ротъ сводный батальонъ, такъ какъ здѣсь было около 350-400 человѣкъ отъ 9 ротъ. У опушки лѣса стояли въ запряжкѣ двѣ легкихъ батареи, запряженныя низенькими деревенскими лошадками. Посланный мною конный ординарецъ, вернувшись, доложилъ, что эти батареи „73 артиллерійской бригады и задержаны инспекторомъ артиллеріи корпуса".

Такъ какъ 73 дивизіи въ районѣ дѣйствій II корпуса не было, то я подумалъ, что малограмотный ординарецъ число „57“ принялъ за число „73“. Причины задержанія инспекторомъ артиллеріи корпуса этихъ батарей я не выяснялъ, предположивъ, что онъ оставилъ ихъ на случай боя у Даркменъ, а потому рѣшилъ ими воспользоваться. *) Осмотрѣвъ позицію, я уже хотѣлъ приказать подполковнику Козелъ-Паклевскому расположить на ней сводный батальонъ съ подошедшей 5-й батареей, какъ увидѣлъ въ 1 верстѣ къ югу отъ Даркмена батальонъ, который переправлялся по мосткамъ на правый берегъ р. Ангерапъ, а два всадника уже переправились и поднимались по косогору на высокій берегъ рѣки. Мнѣ пришла мысль задержать этотъ батальонъ для усиленія сводного батальона Козелъ-Паклевскаго. Предполагая, что батальонъ этотъ 101 Пермскаго полка, я послалъ коннаго ординарца съ приказаніемъ направить батальонъ ко мнѣ. Но батальонъ оказался батальономъ 226 Землянскаго полка, а одинъ изъ всадниковъ былъ командиръ этого полка полковникъ Тутолминъ, плотный мужчина, съ окладистой бородой-лопатой. Онъ сообщилъ, что 101 Пермскій полкъ уже съ $^1/_2$ часа тому назадъ переправился черезъ р. Ангерапъ, но что, если нужно, у него здѣсь находятся два батальона его полка, бывшіе въ дивизіонномъ резер-

*) Вѣрнѣе всего, что это были батареи 72 арт. бриг., отошедшія послѣ пораженія 72 дивизіи на р. Гольдапѣ, пользуясь шоссе, къ Даркеменъ, а пѣхотная бригада (ген. Турова) 72 дивизіи отошла въ с. Каріоткеменъ, гдѣ она и ночевала, какъ будетъ сказано ниже.

вѣ 26 дивизіи. Я поблагодарилъ его за отличныя дѣйствія 1-го батальона его полка и сказалъ, что капитанъ Андреевъ будетъ представленъ къ георгіевской наградѣ за то, что его батальонъ выручилъ лѣвый флангъ 20 стрѣлковаго полка отъ охвата нѣмцами. Объявивъ полковнику Тутолмину, что начальникъ 26 дивизіи уѣхалъ на ночлегъ въ с. Буйліенъ и поручилъ мнѣ организацію и управленіе нашимъ отходомъ, я назначилъ два батальона его полка и стоявшія у лѣса двѣ батареи въ арріергардъ у Даркеменъ, подъ его начальствомъ. Полковникъ Тутолминъ приступилъ къ отдачѣ приказаній по арріергарду. По шоссе въ автомобилѣ прослѣдовалъ въ Даркеменъ причисленный къ Генеральному Штабу штабсъ-капитанъ конной батареи Акинтіевскій (Георгій Константиновичъ), но быстро вернулся. Увидѣвъ меня, онъ вышелъ изъ автомобиля и спросилъ, гдѣ онъ можетъ найти генерала Порѣцкаго. Получивъ мой отвѣтъ, что онъ уѣхалъ въ Буйліенъ, штабсъ-капитанъ Акинтіевскій сказалъ: „Въ такомъ случаѣ я долженъ передать Вамъ, Ваше Превосходительство. какъ старшему здѣсь начальнику, приказаніе вр. командующаго корпусомъ задержаться на р. Ангерапъ у Даркеменъ и принять бой".

— „Это приказаніе отдается слишкомъ поздно, отвѣтилъ я: полки дивизіи находятся уже на маршѣ къ мѣстамъ ночлега. Здѣсь только 104-й полкъ, который прикрываетъ нашъ отходъ, а отъ 103-го пол-

ка здѣсь только нѣсколько взводовъ отъ 9 пострадавшихъ ротъ, которые приводятся въ порядокъ. Для дальнѣйшаго прикрытія нашего отхода я назначилъ два батальона 226 Землянскаго полка и двѣ батареи, задержанныя инспекторомъ артиллеріи корпуса, въ арріергардъ, подъ начальствомъ командира 226 Землянскаго полка полковника Тутолмина. Но противникъ насъ не преслѣдуетъ. Доложите о положеніи дѣла вр. командующему корпусомъ, а я буду здѣсь ожидать его рѣшенія". Штабсъ-капитанъ Акинтіевскій скоро вернулся и объявилъ мнѣ, что вр. командующій корпусомъ приказалъ 26 дивизіи продолжать отходъ. Солнце было уже низко и, какъ огненный шаръ, висѣло надъ Бейнуненскимъ лѣсомъ, который мы только что оставили. Когда 104-й полкъ, не преслѣдуемый противникомъ, перешелъ по желѣзно-дорожному мосту черезъ р. Ангерапъ, я отдалъ приказаніе полковнику Тутолмину оставаться на позиціи у Даркеменъ до тѣхъ поръ, пока его арріергарду не будетъ грозить опасность быть отрѣзаннымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я предложилъ ему поскорѣе собрать здѣсь весь полкъ и найти штабъ 57 дивизіи, отъ котораго онъ и получитъ дальнѣйшія указанія. 31-го августа я узналъ, что полковникъ Тутолминъ простоялъ съ арріергардомъ у Даркеменъ всю ночь до утра 30 августа, и подошедшій къ Даркеменъ XX-й нѣмецкій корпусъ не рѣшился переправиться на правый берегъ р. Ангерапъ. А это имѣло огромное значеніе, для отхода изъ Восточной Пруссіи всей

I арміи, что доказывается тѣмъ положеніемъ нашихъ правофланговыхъ корпусовъ, въ какомъ они находились утромъ 30 августа*). Передъ закатомъ солнца я выступилъ со своднымъ батальономъ ротъ 103 полка и съ 5 батареей въ Буйліенъ. Со мною слѣдовалъ и командиръ 2 артиллерійскаго дивизіона полковникъ Шпилевъ съ дивизіоннымъ адъютантомъ штабсъ-капитаномъ Голенкинымъ. На желѣзно-дорожной станціи лежало большое количество брошенныхъ нашихъ 6-ти дюймовыхъ боевыхъ патроновъ со снарядами. У Веедерна намъ загородилъ дорогу 17 стрѣлковый полкъ, который, снявшись съ большого привала, слѣдовалъ за 20 стрѣлковымъ полкомъ по дорогѣ на Дингляукенъ. Наступили сумерки. Въ усадьбѣ Веедернъ стоялъ въ запряжкѣ 20 артиллерійскій мортирный паркъ. Командира парка не было, а старшій фейерверкеръ не зналъ, куда онъ отлучился. Я приказалъ найти его и быть въ готовности къ выступленію, потому что у Даркеменъ остался только небольшой арріергардъ, съ которымъ командиру парка надо держать связь. Выяснилось, что старшій фейерверкеръ не зналъ, гдѣ находится также и 20 мортирный дивизіонъ. Когда 17 стрѣлковый полкъ очистилъ развѣтвленіе дорогъ на Дингляукенъ и Грасгирренъ, я пошелъ на Грасгирренъ. Около 10 часовъ вечера среди непроглядной темноты колонна была остановлена застрявшими въ грязи у сломаннаго мостика двумя санитарными двуколками. Хотя солдаты ихъ вытащили, но изъ-за артиллеріи пройти это мѣсто было нельзя; пришлось

*) Схема № 2.

вернуться назадъ, чтобы обойти этотъ участокъ дороги черезъ д. Ишдаггенъ. Усталые послѣ 4-хъ дневнаго боя солдаты шли медленно, нѣкоторые засыпали на ходу, спотыкались и падали. Когда прошли д. Ишдаггенъ, отъ хвоста колонны послышалась тихая команда „стой". Колонна остановилась. Ко мнѣ подъѣхалъ ординарецъ штаба дивизіи и доложилъ, что начальникъ дивизіи приказалъ направлять полки 2-й бригады въ д. Каріоткеменъ, куда онъ и самъ поѣхалъ съ начальникомъ штаба и что онъ, ординарецъ, направилъ уже туда командира 104-го полка. Я потребовалъ вручить мнѣ письменное приказаніе, но ординарецъ отвѣтилъ, что ему приказано доложить словесно. Обстановка, конечно, можетъ потребовать отмѣны письменнаго приказа, но отмена должна быть письменная, а не словесная, да еще черезъ малограмотнаго ординарца. Въ данномъ случаѣ вопросъ сводился къ измѣненію группировки крупныхъ частей почти что на полѣ сраженія армейскаго соединенія, для чего штабъ 26 дивизіи долженъ былъ имѣть приказъ или директиву отъ Штаба арміи или приказаніе штаба корпуса и передать таковое распоряженіе письменно, Я написалъ при электрическомъ фонарѣ начальнику дивизіи записку, прося прислать мнѣ письменное приказаніе, которое буду ожидать въ д. Гросъ Колпакенъ до часа ночи. Если не получу его къ этому времени, то буду продолжать путь въ Буйліенъ. Ординарецъ, въ качествѣ проводника, довелъ колонну до д. Гросъ Колпакенъ, указалъ домикъ, откуда послалъ его начальникъ штаба и рысью по-

ѣхалъ въ штабъ дивизіи, въ Каріоткеменъ. Усталые солдаты быстро заснули. Съ большимъ трудомъ разбудили ихъ офицеры и унтер-офицеры около 1 часа ночи, но ординарца съ письменнымъ приказаніемъ отъ начальника дивизіи не было. Я приказалъ выступать въ Буйліенъ по дорогѣ на Грасгирренъ. Не успѣла колонна вытянуться, какъ прибылъ ординарецъ съ письменнымъ приказаніемъ начальника дивизіи идти въ д. Каріоткеменъ. Приказаніе было написано не мнѣ, а назначенному мною командующему сводным батальономъ подполковнику Козелъ-Паклевскому, съ очевиднымъ намѣреніемъ показать, что надо было идти въ Каріоткеменъ по словесному приказанію, а не просить подтвержденія его письменно. Колонна прибыла въ Каріоткеменъ въ 3-мъ часу ночи. Около офицерскаго собранія меня встрѣтилъ полковникъ Триковскій и доложилъ, что начальникъ дивизіи приказалъ ему выставить сторожевое охраненіе, но, что у него только 6 ротъ, что за остальными онъ послалъ ординарцевъ, приказавъ розыскать ихъ и привести въ Каріоткеменъ.

Въ д. Каріоткеменѣ оказалось также бригада разбитой на р. Гольдапъ 72-й пѣхотной дивизіи съ бригаднымъ командиромъ генералъ-майоромъ Туровымъ во главѣ. Доложивъ начальнику дивизіи о прибытіи сводного батальона 103 полка, я спросилъ о причинѣ перемѣны ночлега полковъ 2-й бригады и штаба дивизіи. Начальникъ дивизіи отвѣтилъ: „Всѣ очень устали, а до Буйліена далеко, — все равно

не дошли бы; лучше отдохнемъ, а завтра пойдемъ въ Буйліенъ". Я выразилъ опасеніе, что ночью въ незнакомой мѣстности части могутъ проблуждать и не найти д. Каріоткеменъ. Начальникъ дивизіи отвѣтилъ, что „ординарцы доведутъ". Я спросилъ, въ которомъ часу назначено выступленіе. — „В 6 часовъ утра", сказалъ начальникъ дивизіи. — „Но вѣдь въ 6 часовъ утра уже совсѣмъ свѣтло, и это обычный у нѣмцевъ часъ для начала боевыхъ дѣйствій, — они насъ предупредятъ", возразилъ я. — „Ничего, спать пора", сонливо и позевывая, произнесъ начальникъ дивизіи, и уже совсѣмъ засыпая, тихо прошепталъ: „до свиданія"! Изъ этого разговора мнѣ стало ясно, что ночлегъ полковъ 2-й бригады начальникъ дивизіи измѣнилъ собственною властью, и слѣдовательно, я былъ правъ, прося его дать мнѣ на это письменное приказаніе. А къ чему повела эта перемѣна ночлега — будетъ видно дальше.

Штабъ дивизіи былъ въ сельской школѣ. Подпоручикъ Косолаповъ досталъ соломы, постелилъ ее на полу въ классной комнатѣ, —, и мы моментально заснули.

Отходъ подъ давленіемъ противника. Положеніе корпусовъ 1-й арміи утромъ 30 августа.

30 августа. Въ 6 часовъ утра нашъ квартиробивакъ пришелъ въ движеніе. Полковникъ Триковскій доложилъ мнѣ, что начальникъ дивизіи прика-

залъ ему слѣдовать в боковомъ „авангардѣ“,*), но что это трудно выполнить, потому что 6 ротъ его полка несли ночью службу охраненія и еще не собраны, а остальныхъ ротъ до сего времени не могутъ найти. Я послалъ подпоручика Косолапова за подполновникомъ Козелъ-Паклевскимъ, имѣя въ виду замѣнить этотъ „боковой авангардъ“ отъ 104 полка сводным ъ батальономъ отъ 103 полка. Но вернувшійся подпоручикъ Косолаповъ доложилъ, что подполковникъ Козелъ-Паклевскій уже выступилъ съ батальономъ въ Буйліенъ для присоединенія къ своему полку. Я направился в сельскую школу, чтобы слѣдовать въ Буйліенъ со штабомъ дивизіи, но въ школѣ его уже не было, — онъ находился въ пути по дорогѣ на Буйліенъ, куда шла за нимъ и бригада генералъ-майора Турова. Вмѣстѣ съ полковникомъ Шпилевымъ, съ адъютантомъ его артиллерійскаго дивизіона штабсъ-капитаномъ Голенкинымъ, подпоручиками Косолаповымъ и Шиша, 3-мя ординарцами, 6 артиллерійскими развѣдчиками и 5 казаками я двинулся рысью, чтобы обогнать бригаду генерала Турова.

У Даркеменъ раздавалась артиллерійская стрѣльба, за рѣчкой Гавайте рвались шрапнели противника по отходящимъ съ юга на сѣверъ нашимъ войскамъ и обозамъ. У Гумбинена разгорался оживленный бой, что можно было заключить по

*) Относительно термина „авангардъ“ необходимо пояснить, что начальникъ дивизіи генералъ Порѣцкій и начальникъ штаба дивизіи полковникъ Рудницкій исключили изъ тактики терминъ „арріергардъ“, какъ панически дѣйствующій на войска. Поэтому и при отступательномъ движеніи прикрывающій отрядъ называли „авангардомъ“, а не арріергардомъ.

интенсивному артиллерійскому огню обѣихъ сторонъ. Такая обстановка заставила меня поспѣшить въ Буйліенъ къ 103 полку. Когда мы были у вѣтряной мельницы на плато, что восточнѣе д. Грюнданнъ, намъ открылся широкій кругозоръ на сѣверъ и сѣверо-западъ, ограниченный на сѣверо-востокѣ лѣсомъ, у юго-восточной опушки котораго бѣлѣли домики д. Буйліенъ. *Къ западу и юго-западу отъ лѣса на равнинѣ стояли три длиннѣйшихъ колонны нашихъ войскъ и обозовъ. Эти три колонны во многихъ мѣстахъ пересѣкались короткими колоннами, такъ что общій видъ колоннъ походилъ на секторъ паутинной сѣтки, длинныя нити которой, какъ радіусы, направленные къ центру, сходились у переѣзда черезъ желѣзную дорогу сѣвернѣе д. Юкнишкенъ.*) Надъ хвостами длинныхъ колоннъ, показались дымки рвущихся шрапнелей, хвосты заволновались, нѣсколько повозокъ понеслись къ лѣсу.* Проходя у переѣзда черезъ ручей Гавайте мимо головныхъ частей длинныхъ колоннъ, мы видѣли генераловъ Епанчина, Аліева, Десино и Чагина; *на погонахъ пѣздовыхъ стоявшихъ батарей было число „27": здѣсь находились III-й и IV-й корпуса нашей 1-й арміи. Это было около 7 часовъ утра* (по моимъ часамъ въ 6 час. 40 мин.). Я невольно задалъ себѣ вопросъ: *„Что было бы теперь, если бы 2-я бригада 26 дивизіи была выбита въ ночь на 29 августа изъ Бей-*

*) Схема № 2.

нунескаго лѣса, или если бы она вмѣстѣ съ 17 и 20 стрѣлковыми полками и 1-мъ батальоном 226 Землянскаго полка не сдержала дневнымъ боемъ 29-го августа XX и дивизію XI нѣмецкихъ корпусовъ"?— „Несомнѣнно. XX нѣмецкій корпусъ къ вечеру 29 августа былъ бы на правомъ берегу р. Ангерапъ восточнѣе г. Даркеманъ и повелъ бы совмѣстное наступленіе съ XVII и 1 нѣмецкими корпусами на сѣверъ, въ то время какъ наши фронтальные корпуса XXVI, III и IV, тѣснимые противникомъ, только подходили бы къ переправамъ черезъ р. Ангерапъ. Такое положеніе было бы завершившимся фактомъ окруженія нашей 1-й арміи въ Восточной Пруссіи. Но теперь наши фронтальные корпуса были уже на восточномъ берегу р. Ангерапъ, а фронтальные корпуса противника были еще на западномъ берегу этой рѣки, при чемъ XX-й нѣмецкій корпусъ только что вступилъ въ бой съ оставленнымъ мною у Даркеменъ арріергардомъ полковника Тутолмина.

Такимъ образомъ, окруженіе нашей 1-й арміи было предотвращено боемъ 29 августа 26-й дивизіи, на 2-ю бригаду которой, усиленную 17 и 20 стрѣлковыми полками, а также 1 батальономъ 226 Землянскаго полка, легла вся тяжесть этого боя: противникъ вынужденъ былъ вмѣсто окруженія ограничиться параллельнымъ преслѣдованіемъ.

Въ Буйліенѣ 103 полка не оказалось, тамъ были только 3 походныхъ кухни 103-го полка, изъ ко-

ихъ одна была разбита налетѣвшимъ на нее зарядным ящикомъ артиллеріи IV корпуса. Кашевары доложили, что 103 полка они не видѣли, но видѣли его обозъ 2-го разряда, который пошелъ на востокъ.

Вслѣдствіе распоряженія начальника дивизіи, я оказался безъ моей доблестной бригады, *которая 4-хъ дневнымъ кровавымъ боемъ сдержала XX нѣмецкій корпусъ и разрушила планъ противника окружить нашу 1-ю армію.* Трудно и невозможно выразить то отчаяніе, которое я испыталъ въ тѣ тяжелыя минуты. Но другого ничего не оставалось, какъ направиться также на востокъ: мы перешли ручей Кіаутенеръ въ бродъ ниже колѣна лошади, потому что мостъ былъ сломанъ артиллеріей и чинился. Слѣдуя далѣе, мы поднялись на небольшой холмикъ-курганъ съ домикомъ на немъ и нѣсколькими деревьями, Отсюда намъ хорошо *было видно дѣиженіе на сѣверъ и на сѣверо-востокъ отходившихъ съ юга подъ артиллерійскимъ огнемъ нашихъ войскъ, а вблизи насъ отходили войска III и IV корпусовъ.* Со стороны Вальтеркеменъ по вспаханному полю къ нашему холмику скакалъ всадникъ. Это былъ ординарецъ, который подалъ мнѣ полевую записку начальника штаба дивизіи полковника Рудницкаго, доложивъ, что онъ узналъ меня по свѣтлой масти моей лошади. Я прочелъ записку: „*Начальникъ дивизіи приказалъ Вамъ быть начальникомъ главныхъ силъ дивизіи, которой собираться на линіи д. д. Грюнвайтшенъ-Коршамупхенъ*“. „Полковникъ Рудницкій“. *Эта записка была вторымъ актомъ распоряженія начальника дивизіи по организаціи отступательнаго марша 26 дивизіи изъ Восточной*

Пруссіи, если первымъ считать лично отданное начальникомъ дивизіи приказаніе полковнику Триковскому въ Каріоткеменъ „слѣдовать въ боковомъ авангардѣ“. Я спросилъ ординарца, гдѣ начальникъ дивизіи и видѣлъ ли онъ полки. Ординарецъ отвѣтилъ, что полковъ онъ не видѣлъ, а начальникъ дивизіи и начальникъ штаба съ дивизіонной конницей находится верстъ 5 отсюда, показавъ рукой на Вальтеркеменъ, бывшій отъ насъ не далѣе 3-хъ верстъ. Итакъ, разбросавъ полки моей 2-й бригады по-ротно и по-батальонно въ ночь на 30 августа, свернувъ ихъ съ дороги на Буйліенъ въ д. Каріоткеменъ разосланными ординарцами, начальникъ дивизіи уже не могъ ихъ найти своей дивизіонной конницей, и среди создавшагося хаоса движенія корпусовъ 1-й арміи въ узкой полосѣ мѣстности онъ не могъ найти и полковъ 1-й бригады, принявшихъ участіе въ общемъ отходѣ всѣхъ тѣхъ нашихъ войскъ, которыя вмѣстѣ съ обозами шли съ юга на сѣверъ и сѣверо-востокъ подъ шрапнелю противника. Согласно Полевого Устава, начальникъ главныхъ силъ вступаетъ въ свои права и обязанности на исходномъ пунктѣ колонны и только съ этого времени несетъ отвѣтственность за свою колонну, но въ данномъ случаѣ смыслъ приказанія былъ таковъ, что я же, а не штабъ дивизіи, долженъ былъ направить части дивизіи на „линію д. д. Грюнвайтшенъ-Коршамупхенъ“ и пропустить походную колонну главныхъ силъ черезъ какой-либо исходный пунктъ.

Я послалъ 3 казаковъ и 2 ординарцевъ разыскивать полки, а полковникъ Шпилевъ послалъ артилерійскихъ развѣдчиковъ разыскивать батареи, на-

правляя всѣхъ къ д. Грюнвайтшенъ. Въ Грюнватшенѣ я прождалъ подхода частей дивизіи около 2-хъ часовъ, но напрасно; одинъ только казакъ-урядникъ привелъ 2 1/2 роты 103 полка съ его командиромъ полковникомъ Алексѣевымъ и временно-командовавшимъ 3 батальономъ полковникомъ Томашевичемъ Полковникъ Алексѣевъ доложилъ, что онъ не можетъ найти своего полка, батальонамъ котораго приказалъ, по выходѣ изъ боя, собираться на дорогѣ въ Буйліенъ, пройдя усадьбу Веедернъ, но онъ не могъ догнать ни одной роты и шелъ только съ 2 1/2 ротами; вслѣдствіе усталости людей, до Буйліена не дошелъ и ночевалъ въ какихъ-то развалинахъ, а рано утромъ пришелъ въ Буйліенъ, но полка тамъ не оказалось. Я разсказалъ ему о томъ, что изложено выше о перемѣнѣ ночлега полковъ 2-й бригады, и мы пошли съ этимъ зачаткомъ „главныхъ силъ дивизіи“ въ Коршамупхенъ. Мое ожиданіе въ Коршамупхенъ подхода частей дивизіи было также безплодно, потому что хаотическое движеніе частей войскъ, обозовъ, блуждавшихъ въ одиночку и группами солдатъ по полямъ и дорогамъ усилилось и представляло собою видъ множества отдѣльных базарныхъ площадей, которыя все болѣе и болѣе разростались. Два раза я пытался собрать въ роты блуждавшихъ различныхъ частей солдатъ, но мнѣ это не удавалось: наскоро собранныя роты занимали позицію и окапывались, но достаточно было отойти отъ нихъ на 1/2 версты, какъ солдаты разбѣгались въ стороны, пристраиваясь

преимущественно къ повозкамъ и обозамъ. Имѣя задачею собрать и вести „главныя силы дивизіи", я не имѣлъ возможности удѣлять достаточнаго времени на остановки при этихъ собранныхъ ротахъ, а взять ихъ съ собой я не рисковалъ, потому что они могли имѣть разлагающее вліяніе на роты 103 полка: среди хаоса за ними трудно было бы слѣдить, а разбѣгаясь, онѣ могли бы увлечь за собою слабонервныхъ. У Энцуненъ, гдѣ былъ большой привалъ и гдѣ собралось огромное количество войскъ и обозовъ, присоединились еще 2 роты 103 полка и 1 рота 101-го: образовалось $5^1/_2$ ротъ „главныхъ силъ дивизіи". Нѣсколько разъ я посылалъ разыскать сводный батальонъ подполковника Козелъ-Паклевскаго, но поиски были напрасны. Среди угрюмо настроенной массы солдатъ распространился слухъ, что „проѣхалъ въ автомобилѣ какой-то офицеръ и искалъ командировъ корпусовъ и начальниковъ дивизій, объявляя, чтобы войска шли на Сталупененъ, куда Командующій арміей направилъ два корпуса, подъ прикрытіе которыхъ и отходить". Послѣ большого привала, вся безпорядочная масса войскъ и обозовъ, впрослойку, двинулась на Сталупененъ, заграждая шоссе обозами въ 2-3 повозки. По параллельнымъ дорогамъ видна была такая же картина съ рвущимися над войсками шрапнелями противника. Не доходя 6-7 верстъ до Сталупенена, въ которомъ начался пожаръ, часовъ въ 6 вечера я остановился съ ротами въ небольшой деревушкѣ. При подходѣ къ деревушкѣ, мы видѣли какую-то конницу, которая тихо тянулась вдоль же-

лѣзной дороги къ Сталупенену. Мимо насъ продолжала проходить непрерывная цѣпь обозовъ и войскъ. Около 9 часовъ вечер, а среди общаго потока войскъ, къ деревушкѣ подошелъ съ одной ротой и нѣсколькими офицерами 101-го Пермскаго полка полковникъ Стельницкій: „в главныхъ силахъ дивизіи“ образовалось $6^1/_2$ ротъ. Въ 9 часовъ вечера полковникъ Алексѣевъ получилъ полевую записку, прочелъ и съ недоумѣненіемъ передалъ ее мнѣ для прочтенія. Вотъ ея подлинный текстъ и форма:

„Командирамъ 101, 103 и 104 полковъ„.
„Войдите въ связь съ полковникомъ Триковскимъ“.
„Ожидается приказаніе“.

„Полковникъ Триковскій“.

„Генералъ-Лейтенантъ Порѣцкій“.

Въ первое время я также недоумѣвалъ относительно ея смысла и порядка подписей, но, вспомнивъ докладъ мнѣ въ Каріоткеменѣ полковника Триковскаго о томъ, что „начальникъ дивизіи приказалъ ему слѣдовать въ боковомъ авангардѣ до Буйліена“, я расшифровалъ ее такъ: полковникъ Триковскій, среди создавшагося хаоса движенія корпусовъ, не могъ выполнить приказанія начальника дивизіи и написалъ ему: „ожидается приказаніе“, поставивъ свою подпись; начальникъ дивизіи на его же запискѣ написалъ: „Командирамъ 101, 103 и 104 полковъ. Войдите въ связь съ полковникомъ Триковскимъ“. Правильно ли я расшифровалъ—утверждать не ручаюсь, но думаю, что правильно, принимая во

вниманіе ту растерянность, которая овладѣла штабомъ 26 дивизіи, сознававшимъ, очевидно, въ это время свой роковой промахъ относительно несвоевременнаго распоряженія о перемѣнѣ ночлега полковъ 2-й бригады. Не могу утверждать, но имѣю основаніе предполагать, что и 101-й полкъ получилъ, вѣроятно, на маршѣ приказаніе идти на ночлегъ не въ Кенигсфельде, а въ Каріоткеменъ, потому что онъ отходилъ также не въ полномъ составѣ, а ротами. Въ лучьшемъ положеніи оказался одинъ только 102 полкъ, который былъ въ резервѣ и отходилъ въ полномъ составѣ со штабомъ корпуса. Прочитавъ эту записку, я спросилъ, гдѣ находится начальникъ дивизіи со штабомъ. Оказалось, что молодой офицеръ, получившій отъ казака записку, не спросилъ его объ этомъ важномъ обстоятельствѣ. Тогда я сдѣлалъ распоряженіе разыскать штабъ дивизіи и 104 полкъ. Посланные казаки вернулись въ 11-мъ часу вечера и доложили, что нигдѣ не могли ихъ отыскать. Въ 11 часовъ сторожевая застава открыла огонь. Роты встали въ ружье, но тревога оказалась напрасной: колыхавшійся кустарникъ часовой принялъ за противника.

Движеніе войскъ и обозовъ, наконецъ, прекратилось, наступила полная тишина, нарушаемая лишь рѣдкимъ ружейнымъ или артиллерійскимъ выстрѣломъ гдѣ-то вдали; въ двухъ-трехъ мѣстахъ виднѣлись зарева пожаровъ. Посланная развѣдка нигдѣ не обнаружила позади насъ войскъ. Хотя этому довѣрять, конечно, было нельзя, но, учитывая впечатлитель-

ность и нервное напряженіе солдатъ, когда кустарникъ принимаютъ за непріятеля, а также и возможность оказаться утромъ въ непосредственной близости съ сильной частью противника и быть ею окруженнымъ безъ всякой пользы для дѣла, я приказалъ продолжать путь на Сталупененъ. Мы выступили въ 12 часовъ ночи. Съ большимъ трудомъ прошли мы въ горящемъ городѣ между повозками и спящими солдатами. Въ передней ротѣ я приказалъ громко объявлять: „Идутъ главныя силы 26 дивизіи. Кто 26 дивизіи-присоединяйтесь". Нѣсколько человѣкъ отозвались и присоединились". Мы дошли до какой-то небольшой площади и остановились. Сталупененъ былъ такъ забитъ войсками и обозами, что расположиться на ночлегъ въ немъ было невозможно,—изъ него необходимо было выбраться. Я приказалъ найти выходъ на дорогу въ Эйдкуненъ. Выходъ нашли, но, не смотря на принятыя мѣры связи, двѣ роты оторвались, попавъ въ лабиринтъ нескончаемаго ряда повозокъ. Выйдя изъ Сталупенена, мы расположились на ночлегъ у длиннаго омега сѣна (стогъ сѣна, имѣющій площадью основанія длинный прямоугольникъ), продолжая розыски оторвавшихся двухъ ротъ, но не нашли ихъ. Пошелъ мелкій дождь.

31 августа. Въ 7 часовъ утра, когда началось общее движеніе, мы пошли на Эйдкуненъ. Въ Эйдкуненѣ ликвидировался промежуточный продовольственный пунктъ, изъ котораго мы получили немного хлѣба и овса. Это было очень

кстати: съ 28 августа люди и лошади питались кое-чѣмъ; я, напримѣръ, 29-го ничего не ѣлъ, а 30-го съѣлъ только два кислыхъ яблока, подаренныхъ мнѣ старшимъ урядникомъ, искавшимъ полки и раздобывшимъ яблоки въ какомъ-то садикѣ. Истощеніе было настолько реальнымъ, что нѣкоторая часть бѣлья и верхняго костюма самостоятельно падала внизъ. Въ 10 часовъ утра на вокзалѣ шла посадка больныхъ и раненыхъ для отправленія въ Ковно. Къ нимъ пристроились здоровые солдаты и даже молодые изъ запаса офицеры. Я обратилъ на нихъ вниманіе коменданта, который и удалилъ ихъ изъ поѣзда. Въ 11 часовъ утра мы выступили изъ Эйдкунена по шоссе на Кибарты-Вержболово-Вильковишки. Въ Кибартахъ мы догнали оторвавшіяся двѣ роты, которыя сидѣли на привалѣ и обѣдали,—вновь стало „въ главныхъ силахъ“ 6½ ротъ. За Вержболовымъ, не доходя р. Ширвинты, произошла общая задержка движенія, въ правой сторонѣ надъ лѣсомъ рвались шрапнели противника; полилъ сильнѣйшій дождь. Промокнувъ до костей въ солдатской шинели и почувствовавъ сильный ознобъ, я заѣхалъ съ подпоручикомъ Косолаповымъ въ одинъ изъ домиковъ, находившихся правѣе шоссе, чтобы согрѣться.

Кстати, считаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ относительно обязательнаго ношенія солдатскихъ шинелей офицерами и генералами во время Великой міровой войны, въ цѣляхъ якобы сохраненія офицерскаго командnаго состава.

Многимъ изъ насъ, строевыхъ начальниковъ, приходилось побывать подъ сильнѣйшимъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ противника, и мы знаемъ, что въ бою, когда идетъ массовое выбрасываніе свинца и чугуна, ни пули ни артиллерійскіе снаряды съ ихъ многочисленными осколками не разбираютъ своихъ жертвъ (здѣсь случай и Воля Божія), а надѣть солдатскую шинель и думать, что противникъ не можетъ издали различить, кто начальникъ и кто подчиненный—заблужденіе, такъ какъ на открытой мѣстности мѣсто и поведеніе начальника видны издалека; если же мѣстность закрытая, то въ солдатской шинели и совсѣмъ нѣтъ никакой надобности. Она, пожалуй, нужна для выполненія какой-нибудь развѣдывательной задачи, но тогда ее и надѣть. Солдатская шинель не спасала генераловъ и штабъ-офицеровъ, когда они ради тщеславія, а не ради дѣла, вскакивали, напримѣръ, на брустверъ и смотрѣли въ бинокль на окопы противника, откуда нѣмецкій стрѣлокъ сейчасъ же посылалъ имъ мѣткую пулю. Такая смерть нѣкоторымъ кажется красивой, но едва ли кто будетъ отрицать, что она безпслезна. По многимъ сдѣланнымъ мною наблюденіямъ, я утверждаю, что приказъ объ обязательномъ ношеіни генералами и офицерами солдатской шинели принесъ огромное зло командному составу нашей Арміи, уронивъ достоинство и престижъ генераловъ и офицеровъ въ глазахъ солдатской массы и подорвавъ дисциплину въ Арміи, которая не такъ, какъ ранѣе, стала чутка относительно исполненія

отдаваемыхъ приказаній. Если форма одежды еще въ мирное время рѣзко отличаетъ начальствующихъ лицъ отъ подчиненныхъ, которые привыкаютъ видѣть въ ней силу закона, власти и государственныя заслуги, то тѣмъ необходимѣе сохранить въ нихъ сознаніе этой силы и власти въ военное время.

Когда прошелъ дождь, мы сѣли на лошадей и направились къ головѣ стоящей войсковой и обозной массы. На мой вопросъ, почему такъ долго стоятъ, я услышалъ, что „лѣсъ впереди занятъ нѣмецкой кавалеріей и потому пройти нельзя". Я пристыдилъ, сказавъ, что дѣло плохое, если пѣшій солдатъ съ винтовкой боится въ лѣсу коннаго, а когда съ тыла подойдет нѣмецкая пѣхота, то тогда будетъ и совсѣмъ скверно. Слова мои подѣйствовали, и, по моему приказанію, сейчасъ же были составлены два сборныхъ батальона и сборная пулеметная команда. Увидѣвъ командира 5 батареи 26 артиллерійской бригады, я приказалъ ему занять позицію вправо отъ шоссе. Батальоны пошли въ боевомъ порядкѣ впередъ, а пулеметчики заняли выжидательное положеніе, подъ прикрытіем аллеи столѣтнихъ деревьевъ, ведущей влѣво отъ шоссе къ богатой усадьбѣ при озерѣ. Никакой конницы не оказалось: за нѣмецкую конницу были приняты наши войска и обозы, выходившіе справа изъ лѣса и поворачивавшіе на самой его опушкѣ въ г. Вильковишки. Вся стоявшая масса двинулась впередъ. Въ Вильковишкахъ насъ

встрѣтилъ командиръ нестроевой роты 103 полка, высланный изъ Маріамполя начальникомъ хозяйственной части для встрѣчи частей 103 полка и его командира. Онъ доложилъ, что II корпусу приказано собиратьтя у г. Маріамполя и что туда уже прибыли нѣкоторыя роты 101, 103 и 104 полковъ, а три батареи 26 артиллерійской бригады онъ встрѣтилъ подъ самымъ Маріамполемъ, но начальника дивизіи тамъ нѣтъ. Приказавъ вести роты полковнику Томашевичу, я направился съ подпоручикомъ Косолаповымъ въ Маріамполь, куда поѣхалъ и командиръ 103 полка полковникъ Алексѣевъ. Въ Маріамполь мы прибыли поздно ночью. Гостинницы и частные дома были переполнены офицерами и солдатами, преимущественно кавалеристами. Съ большимъ трудомъ мы нашли себѣ пріютъ у парикмахера въ залѣ для стрижки и бритья.

Возстановленіе порядка отходившихъ корпусовъ

1 сентября. Въ 6 часовъ утра я вошелъ для того, чтобы выяснить, какія прибыли части дивизіи. На мосту через р. Шеоупу стояли два офицера: комендантъ города и личный адъютантъ Командующаго 1-й арміей полковникъ Гренъ. Полковникъ Гренъ объявилъ мнѣ, что II корпусу приказано расположиться у Маріамполя, XX-му корпусу у Людвинова, а III-му и IV-му корпусамъ—между Маріамполемъ и Ковно, прикрывая шоссе на Ковно. У полковника Гренъ была схема расположенія корпусовъ арміи, съ обозначеніемъ районовъ дивизій. Я перечертилъ въ

свою полевую книжку расположеніе частей II корпуса у Маріамполя. На обратномъ пути я встрѣтилъ командира 2 батальона 103 полка полковника Веригина и пригласилъ его къ себѣ въ парикмахерскую. Онъ вмѣстѣ съ подпоручикомъ Косолаповымъ перечертилъ необходимое число копій съ моей схемы и разослалъ ихъ въ части дивизіи для немедленнаго перехода на указанныя въ схемѣ мѣста. Въ 8 часовъ утра прибылъ съ $6^1/_2$ ротами полковникъ Томашевичъ. Въ Маріамполь непрерывно прибывали мелкія части войскъ, отдѣльные солдаты (получившіе прозвище „отдѣльныхъ бойцевъ"), повозки, зарядные ящики, батареи, отдѣльныя орудія, обозы, патронныя и пулеметныя двуколки и болѣе или менѣе крупныя части IV и XX корпусовъ и проч. Полковникъ Гренъ, стоя на мосту, однихъ задерживалъ для формированія командъ, другихъ направлялъ на Ковно, Олиту и Прены, третьихъ на Кальварію и Людвиновъ. Въ собравшейся 26 артиллерійской бригадѣ 2 или 3 орудія оказались подбитыми, а у одного былъ выдвинутъ на всю длину согнутый поршень компрессора.

Около 8-9 часовъ утра временно-командующій корпусомъ генералъ-лейтенантъ Слюсаренко приказалъ выставить на пути въ Вильковишки арріергардъ отъ 43 пѣхотной дивизіи (отъ 2-й ея бригады, такъ какъ 1-й бригады здѣсь не было: отрѣзанная 26 августа нѣмцами отъ II корпуса въ районѣ Упальтенъ-Арисъ, она самостоятельно отходила изъ Восточной Пруссіи на Маргрaбово-Сувалки), а для прикрытія направле-

нія со стороны д. Бартники, откуда доносились артиллерійскіе выстрѣлы, приказалъ выставить сторожевое охраненіе отъ 103-го полка, силою въ 1 батальонъ. Поджидая начальника дивизіи и начальника штаба дивизіи, я занялъ для нихъ 2-й этажъ дома Почтовой конторы, откуда выносилось эвакуируемое имущество. А такъ какъ до прибытія начальника дивизіи необходимо было отдавать распоряженія по частямъ дивизіи, то для письменныхъ работъ я вновь привлекъ капитана Медовщикова, рота котораго въ числѣ $6^1/_2$ ротъ шла „въ главныхъ силахъ дивизіи". Часовъ въ 10-11 была получена телеграмма изъ Штаба 1 арміи съ объявленіемъ о назначеніи командиромъ II корпуса числящагося по Генеральному Штабу Генерала-отъ Инфантеріи Чурина, который прибылъ въ Маріамполь въ 12 часовъ дня и потребовалъ въ штабъ корпуса начальниковъ дивизій. Такъ какъ начальника 26 дивизіи не было, то, какъ старшій послѣ него въ дивизіи, явился я, захвативъ съ собою только что составленную капитаномъ Медовщиковымъ боевую вѣдомость наличнаго состава полковъ и батарей. Генералъ Чуринъ спросилъ меня, почему не явился самъ начальникъ дивизіи. Получивъ мой отвѣтъ, что онъ еще не прибылъ, генералъ Чуринъ покачалъ головой и протяжно произнесъ: „Нехорошо, нехорошо; командуйте до его прибытія дивизіей". Затѣмъ онъ объявилъ, что Командующій арміей приказалъ задержать нѣмцевъ у Маріамполя. Просмотрѣвъ боевую вѣдомость, Генералъ Чуринъ

сказалъ: „Маловато, но, быть можетъ, еще подойдутъ". Я выразилъ сомнѣніе, сказавъ, что 26 дивизія понесла большія потери. Боевой составъ 43 дивизіи оказался еще слабѣе, потому, что какъ упомянуто выше, 1-й ея бригады здѣсь не было. Отпуская меня и генерала Слюсаренко, командиръ корпуса предупредилъ: „Хоть и маловато штыковъ, а все же готовьтесь къ бою".

Около 5 часовъ дня былъ полученъ боевой приказъ по корпусу о занятіи оборонительной позиціи у г. Маріамполя для задержанія нѣмцевъ. Когда писался боевой приказъ по дивизіи, въ комнату вошли старшій адъютантъ штаба дивизіи Генеральнаго Штаба капитанъ Дьяковъ и командиръ 5 сотни дивизіонной конницы есаулъ Лѣсниковъ. Они доложили, что начальникъ дивизіи и начальникъ штаба пошли на Ковно съ войсками III корпуса, не смотря на полученное приказаніе, чтобы II корпусъ шелъ къ Маріамполю. Опасаясь отвѣтственности за неисполненіе этого важнаго приказанія, они не рѣшились слѣдовать дальше со штабомъ дивизіи, а пошли съ 5-й сотней въ Маріамполь. Тогда я организовалъ временный штабъ дивизіи, назначивъ вр.-исполняющимъ должность начальника штаба капитана Дьякова, а вр.-исполняющими должности старшихъ адъютантовъ капитана Медовщикова и подпоручика Косолапова. Предполагая, что начальникъ дивизіи и начальникъ штаба все же должны прибыть, я приказалъ не разсылать боевого приказа до 11 часовъ вечера. А чтобы не задерживать въ частяхъ дивизіи подготови-

тельныхъ къ бою работъ, соотвѣтственныя распоряженія отдавались полевыми записками. Въ 11 часовъ начальникъ дивизіи и начальникъ штаба не прибыли, задерживать боевого приказа долѣе было нельзя, и я добавилъ въ приказѣ два слѣдующихъ непріятныхъ пункта:

„Вслѣдствіе отсутствія по неизвѣстнымъ причинамъ начальника дивизіи, я вступилъ во временное командованіе дивизіей".

„Вслѣдствіе отсутствія также и начальника штаба дивизіи Генеральнаго Штаба полковника Рудницкаго, назначаю Генеральнаго Штаба капитана Дьякова временно исправляющимъ должность начальника штаба дивизіи, а капитана Медовщикова и подпоручика Косолапова исправляющими должности старшихъ адъютантовъ штаба дивизіи".

Подписавъ приказъ, я приказалъ разослать его въ части въ 12-мъ часу ночи, отправивъ одинъ экземпляръ въ штабъ корпуса. Конечно, этими двумя пунктами приказа я наживалъ себѣ, въ лицѣ начальника дивизіи и начальника штаба, сильныхъ враговъ, но нужно, во-первыхъ, понять и мое душевное настроеніе, въ которомъ я находился, благодаря именно начальнику дивизіи и начальнику штаба, а во-вторыхъ, управлять въ предстоящемъ бою безъ штаба и не подчиненными предварительно частями и ихъ начальниками болѣе чѣмъ рискованно, потому что даже одинъ случай неисполненія распоряженія можетъ привести къ печальнымъ послѣдствіямъ.

Арріергардный бой у Маріамполя.

2 сентября. Въ сторонѣ г. Вильковишки и д. Бартники съ ранняго утра раздавалась артиллерійская стрѣльба. По дорогѣ отъ Вильковищекъ подходилъ противникъ, тѣсня нашъ арріергардъ отъ 27 дивизіи, подъ начальствомъ командира бригады генералъ-майора Беймельбурга. Согласно приказа по корпусу, войска заняли поспѣшно укрѣпленную позицію по обѣ стороны шоссе Маріамполь-Вильковишки, имѣя въ тылу проходимую въ бродъ р. Шешупу. Приданная на усиленіе II корпуса 57-я дивизія, собиравшаяся съ утра въ Маріампулѣ, удлинила боевой порядокъ, занявъ правый флангъ позиціи корпуса. Однако боевой составъ ея былъ очень слабый. Въ 12 часовъ дня къ позиціи подошелъ арріергардъ генералъ-майора Беймельбурга,-и у Маріампуля завязался бой, какъ послѣдній актъ отхода I-й арміи изъ Восточной Пруссіи. Около 2 часовъ дня въ домъ эвакуированной Почтовой конторы прибылъ конный ординарецъ изъ штаба 26 дивизіи и доложилъ, что онъ посланъ начальникомъ штаба дивизіи узнать, не въ Маріамполѣ ли находится 26 дивизія. На мой вопросъ, гдѣ начальникъ дивизіи и начальникъ штаба, ординарецъ доложилъ, что „они находятся въ господской усадьбѣ на берегу рѣчки верстъ 9 отсюда". Я донесъ начальнику дивизіи полевой запиской, что дивизія въ составѣ корпуса ведетъ бой у Маріамполя.

Въ началѣ бой былъ довольно оживленный. Съ нашей стороны производились контръ-атаки, но къ вечеру бой постепенно началъ замирать, а часамъ къ 5 вечера превратился въ бросаніе противникомъ

6-дюймовыхъ бомбъ по городу. Въ 5 часовъ дня я перешелъ на ночь изъ дома Почтовой конторы къ дивизіонному резерву, помѣстившись въ домикѣ на окраинѣ города вмѣстѣ съ командиромъ 2 бригады 43 дивизіи генералъ-майоромъ Тернавскимъ, который былъ назначенъ начальникомъ корпуснаго резерва. Въ дивизіонномъ и корпусномъ резервахъ было по одному батальону. При закатѣ солнца бой затихъ, и только изрѣдка противникъ посылалъ 15,5-сантиметровыя бомбы на сѣверную окраину Маріамполя.

На ночь войска корпуса остались на своей позиціи,—противникъ, очевидно, не считалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы дѣйствовать рѣшительно. При послѣднихъ лучахъ солнца генералъ Тернавскій увидѣлъ изъ окна небольшую колонну пѣхоты съ артиллеріей, которая шла полемъ съ востока на западъ. Мы приняли ее за отрядъ отъ 57 дивизіи, направленный для охраны лѣваго фланга корпуса на ночь, но мы ошиблись: оказалось, что этотъ отрядъ сопровождалъ начальника 26 дивизіи со штабомъ. Въ 10 часовъ вечера командиръ корпуса вызвалъ въ штабъ корпуса меня и начальника 43 дивизіи генералъ-лейтенанта Слюсаренко. Онъ объявилъ намъ, что послалъ Командующему арміей телеграмму о разрѣшеніи отвести корпусъ за болота Пале-Амальва-Жувинты, такъ какъ боевой составъ корпуса очень слабъ и нѣтъ патроновъ для винтовокъ и орудій: полковникъ Гренъ направилъ парки и патронныя по-

возки съ другими хозяйственными повозками на Олиту и Прены. Указавъ по картѣ пути отхода обѣихъ дивизій, — 26 дивизіи сѣверный, а 43-й дивизіи южный,—командиръ корпуса предупредилъ, что „приказъ объ отходѣ слѣдуетъ заготовить немедленно, но до полученія разрѣшенія не разсылать". Вернувшись въ домикъ, я узналъ, что начальникъ моего временного штаба капитанъ Дьяковъ вызванъ начальникомъ штаба дивизіи въ фольваркъ, находившійся въ $1^1/_2$ верстахъ отъ окраины города по пути на г. Кальварію. Тогда я приказалъ капитану Медовщикову написать приказъ объ отходѣ дивизіи, предупредивъ объ этомъ командировъ частей дивизіи полевыми записками.

Прибытіе начальника 26 дивизіи и начальника штаба.

Въ первомъ часу ночи, когда капитанъ Медовщиковъ и подпоручикъ Косолаповъ заканчивали писать копіи приказа, въ комнату съ растерянным видомъ, въ сопровожденіи полковника Рудницкаго и капитана Дьякова, вошелъ начальникъ дивизіи генералъ Порѣцкій. Генералъ Порѣцкій нервно произнесъ: „Вы ничего не знаете?-сейчасъ мы отъ командира корпуса,—мы отступаемъ". Я отвѣтилъ, что объ этомъ мы уже знаемъ, и приказъ объ отходѣ написанъ. Не отвѣчая мнѣ, генералъ Порѣцкій приказалъ полковнику Рудницкому написать приказъ. Заявивъ объ усталости, он попросилъ генерала Тернавскаго уступить ему диванъ, на которомъ генералъ Тернавскій приготовилъ себѣ постель. Я предложилъ генералу Тернавскому лечь на мою постель,

а самъ сѣлъ на стулъ. Генералъ Тернавскій поблагодарилъ, но моего предложенія не принялъ. Тогда я предложилъ ему лечь въ верхней одеждѣ рядомъ со мной. Онъ согласился. Событіями послѣднихъ 5 дней моя нервная система сильно была взвинчена, и я не могъ заснуть, не смотря на усталость. Я тихо вышелъ на улицу и сѣлъ на скамейкѣ у окна нашего домика. Въ 3 часа ночи я наблюдалъ змѣевидное движеніе ярко-свѣтлыхъ точекъ: это отходили наши III и IV корпуса, а электрическія лампочки выдавили ихъ движеніе.

Отходъ II корпуса за болота Пале-Жувинты-Амальва.

3 сентября. Около 4 часовъ утра было получено разрѣшеніе отойти за болота Пале-Жувинты-Амальва. 26 дивизія выступила в $4^1/_2$ часа утра.

Во время большого привала прибылъ командиръ корпуса генералъ Чуринъ. Вначалѣ онъ обошелся съ генераломъ Порѣцкимъ довольно сухо, но, какъ человѣкъ мягкій и большой добрякъ, прощаясь съ нимъ, многозначительно сказалъ: „Ну, до свиданія, а тамъ что было, то прошло“. По отъѣздѣ командира корпуса, начальникъ дивизіи съ начальникомъ штаба уѣхалъ впередъ, поручивъ мнѣ вести дивизію. Я оставилъ арріергардъ отъ 104 полка въ перешейкѣ между болотами, усиливъ его артиллеріей, а главныя силы расположилъ квартиро-бивакомъ въ деревняхъ за болотами. Начальника дивизіи и начальника штаба въ районѣ расположенія дивизіи не оказалось,—ихъ нашли въ фольваркѣ, занятомъ штабомъ III или IV корпуса, откуда начальникъ дивизіи прислалъ мнѣ

приказаніе сдѣлать всѣ распоряженія по охраненію квартиро-бивачнаго расположенія дивизіи. На правомъ флангѣ квартиро-бивака дивизіи была д. Шлаванты, отъ которой фольваркъ былъ въ 1—1½ верстѣ. Чтобы быть ближе къ штабу дивизіи, я перешелъ въ эту деревню. Начальникомъ арріергарда былъ полковникъ Триковскій. Противникъ не появлялся.

4 сентября. По приказанію командира корпуса, два батальона 101 Пермскаго полка съ 4 орудіями, подъ начальствомъ полковника Стельницкаго, были отправлены къ м. Симно для прикрытія лѣваго фланга квартиро-бивачнаго расположенія корпуса. Въ ротахъ и батареяхъ производилась чистка винтовокъ, орудій и аммуниціи. Противникъ никакихъ активныхъ дѣйствій не предпринималъ.

5 сентября. Отъ Командующаго арміей было получено приказаніе: „Донести, кто изъ начальствующихъ лицъ оставилъ свою часть во время отхода арміи изъ Восточной Пруссіи". Начальникъ дивизіи со штабомъ перешелъ изъ фольварка въ районъ расположенія дивизіи, приказавъ мнѣ полевой запиской порейти изъ д. Шлаванты въ д. Видгереле, и вслѣдъ затѣмъ отдалъ слѣдующій приказъ: „Я лично вступилъ въ командованіе *главными силами* дивизіи. Предписываю генералъ-майору Ларіонову обратиться къ исполненію своихъ прямыхъ обязанностей по должности командира 2 бригады".

„Отрѣшаю отъ командованія 6 батареей капитана Лопатина за то, что самовольно оставилъ арріергардъ полковника Чевакинскаго у д. Нова Доля".

Приказъ этотъ многихъ тогда возмутилъ, такъ какъ знали, что капитанъ Лопатинъ снялъ съ позиціи батарею не самовольно, а по приказанію инспектора артиллеріи корпуса, отъ имени вр. команд. корпусомъ, ибо ея обстрѣлу мѣшали свои-же войска и обозы. Касающійся меня пунктъ приказа заставилъ меня задуматься: „Что это значитъ, что начальникъ дивизіи объявляетъ въ приказѣ о томъ, что онъ *лично вступилъ въ командованіе главными силами дивизіи* и приказываетъ мнѣ обратиться къ исполненію прямыхъ обязанностей командира 2 бригады?". Значитъ, есть какая-то причина, которая заставила его командовать не только всей дивизіей, но *и главными силами* ея, а командира бригады устранить. Если мои обязанности, какъ начальника главныхъ силъ дивизіи окончились, съ приходомъ дивизіи на квартиро-бивакъ, то въ приказѣ по дивизіи объ этомъ не отдаютъ (начальникъ походной колонны главныхъ силъ дивизіи есть начальникъ этой колонны только на походѣ и только тогда несетъ свои обязанности, а съ приходомъ дивизіи на мѣсто назначенія, его обязанности сами собою оканчиваются безъ всякихъ приказовъ). Но въ данномъ случаѣ дивизія не закончила похода, а расположилась на временный отдыхъ, имѣя въ перешейкѣ озеръ арріергардъ, а слѣдовательно она имѣла и тѣ главныя силы, которыя слѣдовали подъ моимъ начальствомъ, начиная съ 30 августа, когда я получилъ записку полковника Рудницкаго: „Начальникъ дивизіи приказалъ Вамъ быть на-

чальникомъ главныхъ силъ дивизіи, которой собираться на линіи дд. Грюнвайтшенъ-Коршамупхенъ". Если приказъ устранялъ отъ командованія батареей капитана Лопатина, съ обозначеніемъ причины, то этотъ приказъ устранялъ, въ сущности, и меня отъ командованія *главными силами* дивизіи, но безъ объясненія причины, о которой начальникъ дивизіи счелъ нужнымъ умолчать. Какая же именно причина, что онъ самъ вынужденъ командовать *главными силами* дивизіи, устранивъ меня?—задавалъ я себѣ вопросъ. Я пришелъ къ заключенію, что этотъ приказъ былъ актомъ мщенія мнѣ за мой приказъ о сформированіи 1 сентября въ Маріамполѣ временного штаба дивизіи и подготовкой взвалить на меня всю вину безпорядочнаго отхода главныхъ силъ 26 дивизіи изъ Восточной Пруссіи. Если приложить записку начальника штаба мнѣ отъ 30-го августа и этотъ приказъ къ донесенію на требованіе Командующего арміей, то, конечно, виновникомъ беспорядочнаго отхода дивизіи изъ Восточной Пруссіи въ глазахъ Штаба I арміи явится не генералъ Порѣцкій и штабъ 26 дивизіи, а генералъ-майоръ Ларіоновъ, который, въ лучшемъ случаѣ, будетъ отчисленъ въ резервъ чиновъ. Доказывать, въ особенности въ военное время, что виновны не вы, а вашъ начальникъ, довольно трудно да и долго, если вы не приняли своевременно мѣръ противъ провокаціи вашей яко бы виновности. Поэтому, въ огражденіе себя отъ такого возможнаго образа дѣйствій со стороны штаба дивизіи, я написалъ командирамъ частей дивизіи циркулярно слѣдующую за-

писку (приказа я уже не имѣлъ права отдать): „Вслѣдствіе прибытія 2 сентября вечеромъ начальника дивизіи и начальника штаба къ дивизіи, которая подъ моимъ начальствомъ вела бой 2 сентября въ составѣ II корпуса у Маріамполя, и во исполненіе приказа начальника дивизіи отъ 5 сего сентября о его вступленіи въ командованіе, временно сформированный мною I сентября въ г. Маріамполѣ штабъ дивизіи расформировывается. Всѣмъ офицерамъ временного штаба возвратиться въ свои части. Оставляю при себѣ только подпоручика Косолапова, въ качествѣ офицера связи отъ 104-го Устюгскаго полка".

На слѣдующій день, на маршѣ дивизіи къ м. Олитѣ командиръ 103 полка полковникъ Алексѣевъ и командиръ 26 артиллерійской бригады генералъ-майоръ Заецъ выразили мнѣ свое удовольствіе за мою предусмотрительность, такъ какъ они также были возмущены этимъ приказомъ и поняли истинную его цѣль. Приказъ объ отрѣшеніи капитана Лопатина не былъ приведенъ въ исполненіе; онъ снялся съ позиціи, какъ уже сказано, по приказанію инспектора артиллеріи корпуса, вслѣдствіе того, что цѣли закрывались своими же войсками и обозами. А безпорядокъ движенія въ районѣ д. Нова Доля былъ такой, что даже начальникъ штаба II корпуса Генеральнаго Штаба генералъ-майоръ фонъ-Коленъ приказалъ писарямъ сжечь штабную повозку вмѣстѣ съ дѣлами штаба, изъ опасенія, чтобы она не попала въ руки противника.

Отходъ II корпуса къ м. Олитѣ.

6, 7 и 8 сентября. 26 дивизія перешла къ м. Олита, гдѣ и простояла квартиро-бивакомъ въ ближайшихъ деревняхъ на лѣвомъ берегу р. Нѣмана. Свѣдѣній о противникѣ штабъ дивизіи не давалъ.

I бригада перешла на правый берегъ р. Нѣмана. 9 сентября. 2-я бригада также перешла на правый берегъ рѣки въ д. Ужупе, находящуюся къ югу отъ шоссе Олита-Дауги. Штабъ дивизіи съ I-й бригадой заняли деревни сѣвернѣе шоссе, 43 дивизія находилась правѣе 26-й, штабъ корпуса въ м. Потаранцахъ. Сѣвернѣе II корпуса на правомъ берегу р. Нѣмана отъ Олиты до Яново на р. Виліи расположились IV, III и XXVI *) корпуса I арміи. XX-й корпусъ оставленъ былъ на лѣвомъ берегу р. Нѣмана на Олитской позиціи, имѣя своею задачею прикрывать расположеніе остальныхъ корпусовъ I-й арміи.

Обозы частей дивизіи, направленные полковникомъ Греномъ изъ Маріамполя на м. Прены для переправы черезъ р. Нѣманъ, прошли послѣ переправы въ м. Высокій Дворъ. Долго ихъ разыскивали, наконецъ нашли. Они прибыли въ части 11-го числа, что доставило намъ большую радость, такъ какъ мы могли теперь смѣнить свое бѣлье и загрязненное платье.

10 и 11 сентября. Потерявшая въ бояхъ въ Восточной Пруссіи почти $^3/_4$ своего состава 26 дивизія была пополнена, но все же далеко не до полнаго штата, преимущественно чинами разбитой на р. Голь-

*) Сформированный въ концѣ августа изъ 2-хъ второочередныхъ дивизій.

дапѣ второочередной 72-й дивизіи. Вмѣстѣ с ними, по ходатайству начальника дивизіи, былъ переведенъ и назначенъ на должность командира 1-й бригады генералъ-майоръ Туровъ, вмѣсто убитаго 27-го августа у Тиргартена генералъ-майора Дружинина. Неудачное пополненіе личнымъ составомъ разбитой въ первомъ же бою дивизіи, одна бригада которой сдалась въ плѣнъ, а другая, какъ говорили очевидцы, побросавъ много ружей и аммуниціи, отскочила въ Каріоткеменъ, сильно понизило боеспособность 26 дивизіи въ качественномъ отношеніи, не возмѣстивъ ее и въ количественномъ. Въ матеріальномъ же отношеніи оно поставило командировъ полковъ въ весьма трудное положеніе: надо было достать ружья, шинели, сапоги, полотнища походныхъ палатокъ и проч. Достать все это было очень трудно, но въ первой половинѣ октября полки кое-какъ справились, получивъ эти предметы частью изъ своихъ полковыхъ запасовъ, а частью нелегальнымъ путемъ въ г. Варшавѣ черезъ евреевъ. Но полотнищъ походныхъ палатокъ достать не могли.

Во время стоянки II корпуса у Олиты изъ штаба 1-й арміи пріѣзжалъ военный слѣдователь для производства слѣдствія о начальникахъ, которые, при отходѣ арміи изъ Восточной Пруссіи, оставили свои части или слѣдовали не при своихъ частяхъ. Для начальника дивизіи и начальника штаба 26 дивизіи такое разслѣдованіе могло окончиться довольно печально, если не прибѣгнуть къ силѣ штабной бумаги. Поэтому, чтобы

выйти изъ такого непріятнаго случая, начальникъ дивизіи отдалъ приказъ о перечисленіи боевъ, въ которыхъ *вмѣстѣ съ нимъ* участвовали начальники частей 26 дивизіи, *для внесенія этихъ боевъ въ ихъ послужные списки* (какъ будто въ этомъ была большая срочность?!). Въ приказѣ сказано, что „въ бою 2-го сентября у Маріамполя *вмѣстѣ съ начальникомъ дивизіи* участвовали *полковникъ Рудницкій* и генералъ-майоръ Ларіоновъ". Прочитавъ такой приказъ, кто же можетъ подумать, что при отходѣ 1-й арміи изъ Восточной Пруссіи, начальникъ 26 дивизіи и начальникъ штаба оставили свою дивизію, разъ они были въ заключительномъ бою дивизіи, отошедшей къ Маріамполю? Такого приказа вполнѣ достаточно, чтобы отвергнуть всѣ дошедшіе до Командующаго 1-й арміей слухи и не начинать слѣдствія. А если его начать, то вслѣдъ за этимъ слѣдствіемъ надо начинать второе—*о самомъ приказѣ*. Дѣло обошлось вполнѣ благополучно, безъ всякаго разслѣдованія, такъ какъ формальная сторона была въ полномъ бумажномъ порядкѣ. Приказъ этотъ части войскъ своевременно не получили, а до меня онъ дошелъ случайно только въ 1916 году, когда я уже командовалъ 7 Туркестанской стрѣлковой дивизіей. Здѣсь я временно прерываю хронологическое описаніе событій и познакомлю читателя съ перепиской, которую я получилъ зимою 1916 года отъ временно командующаго 26 дивизіей генералъ-майора Вѣтвѣницкаго. Переписка заключала въ себѣ:

1) Представленіе къ награжденію орденомъ Св. Георгія 4 ст. начальника штаба 26 дивизіи полковника Рудницкаго за бой 31 августа 1914 года у д. Гиже во время отхода 1-й арміи изъ Восточной Пруссіи (Гиже находится вблизи шоссе изъ г. Вильковишки въ г. Маріамполь);

2) Реляцію полковника Рудницкаго;

3) Свидѣтельское показаніе подпрапорщика 103-го Петрозаводскаго полка (фамилія стерлась);

4) Приказъ начальника дивизіи съ перечисленіемъ боевъ, въ которыхъ участвовали *вмѣстѣ съ начальникомъ дивизіи* командиры частей дивизіи, — тотъ самый приказъ, о которомъ сказано выше.

Въ своей надписи на перепискѣ генералъ Вѣтвѣницкій запросилъ меня, какъ бывшаго командира 2-й бригады 26 дивизіи, какое я могу дать свидѣтельское показаніе о подвигѣ храбрости и распорядительности полковника Рудницкаго, такъ какъ изъ описанія подвига не усматривается ни храбрости ни распорядительности, за что можно было бы представить хоть къ какой-нибудь наградѣ. Представленіе, дѣйствительно, очень странное и характерное, въ смыслѣ опредѣленія личности самого полковника Рудницкаго, какъ офицера вообще, и какъ офицера Генеральнаго Штаба въ особенности. А потому я записалъ его содержаніе въ конспективномъ извлеченіи. Подвигъ полковника Рудницкаго въ реляціи и въ представленіи изложенъ такъ.

Штаб 26 пѣхотной дивизіи, слѣдуя въ сопровожденіи 2-хъ ротъ 104 Устюгскаго полка, подъ командой подполковника Гардинскаго съ запада на востокъ, пересѣкалъ 31 августа 1914 года шоссе между г. Вильковишки и д. Гиже. Въ тылу штаба къ западу отъ шоссе *виднѣлась* нѣмецкая конница съ артиллеріей. Начальникъ дивизіи приказалъ остановить повозки шедшаго по шоссе обоза, и тогда штабъ дивизіи и роты *„перебѣжали через шоссе“*. Затѣм, одна часть обоза продолжала слѣдовать по шоссе, а другую часть полковникъ Рудницкій направилъ восточнѣе шоссе по проселочной дорогѣ. Увидѣвъ, что какой-то подпрапорщикъ 103 Петрозаводскаго полка расположилъ вдоль шоссе одинъ или два взвода въ цѣпь, чтобы встрѣтить нѣмецкую конницу, полковникъ Рудницкій *быстро сообразилъ*, что положеніе опасное и доложилъ начальнику дивизіи, что надо принять мѣры. Изъ проходящихъ мимо солдатъ полковникъ Рудницкій тотчасъ составилъ двѣ роты и, поставивъ имъ начальниковъ, сформировалъ изъ этихъ двухъ ротъ и двухъ своихъ батальонъ. Командиромъ батальона начальникъ дивизіи назначилъ подполковника Гардинскаго. Батальонъ немедленно былъ разсыпанъ въ цѣпь. Прибылъ командиръ дивизіона 72-й артиллерійской бригады полковникъ Бодиско и обратился съ просьбою помочь артиллеристамъ вытащить изъ болота завязшія орудія. Начальникъ дивизіи приказалъ ихъ вытащить, присоединилъ къ батальону и отдалъ при-

казаніе полковнику Бодиско занять позицію. Вблизи проходилъ штабъ 30 пѣхотной дивизіи. Полковникъ Рудницкій замѣтилъ начальника штаба 30 дивизіи полковника Тихменева и рѣшилъ обратиться къ нему за помощью. Доложивъ объ этомъ генералу Порѣцкому, онъ написалъ полковнику Тихменеву записку, съ просьбою оказать помощь войсками 30 пѣхотной дивизіи для отраженія *атаки* нѣмецкой конницы. Полковникъ Тихменевъ отвѣтилъ: „Начальникъ 30 пѣхотной дивизіи выполняетъ полученную отъ своего командира корпуса задачу и не можетъ расходовать войска дивизіи по другому назначенію". „Если помощь нужна, то начальникъ 26 дивизіи можетъ обратиться къ начальнику арріергарда 30 дивизіи, который находится у д. Гиже, въ 1 верстѣ отъ штаба 26 дивизіи". Тогда генералъ Порѣцкій объединилъ командованіе батальономъ и батареей подъ начальствомъ полковника Рудницкаго, подчинивъ ему полковника Бодиско и подполковника Гардинскаго, о чемъ громко объявилъ по всему отряду. (Это разсыпанному-то въ цѣпь батальону и находящейся на позиціи батареѣ!). Черезъ короткое время полковникъ Рудницкій доложилъ генералу Порѣцкому, что въ такомъ положеніи долго оставаться нельзя: положеніе опасное, а патроновъ нѣтъ. Генералъ Порѣцкій приказалъ сняться съ позиціи и продолжать путь за штабомъ 30 пѣхотной дивизіи. Полковникъ Рудницкій исполнилъ приказаніе начальника дивизіи: снялся съ позиціи и продолжалъ путь, захвативъ съ собою 4 орудія и 400 повозокъ обоза.

(Такъ пишетъ въ своей реляціи и въ представленіи начальникъ штаба 26 дивизіи, Генеральнго штаба полковникъ Рудницкій, вполнѣ вѣруя, что его дѣйствія заслуживаютъ награжденія орденомъ Св. Георгія 4 ст.) Въ 8-9 верстахъ къ востоку отъ Маріамполя штабъ 26 дивизіи остановился на ночлегъ. Въ заключительной части представленія сказано: „Результатомъ распоряженій и дѣйствій полковника Рудницкаго было спасеніе отъ непріятельской конницѣ 400 повозокъ обоза и 4 орудій съ передками, которые его отрядъ вытащилъ изъ болота и захватилъ съ собой.

Представленіе о награжденіи имѣло подпись *„Порѣцкій“*, но не обычнымъ красивымъ и твердымъ его подчеркомъ, а прямыми полудюймовыми печатной формы буквами, какъ подписываютъ тяжело больные и умирающіе, когда ихъ рукою водитъ чужая рука. Я, разумѣется, не далъ свидѣтельскаго показанія объ этомъ „выдающемся подвигѣ“ полковника Рудницкаго, такъ какъ не былъ его свидѣтелемъ: о самомъ „подвигѣ“ прочиталъ только въ первый разъ, а ранѣе ни отъ кого изъ офицеровъ не слышалъ. Изъ реляціи же полковника Рудницкаго увидѣлъ, что когда онъ совершалъ свой „подвигъ“ у Гиже, я въ то же, приблизительно, время совершалъ между Вержболовымъ и Вильковишками у р. Ширвинты не подвигъ, а только *„сдвигъ“* стоявшей массы обозовъ и солдатъ, нерѣшавшихся „пройти мимо лѣса, потому что лѣсъ занятъ нѣмецкой конницей“. Но когда выяснилось, что

никакой конницы противника нѣтъ, то мнѣ самому мое наступательное предпріятіе противъ воображаемаго солдатами противника показалось довольно комичнымъ. Я мысленно находилъ себѣ оправданіе въ той мысли, что и другой, вѣроятно, поступилъ бы такъ же, если бы ему доложили какъ и мнѣ, про эту „конницу". Мнѣ пришла мысль, не взялъ ли полковникъ Рудницкій „нѣмецкую конницу" изъ моей „реляціи о дѣйствіяхъ 2-й бригады 26 дивизіи съ 26 августа по 3 сентября", въ которой я упомянулъ объ эпизодѣ относительно этой конницы и о „*сдвигѣ*" стоявшей массы обозовъ и солдатъ". Это возможно тѣмъ болѣе, что мою реляцію, какъ будетъ сказано ниже, онъ скрылъ. Не знаю, получилъ ли полковникъ Рудницкій орденъ Св. Георгія 4 ст. за его „кровавый бой" у д. Гиже, но что онъ съумѣлъ получить Георгіевское оружіе за то, что, не безъ его горячаго, „до самоотверженія", участія, моя 2-я бригада была брошена на произволъ судьбы утромъ 28 августа, во время повторныхъ атакъ XX нѣмецкаго корпуса,—это мнѣ стало извѣстно еще въ апрѣлѣ 1915 года (о чемъ будетъ сказано также ниже).

Перех. 26 дивизіи къ оз. Дауги и къ м. Меречу.

12 сентября. 26 дивизія перешла къ озеру Дауги. Во время марша я познакомился съ вновь назначеннымъ командиромъ I-й бригады генералъ-майоромъ Туровымъ, который одиноко шелъ по дорогѣ. Разговорились о только что пережитыхъ печальныхъ собы-

тіяхъ Отзываясь отрицательно объ управленіи бывшей и теперь расформированной 72 дивизіи, онъ спросилъ меня: „А у Васъ въ дивизіи какъ обстояло на этотъ счетъ"?. Я отвѣтилъ, что главное несчастье наше въ томъ, что начальникъ дивизіи находится подъ гипнозомъ бездарнаго начальника штаба дивизіи. На мои слова генералъ-майоръ Туровъ сказалъ: „Ну, вдвоемъ-то мы ему воли не дадимъ". Затѣмъ спросилъ меня, когда я произведенъ въ чинъ генералъ-майора. Получивъ отвѣтъ, что я произведенъ 26 мая 1911 года, онъ заявилъ, что онъ значительно старше меня въ чинѣ, такъ какъ имѣетъ старшинство за орденъ Св. Георгія съ 1909 года. 13 сентября. Изъ штаба дивизіи было получено приказаніе представить реляцію о дѣйствіяхъ 2-й бригады за время съ 26 августа по 3 сентября. Реляція мною была начата составленіемъ, но не могла быть закончена, такъ какъ должна была обнять собою 9 сутокъ, полныхъ важныхъ событій. Я набросалъ ее вчернѣ менѣе половины и далѣе писать прекратилъ, потому что былъ полученъ приказъ о выступленіи дивизіи 14-го сентября къ м. Меречу.

14 сентября. Дивизія выступила къ Меречу около 7 часовъ утра двумя бригадными колоннами, съ артиллерійскимъ дивизіономъ каждая. 1-я бригада, шедшая правой колонной, стала на квартиро-бивакъ въ двухъ большихъ ближайшихъ къ Меречу деревняхъ, а 2-й бригадѣ, шедшей лѣвой колонной, была указана штабомъ дивизіи одна маленькая деревушка

въ 9-10 дворовъ, при маленькомъ озеркѣ, въ 6-7 верстахъ къ востоку отъ Мереча. Время было уже холодное, въ особенности по ночамъ, а походныхъ палатокъ въ полкахъ бригады не хватало, по крайней мѣрѣ, на $^1/_3$ состава (причина указана выше). Нужно отмѣтить, что у полковника Рудницкаго въ характерѣ была одна распространенная между многими людьми черта: переносить свое нерасположеніе и недоброжелательство къ начальнику и на его часть, которою онъ командуетъ. Въ этомъ я убѣдился еще въ г. Гродно, когда въ мартѣ и апрѣлѣ временно командовалъ дивизіей вмѣсто генерала Порѣцкаго, находившагося въ отпуску, и тогда же между мною и полковникомъ Рудницкимъ пробѣжала первая „черная кошка". Эта черта полковника Рудницкаго выразилась въ данномъ случаѣ и къ моей колоннѣ, потому что были незанятыми даже двѣ большихъ деревни. Дѣйствуя въ такихъ случаяхъ прямолинейно, я донесъ начальнику дивизіи о недостаточности дворовъ для квартиро-бивачнаго расположенія моей колонны въ отведенной маленькой деревушкѣ, подчеркнувъ малую заботливость штаба дивизіи о здоровьѣ войскъ, и просилъ разрѣшенія перейти въ одну изъ незанятыхъ большихъ деревень вблизи Мереча. Вмѣсто разрѣшенія на переходъ, мнѣ въ 6 часовъ вечера приказано было отправить 103 полкъ въ Меречъ. Я отправилъ полкъ и вновь донесъ, что для оставшихся въ колоннѣ войскъ дворовъ все равно недо-

статочно. Наконецъ, въ 10 часовъ вечера я получилъ разрѣшеніе перейти въ просимую мною деревню. Я перешелъ въ нее въ 12 часовъ ночи. — Ненужное треніе отразилось, конечно, на отдыхѣ войскъ колонны.

Движеніе 2 бригады къ м. Друскеники-Копціово

15 сентября. Въ 5 часовъ утра начальникъ дивизіи потребовалъ меня срочной запиской въ Меречъ, гдѣ былъ штабъ дивизіи. Въ штабѣ начальникъ дивизіи строгимъ тономъ, въ присутствіи генерала Турова, спросилъ меня, почему я не прибылъ въ Меречъ вчера вмѣстѣ съ 103 полкомъ, а затѣмъ иронически добавилъ: „Командиръ 1-й бригады прибыл, а Вы не пожаловали". Я отвѣтилъ: „Въ моей колоннѣ остался 104 полкъ и 2 артиллерійскій дивизіонъ; мѣсто начальника, если онъ не получилъ указанія, быть тамъ, гдѣ находится большая часть его войскъ. Если мое присутствіе въ Меречѣ вчера было необходимо, то начальнику штаба слѣдовало потребовать меня запиской". Послѣ нѣкоторой паузы начальникъ дивизіи сказалъ: „Въ 2 часа Вы получите боевую задачу". Въ два часа дадутъ боевую задачу, а въ 5 часовъ утра требуютъ въ штабъ, лишая отдыха, невольно подумалъ я. Безъ дѣла и безъ завтрака я сталъ ожидать задачи. Къ двумъ часамъ дня была вытребована батарея отъ 2-го артиллерійскаго дивизіона въ Меречъ. Въ 2 часа мнѣ была вручена боевая задача, которая состояла въ томъ,

чтобы оттѣснить отъ м. Друскеники нѣмцевъ, которые сожгли постройки курорта. Для выполненія этой задачи, мнѣ былъ данъ только 103 полкъ съ батареей, а силы нѣмцевъ не были извѣстны, хотя бы приблизительно. Разстояніе отъ Меречи до Друскеникъ одинъ переходъ. Въ 2 часа 30 минутъ дня я выступилъ съ отрядомъ черезъ понтонный мостъ, наведенный у Мереча, на лѣвый берегъ р. Нѣмана. На 9-й верстѣ марша я получилъ приказаніе сдѣлать остановку и выждать подхода 104 полка и остальныхъ батарей 2-го артиллерійскаго дивизіона. Распоряженіе это было сдѣлано командиромъ корпуса, который былъ удивленъ слабости отряда, посланнаго къ Друскеникамъ. По прибытіи 104 полка и 2-хъ батарей, я возобновилъ движеніе въ 7 часовъ вечера подъ проливнымъ дождемъ. Ночлегъ былъ въ деревнѣ, не доходя 10 верстъ до Друскеникъ. Жители деревни сообщили, что нѣмцы 13 и 14 числа уходили лѣсомъ въ сторону м. Копціова. Ихъ сообщеніе подтвердилъ и лѣсникъ посланной мною для осмотра лѣса командѣ развѣдчиковъ.

16 сентября. Я прибылъ въ Друскеники около 9 часовъ 30 минутъ утра и сдѣлалъ большой привалъ, такъ какъ здѣсь, если не окажется противника, я долженъ былъ выждать указанія отъ штаба дивизіи относительно дальнѣйшихъ дѣйствій бригады. Получивъ это указаніе, я выступилъ въ 11 часовъ по лѣсной дорогѣ на м. Копціово. Въ лѣсу во время марша было найдено нѣкоторое количество нѣмецкихъ ка-

валерійскихъ карабиновъ, пустыхъ и съ патронами патронташей. Въ 3 часа дня авангардъ бригады вошелъ въ соприкосновеніе съ дивизіей генерала Жданко, который шелъ также на Копціово и находился къ нему ближе, чѣмъ моя бригада. Я остановилъ бригаду въ лѣсу и донесъ начальнику дивизіи. Въ ожиданіи указанія, куда продолжать путь, я расположилъ бригаду въ лѣсу на квартиро-бивакъ, занявъ двѣ лѣсныхъ деревни. Приказаніе было получено ночью.

Движеніе 26 дивизіи на Серее-Лодзее.

17 сентября. Согласно полученнаго ночью приказанія, я выступилъ съ бригадой раннимъ утромъ въ м. Лейпуны, куда прибылъ около 10 часовъ утра. Сюда же прибылъ изъ Мереча и штабъ дивизіи съ 1-й бригадой и 1-мъ артиллерійскимъ дивизіономъ. Послѣ полудня 26 дивизія выступила по шоссе въ м. Серее двумя бригадными эшелонами: въ первомъ эшелонѣ шла 1-я бригада со штабомъ, а во 2-мъ эшелонѣ 2-я бригада. Дивизія прибыла въ Серее въ 5 часовъ дня. Генералъ Порѣцкій заболѣлъ.

18. сентября. Утромъ въ м. Серее прибылъ штабъ II корпуса и приказалъ освободить дома и постройки при костелѣ, гдѣ были расположены штабы дивизіи и полковъ. Генералъ Порѣцкій былъ эвакуированъ въ госпиталь для леченія, такъ какъ болѣзнь оказалась серьезной. Во временное командованіе дивизіей вступилъ генералъ майоръ Туровъ, какъ старшій въ чинѣ. Я закончилъ черновикъ своей реляціи и отдалъ подпоручику Косолапову пе-

реписать, но переписать ее онъ не успѣлъ, такъ какъ на слѣдующій день дивизія выступила въ походъ.

19 сентября. Дивизія, подъ начальствомъ генералъ-майора Турова, выступила дивизіонной колонной по дорогѣ на м. Лодзее для преслѣдованія нѣмцевъ, которые, по сообщенію жителей, отошли на два перехода къ западу отъ Лодзее.

Не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ по поводу старшинства въ чинѣ вступившаго въ командованіе дивизіей генералъ-майора Турова, совершенно не подготовленнаго къ управленію крупными войсковыми соединеніями. Изъ списка по старшинству полковниковъ за 1913 годъ видно, что он значился въ этомъ году командиромъ 161 Александропольскаго полка, произведенъ въ полковники въ 1905 году и занималъ въ круглыхъ цыфрахъ 460 мѣсто среди полковниковъ. Въ спискѣ по старшинству генераловъ въ томъ же 1913 году начальникъ штаба 1-го Сибирскаго корпуса Генеральнаго Штаба генералъ-майоръ Ларіоновъ, произведенный въ полковники въ 1903 году, а въ генералъ-майоры въ 1911 году, стоялъ выше 450 генералъ-майоровъ, и, слѣдовательно, былъ старше по чинопроизводству полковника Турова въ 1913 году на 910 полковниковъ и генералъ-майоровъ вмѣстѣ взятыхъ. Въ 1914 году полковникъ Туровъ получаетъ чинъ генералъ-майора и ему дается обратное старшинство въ чинѣ съ 1909 года. Онъ становится старше всѣхъ генералъ-майо-

ровъ, произведенныхъ въ этотъ чинъ въ 1910-1913 годахъ. Такое обратное старшинство въ чинѣ молніеносно выдвигаетъ его кандидатуру не только на должность начальника дивизіи, но и ставитъ его близкимъ кандидатомъ на командованіе корпусовъ. Естественно задать вопросъ: за какія же именно заслуги произведенный въ 1914 году въ генералъ-майоры полковникъ Туровъ получилъ обратное 5-лѣтнее старшинство въ генеральскомъ чинѣ?. Вотъ за какія. 10 августа 1913-го года былъ Высочайше утвержденъ переработанный комиссіей Статусъ ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія и Георгіевскаго Оружія. Статьею 49 новаго Статута дано право полковникамъ и генераламъ, кавалерамъ ордена Св. Георгія, просить, по прослуженіи 4-хъ лѣтъ въ чинѣ, о производствѣ въ слѣдующій чинъ. Въ концѣ же Статута, послѣ всѣхъ его статей, добавлено, какъ Высочайшее Повелѣніе, что Статутъ этотъ примѣняется и къ тѣмъ кавалерамъ Ордена, которые награждены Орденомъ *по старому Статуту*. Добавленіе, очевидно, сдѣлано не комиссіей, перерабатывавшей Статутъ, а отдѣленіемъ Главнаго Штаба. Такое добавленіе дало полную возможность столоначальникамъ и начальникамъ отдѣленія Главнаго Штаба выдвигать на законномъ основаніи желательныхъ имъ лицъ, приближая ихъ кандидатуру на высокія командныя должности. Генералъ-майоръ Туровъ, во время боксерскаго возстанія въ Китаѣ въ 1900 году, участвовалъ въ чинѣ, поручика или штабсъ-капитана

во взятіи форта Таку и въ числѣ другихъ былъ награжденъ, по представленію генерала Стесселя*), орденомъ Св. Георгія 4 ст. При представленіи его въ 1914 году въ чинъ генералъ-майора, ему отсчитали 4 года состоянія его въ чинѣ полковника и, примѣнивъ статью 49 Статута, дали старшинство въ чинѣ генералъ-майора съ 1909 года. Каждый понимает, что примѣнять эту статью черезъ 13 лѣтъ послѣ совершенія молодымъ офицеромъ подвига личной храбрости къ производимому въ генеральскій чинъ полковнику, по крайней мѣрѣ, опрометчиво, чтобы не сказать больше, потому что личная храбрость съ годами можетъ ослабѣть (а по наблюденію опытныхъ лицъ, даже часто совсѣмъ утрачивается). Для начальниковъ же крупныхъ войсковыхъ соединеній, кромѣ храбрости, необходимо умѣніе управлять ими на полѣ сраженія или на театрѣ военныхъ дѣйствій. Генералъ-майоръ Туровъ, какъ онъ доказалъ вскорѣ же, совсѣмъ не могъ управлять дивизіей, предоставивъ управленіе ею тому же полковнику Рудницкому, который неудачно управлялъ и при генералѣ Порѣцкомъ, безъ совѣта полковника Рудницкаго или безъ его указанія, генералъ-майоръ Туровъ, былъ, какъ безъ рукъ. До войны въ средѣ офицеровъ Генеральнаго Штаба получила извѣстность фраза бывшаго Командующаго войсками Кіевскаго Военнаго Округа генерала Михаила Ивановича Драгомирова, взятая изъ

*) Который, какъ показали свидѣтели на слѣдствіи о преданіи его суду за сдачу крѣпости Порт-Артура, былъ „очень добръ и щедръ" на представленія къ Георгіевскимъ наградамъ.

его аттестаціи на одного командира корпуса, генерала О-ра, отъ котораго онъ рѣшилъ избавиться: „Генералъ О-ръ можетъ засѣдать въ Военномъ Совѣтѣ, но совѣтовъ подавать не можетъ". „Совершенно то же самое можно сказать и относительно характера совѣтовъ полковника Рудницкаго, — его совѣты ускорили отчисленіе генералъ-майора Турова въ резервъ чиновъ Арміи.

Обратное движеніе 26 дивизіи на Серее-Олитѣ.

20 сентября. Въ м. Лодзее 26 дивизія только переночевала и выступила обратно въ м. Серее, чтобы слѣдовать далѣе къ м. Олита на р. Нѣманѣ, для перевозки *ея въ составѣ всего II корпуса* по желѣзной дорогѣ на Польскій театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ, послѣ пораженія 2-й и 1-й нашихъ армій въ Восточной Пруссіи, нѣмцы развили энергично наступательную операцію на лѣвомъ берегу р. Вислы, имѣя ближайшею цѣлью захватить оборонительную линію этой рѣки, въ ея среднемъ теченіи, съ городомъ Варшавой, политическимъ центромъ края и богатымъ городомъ Польши, во многихъ отношеніяхъ служившимъ базой для нашихъ армій.

21 сентября. Утромъ дивизія выступила изъ Серее въ Олиту по двумъ дорогамъ: штабъ дивизіи, I-я бригада, 26 артиллерійская бригада, парки и обозы были направлены по шоссе, а 2-я бригада—по старой проселочной дорогѣ, которая сильно была испорчена прошедшимъ ливнемъ, поэтому, несмотря на отсутствіе въ составѣ бригады артиллеріи и обоза, она подошла къ Олитѣ значительно позже I-й бригады.

Посланные съ большого привала въ штабъ дивизіи квартиръеры за полученіемъ указанія квартиро-бивачна го района 2-й бригады вернулись и доложили, что штабъ дивизіи квартиро-бивачныхъ районовъ не распредѣлялъ, а начальникъ штаба приказалъ доложить, чтобы полки сами нашли себѣ деревни и сегодня же вечеромъ донесли, гдѣ какая часть расположилась. Къ нашему несчастью, скоро полилъ страшнѣйшій дождь. Въ 4 верстахъ отъ станціи Олита оказалась незанятой маленькая въ 6-8 дворовъ деревушка. Чтобы не мокнуть подъ дождемъ, ее занялъ 104 полкъ. 103 полкъ простоялъ подъ этимъ ливнемъ два часа, пока его квартиръеры не нашли двѣ свободныя деревни въ 5 верстахъ къ сѣверу отъ Олиты. По нераспоря дительности штаба дивизіи, солдаты и офицеры 103-го полка промокли до костей.

22-23 и 24 сентября. Штабъ дивизіи потребовалъ срочно представить реляцію о дѣйствіяхъ и бояхъ 2-й бригады въ Восточной Пруссіи. 22-го или 23-го подпоручикъ Косолаповъ закончилъ переписку моей реляціи и я отправилъ ее начальнику штаба дивизіи съ нимъ же. Полковникъ Рудницкій потребовалъ представить наградные листы на офицеровъ и наградные списки на нижнихъ чиновъ, отличившихся въ бояхъ въ Восточной Пруссіи. Я со своей стороны представилъ полковника Триковскаго, какъ имѣвшаго всѣ штабъ-офицерскія награды, къ награжденію чиномъ генералъ-майора, а полковника Алексѣева къ ордену Св. Владиміра 3 ст. съ мечами. Награжденіе артил-

леристовъ шло отъ командировъ дивизіоновъ черезъ командира артиллерійской бригады. Относительно командующаго I-мъ батальономъ 226 Землянскаго полка капитана Андреева я донесъ запиской, что онъ подлежитъ награжденію орденомъ Св. Георгія 4 ст. за то, что выручилъ въ бою 29 августа лѣвый флангъ 20 стрѣлковаго полка отъ охвата нѣмцами. Статута Ордена у меня не было, и я полагалъ, что ходатайство о награжденіи капитана Андреева долженъ возбудить по моей запискѣ начальникъ дивизіи. Пользуясь временемъ переброски корпуса на Польскій театръ, полковникъ Рудницкій повезъ наградныя представленія на подпись начальнику дивизіи генералу Порѣцкому въ госпиталь.

Переброска II корпуса на Польскій театръ военныхъ дѣйствій.

25 сентября. Дивизія была посажена въ вагоны. 2-я бригада слѣдовала передовыми эшелонами корпуса. Я ѣхалъ въ первомъ эшелонѣ бригады.

26 сентября. Въ 5 верстахъ за Бѣлостокомъ мой эшелонъ простоялъ около 3 часовъ въ полѣ: въ паровозѣ не оказалось какихъ-то двухъ важныхъ частей, но какихъ именно, машинистъ уклонился сказать. Случайно или не случайно произошло это непріятное обстоятельство, но начальникъ службы тяги оказался съ нѣмецкой фамиліей, которая была мною записана, но въ Гарволинѣ, при спѣшномъ сборѣ къ выступленію къ Гурѣ Кальваріи, забыта. Въ 10 часовъ ве-

чера эшелоны 2-й бригады стали высаживаться на станціи „Пилява“ Привислянской желѣзной дороги. На станціи были кавалерійскіе и казачьи офицеры, отъ которыхъ я узналъ, что наша конница, подъ давленіемъ нѣмцевъ, очистила лѣвый берегъ рѣки Вислы и переправилась на правый частью у Ивангорода, частью у Ново-Александріи, частью у Казимержа. Ночью бригада прибыла на ночлегъ въ г. Гарволинъ.

27 сентября. Въ 6-мъ часу утра я получилъ непосредственно изъ штаба корпуса приказаніе перейти съ бригадой къ м. Гура Кальварія на р. Вислѣ. Я прибылъ въ указанныя бригадѣ двѣ деревни къ юго-востоку отъ Гуры Кальваріи въ полной темнотѣ. I-я бригада, во главѣ съ вр. командующимъ дивизіей генераломъ Туровымъ, прибыла прямо со станціи Пилява, послѣ высадки.

28-29 и 30 сентября. Полковникъ Рудницкій вернулся отъ больного начальника дивизіи и сообщилъ, что генералъ Порѣцкій настолько серьезно боленъ, что дни его сочтены и что его отправляютъ для леченія въ Петроградъ. Наградныя же представленія полковникъ Рудницкій возвратилъ, сообщивъ, что представлять къ наградамъ не приказано, такъ какъ I-я армія потерпѣла въ Восточной Пруссіи пораженіе. Съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, высшихъ руководителей всей стратегической операціи 1-й и 2 й армій въ Восточной Пруссіи, конечно, награждать было не за что: они не проявили

ни предусмотрительности, ни умѣнія маневрировать массами, ни способности въ направленіи и согласованности дѣйствій обѣихъ армій. Но солдаты, строевые офицеры и многіе генералы съ честью выполнили свой долгъ и своею кровію и жизнью десятковъ тысячъ воиновъ исправляли ошибки и промахи неподготовленныхъ въ стратегическомъ отношеніи руководителей, а если и подготовленныхъ, то только теоретически, но лишенныхъ стратегическаго дара. До Великой войны въ Исторіи Русской Арміи не было случая, чтобы Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго всѣми вооруженными силами Государства имѣлъ строевой командный стажъ только батальоннаго командира, а батальономъ командовалъ всего 4 мѣсяца, да и то въ 1904 году. Генералъ Квартирмейстеръ Штаба имѣлъ строевой командный цензъ командира полка. Должностей начальника штаба дивизіи и штаба корпуса оба генерала совсѣмъ не проходили, а предпочитали служить въ канцеляріяхъ Главнаго Штаба и Военнаго министерства. Если посмотрѣть въ спискѣ Генеральнаго Штаба за 1913 годъ краткое прохожденіе ихъ службы, то ясно видно, что служба ихъ и подготовка мало общаго имѣла съ полевыми дѣйствіями войскъ и даже, въ смыслѣ практики, со стратегическимъ искусствомъ. Но такъ какъ и кромѣ нихъ въ высшихъ штабахъ было немалое число хотя и образованныхъ, но не прошедшихъ должнаго строевого стажа въ полевыхъ войскахъ офицеровъ, то все это вмѣстѣ взятое повело къ отму, что въ первый же мѣсяцъ войны дѣло было

такъ испорчено, что исправить его потомъ было очень трудно. Это была расплата за неправильное веденіе Генеральнаго Штаба въ мирное время для ихъ подофицеровъ готовки къ войнѣ и преждевременое выдвиженіе ихъ по службѣ, не отвѣчавшее ихъ подготовкѣ.

Кромѣ II корпуса, къ Гурѣ Кальваріи былъ направленъ XXIII корпусъ генералъ-адъютанта Данилова. Оба корпуса должны были переправиться на лѣвый берегъ р. Вислы и развить наступательныя дѣйствія противъ нѣмцевъ; въ то же время собиравшіеся корпуса 2-й арміи должны были атаковать ихъ со стороны Варшавы. Но нѣмцы подошли уже къ Гурѣ Кальваріи такъ близко, что нѣмецкій гаубичный снарядъ разорвалъ понтонный мостъ во время переправы XXIII корпуса. Переправившіяся части были возвращены, и XXIII корпусъ ушелъ къ Варшавѣ, гдѣ и принялъ участіе въ оборонительномъ (вмѣсто наступательнаго) сраженіи 2-й арміи подъ Варшавой на правомъ ея флангѣ. По уходѣ XXIII корпуса, 26 дивизія охраняла участокъ р. Вислы отъ посада Карчева до устья р. Пилицы.

Переходъ II корпуса къ Варшавѣ въ резервъ арміи.

30-го послѣ полудня 26 дивизія выступила побригадно также къ Варшавѣ и 1-го около 2 часовъ дня прибыла въ предмѣстье Варшавы Гроховъ. 43-я дивизія была перевезена по желѣзной дорогѣ со станціи Пилява къ кр. Новогеоргіевскъ и у посада

Закрочима перешла по временному мосту на лѣвый берегъ р. Вислы.

1 и 2 октября. 2-я бригада простояла въ Гроховѣ, а 1-я бригада перешла вмѣстѣ со штабомъ дивизіи на позицію дравшихся у Варшавы корпусовъ 2-й арміи. Въ Гроховѣ былъ слышенъ сильный артиллерійскій бой, над Варшавой летали аэропланы противника; одинъ изъ нихъ сбросилъ 2 бомбы въ колонну 1-й бригады на Студеной улицѣ, но бомбы въ колонну не попали, а повредили лишь два дома.

3 октября. Утромъ выступила на позицію и 2-я бригада. Квартиро-бивакъ ея былъ въ лѣсу правѣе 1-й бригады, въ 10-12 верстахъ отъ Варшавы, фронтомъ на югъ. Впереди на позиціи стоялъ XXIII корпусъ. 43-я дивизія находилась къ сѣверо-западу отъ 26-й уступомъ назадъ. Такимъ образомъ II армейскій корпусъ составилъ резервъ 2-й арміи за ея правымъ флангомъ.

4 октября. Прошелъ слухъ, что конница генерала Новикова разгромила нѣмецкій обозъ около Сохачева и что на поддержку ей направлены части 43 дивизіи. Артиллерійскій бой на фронтѣ 2-й арміи постепенно и замѣтно стихалъ; чувствовалось, что противникъ снимаетъ артиллерію и готовитъ отходъ съ позиціи. Предположеніе это раздѣляли и офицеры гвардейскихъ батарей, стоящихъ впереди насъ на позиціи. Мы съ часа на часъ ожидали приказа о нашемъ наступленіи и многіе выражали недоумѣніе, почему мы медлимъ и не наступаемъ. Но удивляться

и недоумѣвать, послѣ всѣхъ уже пережитыхъ событій, не стоило, потому что достаточно къ тому времени выяснилось разногласіе нашей Стратегіи съ Полевой Тактикой.

5 октября. Согласно полученнаго мною рано утромъ приказа, я немедленно выступилъ съ бригадой лѣсомъ на сахарный заводъ Лѣшно. На 5-й верстѣ пути я получилъ приказаніе сдѣлать большой привалъ, который, по второму приказанію, былъ продленъ до 4 часовъ дня. На сахарный заводъ Лѣшно бригада прибыла въ 6-м часу дня.

Отходъ германцевъ и наше наступленіе.

6, 7 и 8 октября. Въ ночь на 6-е дивизія выступила бригадными эшелонами на Болимовъ; 2-я бригада шла въ первомъ эшелонѣ, 1-я во второмъ,— обѣ съ артиллерійскими дивизіонами. Не доходя р. Равки, дивизія повернула въ сторону г. Сохачева, при чемъ послѣ большого привала 1-я бригада составила правую колонну, а 2-я лѣвую. Пунктъ ночлега 2-й бригады съ 6-го на 7-е число не записанъ, а 7-го около 1 часа дня она прибыла въ деревню, при которой находится прекрасная усадьба съ каменнымъ домомъ г-жи Яблонской, которая находилась въ Италіи, оставивъ для управленія домомъ и при дѣтяхъ старую гувернантку-нѣмку. 1-я бригада со штабомъ дивизіи имѣли квартиро-бивакъ въ деревняхъ восточнѣе 2-й бригады. 8-е число дивизія простояла на дневкѣ.

Движеніе II коруса на линію Кернозя—Злаков Боровый.

9 октября. Согласно приказа, я выступилъ съ бригадой въ 7 часовъ утра къ мѣсту переправы дивизіи черезъ р. Бзуру, близъ винокуреннаго завода, находящагося въ 4-5 верстахъ къ югу отъ г. Сохачева. Сюда же вскорѣ подошла 1-я бригада и штабъ дивизіи. 43-я дивизія была или въ Сохачевѣ или въ его раіонѣ (въ приказѣ по 26 дивизіи свѣдѣній о ней не отдавалось). Послѣ переправы, II корпусъ долженъ былъ продолжать маршъ въ сторону Кутно двумя дивизіонными колоннами: 43-я пѣхотная дивизія была направлена на м. Кернозя, а 26-я на Злаковъ Боровый черезъ д. Езерно. Для переправы саперной ротой былъ наведенъ мостъ на козлахъ изъ возимаго въ обозѣ роты матеріала. Авангардъ дивизіи переправился и пошелъ впередъ; при переправѣ же главныхъ силъ, сломался козелъ Тьери, и главныя силы оказались разрѣзанными рѣкою Бзурой. Задержка переправы была продолжительна: главныя силы переправились только въ 4 часа дня. Начальникъ авангарда, въ которомъ шелъ 103 полкъ съ батареей, подъ начальствомъ полковника Алексѣева, не давалъ никакихъ свѣдѣній. Я послалъ полковнику Алексѣеву записку съ предложеніемъ держать съ главными силами связь согласно указанія Устава Полевой службы. Начальникъ посланнаго разъѣзда донесъ, что авангардъ свернулъ на выстрѣлы, которые были слышны въ авангардѣ 43 дивизіи. Я выслалъ новый авангардъ, въ составѣ 2-хъ батальоновъ

104-го полка и 4-хъ орудій, подъ начальствомъ полковника Триковскаго, а авангардъ полковника Алексѣева вернулъ въ составъ главныхъ силъ дивизіи, о чемъ донесъ въ штабъ дивизіи. Свое рѣшеніе свернуть на выстрѣлы полковникъ Алексѣевъ мотивировалъ указаніемъ Устава Полевой Службы. Но Уставъ предоставляетъ это право начальнику всей колонны дивизіи, а не начальнику колонны авангарда дивизіи, который выполняетъ роль и обязанности походнаго часового колонны. Въ 12 часовъ ночи авангардъ полковника Триковскаго прибылъ въ какую-то длинную деревню, въ западной части которой были обнаружены нѣмцы. Предполагалось атаковать ихъ на разсвѣтѣ, но они ночью ушли.

Бой авангарда 26 дивизіи у м. Кернозя.

10 октября. Въ 6 часовъ утра дивизія выступила въ Злаковъ Боровый, находящійся въ 12 верстахъ къ сѣверу отъ г. Ловича на рѣчкѣ „Слудвя". Въ 10 часовъ утра противникъ открылъ огонь изъ гаубицъ по авангарду дивизіи, въ которомъ шелъ полковникъ Триковскій съ двумя батальонами и 4 орудіями. Развернувъ авангардъ въ боевой порядокъ, онъ занялъ небольшой лѣсокъ южнѣе м. „Кернозя" и открылъ артиллерійскій огонь по мѣстечку. Огонь нѣмецкихъ гаубицъ сталъ достигать и до главныхъ силъ дивизіи, что заставило отклонить ихъ влѣво и принять тонкіе строи въ ротахъ. Изъ опасенія нарваться на большія силы противника, полковникъ Триковскій дѣйствовалъ медленно и нерѣшительно и просилъ подкрѣпить его остальными батальонами 104-го

полка и артиллеріей. Я приказалъ направить ему 3-й и 4-й батальоны его полка и 4 орудія. Самъ я находился у вѣтряной мельницы между авангардомъ и главными силами. Когда мимо меня проходилъ 3-й батальонъ, я получилъ донесеніе отъ начальника лѣвой походной заставы, бывшей въ перелѣскѣ, что отъ Ловича въ нашу сторону идутъ два полка нѣмецкой конницы. Я выдѣлилъ изъ 3-го батальона 10 роту на усиленіе этой заставы, приказавъ и главнымъ силамъ принять мѣры для встрѣчи конницы. Получивъ подкрѣпленіе, полковникъ Триковскій усилилъ артиллерійскій огонь, но наступать боевымъ порядкомъ не рѣшался. Авангардъ 43 дивизіи, на пути слѣдованія котораго находилась Кернозя, почему-то отсталъ или слишкомъ поздно выступилъ; вр. командующій дивизіей генералъ-майоръ Туровъ, ночевавшій со штабомъ въ 8-9 верстахъ въ тылу походной колонны дивизіи, и распоряженія не дѣлалъ и самъ не прибывалъ. Такъ какъ наше движеніе задержалось на очень продолжительное время и было уже 12 часовъ дня, то я рѣшилъ атаковать противника 104 и 102 полками. Но пока командующій 102 полкомъ полковникъ Богдановскій дѣлалъ предварительныя распоряженія, подошелъ бывшій въ авангардѣ 43 дивизіи 172 Лидскій полкъ и повелъ энергичное наступленіе на м. Кернозя. Тогда я отмѣнилъ свое приказаніе 102 полку, такъ какъ ему теперь не было бы достаточнаго пространства для маневрированія въ секторѣ между 172 Лидкимъ и 104 Устюжскимъ полками

Въ 1 часъ дня прибылъ вр. командующій дивизіей генералъ-майоръ Туровъ съ начальникомъ штаба полковникомъ Рудницкимъ и двумя офицерами, расположился у низкаго мостика на шоссе, окаймленномъ столѣтними деревьями, и потребовалъ меня къ себѣ. Когда я и со мною подпоручикъ Косолаповъ подходили къ мостику, въ 20 шагахъ сѣвернѣе его съ обычнымъ трескомъ разорвались двѣ гаубичныя шрапнели. У мостика произошло замѣшательство. Когда все успокоилось, мы подошли къ мостику, и я доложилъ о положеніи дѣла. Генералъ-майоръ Туровъ не былъ заинтересованъ, повидимому, этимъ небольшимъ боемъ, слушалъ разсѣянно и никакого распоряженія не сдѣлалъ. Около 2 часовъ дня противникъ былъ выбитъ изъ Кернози 172 и 104 полками и отошелъ двумя группами: одна отошла на г. Кутно, а другая на г. Гостынинъ.

Послѣ дѣла у Кернози, 26-я дивизія въ совершенной темнотѣ прибыла въ д. Злаковъ Боровый, обѣ улицы которой противникъ держалъ подъ продолжительнымъ ружейнымъ огнемъ, стрѣляя изъ за р. Слудви. Но пули летѣли выше головы всадника.

Населеніе Злакова Бороваго обращаетъ на себя вниманіе красотою типа мужчинъ и женщинъ: интеллигентное красивое лицо, большой красивый разрѣзъ глазъ, умный и ясный взглядъ, правильный красивый носъ, темный каштановый цвѣтъ волосъ и высокій ростъ, при сильномъ пропорціональномъ тѣлосложеніи.

Движеніе II корпуса къ г. Кутно.

11 октября. Время отъ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера войска II корпуса провели на сборныхъ пунктахъ, гдѣ обѣдали и ужинали: приказанія о выступленіи то отдавались, то отмѣнялись. Причинъ, конечно, не объявлялось; или это происходило отъ указаній штаба арміи, или отъ того, что бывшая передъ фронтомъ II корпуса часть армейской каваллеріи не давала свѣдѣній о направленіи отхода противника, или, наконецъ, давала, быть можетъ, свѣдѣнія туманныя. Но во всякомъ случаѣ неустойчивое управленіе войсками всегда дѣйствуетъ неудовлетворительно на ихъ настроеніе, что можно было наблюдать и въ данномъ случаѣ. Наконецъ, въ 6 часовъ вечера II корпусъ выступилъ двумя дивизіонными колоннами на западъ: 43 дивизія выступила по дорогѣ, на г. Кутно отъ м. Кернозя, а 26 дивизія—по дорогѣ южнѣе шоссе Ловичъ-Кутно, къ пивоваренному заводу Шевце Дольне на рѣчкѣ Охніи, въ 9 верстахъ къ юго-востоку отъ г. Кутно. Въ 11 часовъ вечера, когда колонны подходили къ назначеннымъ для нихъ мѣстамъ ночлега, было получено приказаніе вернуться назадъ и расположиться на ночлегъ въ деревняхъ, не переходя р. Слудви. Шедшіе въ хвостѣ колонны главныхъ силъ дивизіи полки I-й бригады съ I-мъ артиллерійскимъ дивизіономъ скоро нашли себѣ деревни, а полки 2-й бригады, изъ которыхъ 103-й былъ въ авангардѣ, и 2-й артиллерійскій дивизіонъ нашли себѣ пріютъ для ночлега только около 4 часовъ ночи, да и то благо-

даря любезности командировъ нѣкоторыхъ эскадроновъ отошедшей назадъ для ночлега армейской конницы, которые потѣснились, очистивъ въ двухъ деревняхъ дворы, въ которыхъ широко расположились эскадроны. Произошло это непріятное обстоятельство, какъ я полагаю, оттого, что армейская конница, вѣроятно, заняла не свой раіонъ для ночлега: разъ приказаніемъ было указано, чтобы войска II корпуса занимали деревни, не переходя р. Слудви, то, очевидно, что деревни за р. Слудвей были предназначены для армейской конницы, такъ какъ она отходитъ на ночлегъ за пѣхотныя части, если онѣ находятся недалеко отъ нея.

Между прочимъ, на этомъ, не законченномъ, переходѣ произошелъ довольно оригинальный случай. Начальникъ команды развѣдчиковъ 103 полка, бывшаго въ авангардѣ, подпрапорщикъ Р. взялъ со своей командой безъ разрѣшенія походную кухню, имѣя цѣлью накормить развѣдчиковъ, тотчасъ по приходѣ авангарда на ночлегъ, предполагая, что имъ придется работать по развѣдкѣ всю ночь. Дорога, по которой шелъ подпрапорщикъ Р. съ развѣдчиками, вышла на шоссе 3 разряда, выложенное крупнымъ камнемъ. Ядро развѣдчиковъ шло по шоссе при походной кухнѣ, а подпрапорщикъ ѣхалъ верхомъ въ нѣсколькихъ шагахъ впереди. Походная кухня слегка погромыхивала. Среди темноты подпрапорщикъ наткнулся на 2-хъ нѣмецкихъ каваллеристовъ, которые сбросили его съ лошади. Онъ позвалъ инстинктивно на помощь. На

зовъ его побѣжали развѣдчики, а съ ними и походная кухня поѣхала рысью, усиливъ грохотъ. Нѣмецкіе каваллеристы бросили подпрапорщика и повернули назадъ, послышалась нѣмецкая команда, а затѣмъ топотъ удаляющейся конной части. Какая причина? О ней можно только догадываться: каваллеристы, вѣроятно, предположили, что встрѣтили нашъ авангардъ, и походную кухню приняли за артиллерійское орудіе.

12 октября. Въ 6 часовъ утра движеніе войскъ II корпуса возобновилось, выполняя диспозицію походнаго движенія 11 октября. Авангардъ дивизіи, дойдя до Шевце Гурне, остановился и приступилъ къ постройкѣ окоповъ. Голова колонны главныхъ силъ остановилась около небольшой усадьбы въ двухъ верстахъ къ востоку отъ Шевце Гурне. Наступавшій по шоссе авангардъ 43 дивизіи также остановился на высотѣ авангарда 26 дивизіи. Оба авангарда приступили къ устройству опорныхъ пунктовъ для дальнѣйшаго развитія укрѣпленной позиціи для всего корпуса. Подъ прикрытіемъ своихъ авангардовъ, дивизіи заняли квартиро-бивакомъ ближайшія къ авангардамъ деревни: 26 дивизія районъ южнѣе шоссе Ловичъ-Кутно, а 43-я дивизія — районъ сѣвернѣе шоссе. Вторая половина дня прошла въ рекогносцировкѣ мѣстности за рѣчкой Охніей, но никакихъ свѣдѣній о присутствіи въ районѣ Кутно противника не сообщалось. Отъ главныхъ силъ были высылаемы части войскъ для постройки окоповъ и поспѣшныхъ укрѣпленій на назначенныхъ пунктахъ.

13 октября. Обѣ дивизіи продолжали укрѣплять позиціи, но работамъ сильно мѣшалъ продолжительный дождь.

Выдвиженіе II корпуса на фронтъ Красневице-Грабовъ.

14 октября. Корпусъ возобновилъ наступательный маршъ двумя дивизіонными колоннами: 43-я дивизія по шоссе черезъ Кутно на м. Кросневице, но пунктъ ночлега не былъ объявленъ. 26-я дивизія была направлена предварительно на правый берегъ р. Бзуры черезъ д. Орловъ, гдѣ переправилась по старому неисправному мостику съ большой опасностью для артиллеріи. Ночлегъ былъ въ деревняхъ раіона д. Оренице. Жители Орлова сообщили, что утромъ 12-го по мостику у Орлова переправились два эскадрона нѣмцевъ и пошли рысью по дорогѣ на м. Піонтекъ. Мы вспомнили эпизодъ съ походной кухней.

15 и 16 октября. 15-го дивизія перешла въ раіонъ г. Ленчицы на р. Бзурѣ, а 16-го въ раіонъ м. Грабова, къ сѣверо-западу отъ Ленчицы. Штабъ дивизіи и штабы 103 и 104 полковъ заняли м. Грабовъ, а полки 1-й бригады ближайшія деревни въ тылу и южнѣе. Батареи при полкахъ. Примѣрно въ $^1/_2$ верстѣ къ западу отъ Грабова были построены окопы, въ которыхъ, на случай нечаяннаго нападенія, держалась дежурная часть. Для поддержанія дисциплины производились строевыя взводныя и ротныя

ученія. Временно командующій дивизіей генералъ-майоръ Туровъ занялся охотой на куропатокъ и зайцевъ, но приносилъ и фазановъ, которыхъ разводятъ въ Польшѣ помѣщики. Начальникъ штаба дивизіи полковникъ Рудницкій занялся штабной работой и потребовалъ вновь представить возвращенныя имъ наградныя представленія на офицеровъ и нижнихъ чиновъ, отличившихся въ бояхъ въ Восточной Пруссіи. Очевидно, въ Высшемъ Командованіи за короткое время произошла перемена взглядовъ на этотъ счетъ: въ концѣ сентября запрещено было награждать за бои въ Восточной Пруссіи, а въ серединѣ октября представленія къ награжденію потребовались. Командиръ 104-го полка представилъ еще и наградные листы на офицеровъ и наградные списки на нижнихъ чиновъ, отличившихся въ бою 10 октября у м. Кернозя, удостоивъ командира 10 роты полка награжденія орденомъ Св. Георгія 4-й ст. за взятіе Кернози. Я этого наградного листа не подписалъ. Адъютантъ принесъ вновь. Я опять вернулъ безъ подписи, сказавъ, что этого не могло быть и командиръ полка, очевидно, ошибся. Командиръ полка продолжалъ настаивать, выражая обиду на мое недовѣріе къ его представленію. Тогда я написалъ ему записку, въ которой предупредилъ его, что я предварительно запрошу командира 172 Лидскаго полка полковника Романова, была ли 10-я рота при взятіи Кернози, или не была. Если она была, то я подпишу представленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ подамъ рапортъ о преда-

ніи командира 10 роты полевому суду за неисполненіе моего приказанія въ виду противника: я послалъ его съ его ротой охранять во время боя нашъ боевой порядокъ отъ конницы противника, а онъ пошелъ съ ротой брать Кернозю. Полковникъ Триковскій, особенно благоволившій, какъ мнѣ потомъ было доложено, къ командиру 10 роты, почувствовалъ всю неловкость своего домогательства и прекратилъ его. Когда я заболѣлъ и былъ 10 октября эвакуированъ въ тыловой госпиталь для леченія, онъ написалъ мнѣ очень теплое письмо, въ которомъ такъ выразилъ свой взглядъ на статутныя боевыя награды: „Напрасно Вы, В. Пр-ство, такъ строго относитесь къ награжденію офицеровъ Георгіевскимъ крестомъ; вѣдь мы съ Вами недолго будемъ командовать полкомъ и бригадой, а полкъ будетъ жить вѣчно, и чѣмъ больше въ полку будетъ георгіевскихъ наградъ, тѣмъ большая ему будетъ слава". Но, впрочемъ, въ Великую войну въ нашей арміи это не единичный былъ случай злоупотребленія Статутомъ Ордена Св. Георгія Побѣдоносца, благодаря неполнотѣ и неопредѣленности случаевъ самаго статутнаго подвига, такъ какъ руководящая статья Статута оговариваетъ: „Невозможно перечислить всѣ подвиги, достойные награжденія Орденомъ Св. Георгія". Эта оговорка лишаетъ Статутъ своего значенія, какъ Статута, потому что предоставляетъ право начальнику представить подчиненнаго къ награжденію орденомъ Св. Георгія, или не представить. Поэтому зло-

употребленій было не мало, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда подчиненный не склоненъ ухаживать за своимъ неспособнымъ начальникомъ. На ряду съ этимъ немало было и фантастическихъ описаній статутныхъ подвиговъ. Конечно, еслибы Статутъ не давалъ права кавалерамъ Ордена быстраго выдвиженія ихъ по службѣ, объ этомъ не стоило бы и говорить, но вѣдь такимъ путемъ у насъ въ арміи было выдвинуто немалое число бездарныхъ лицъ на высокія командныя должности, которыя принесли вредъ арміи, а не пользу. Статутъ потому и называется „Статутомъ", что статьи его должны точно и опредѣленно указывать, какіе именно подвиги достойны георгіевскаго награжденія, если имѣется въ виду быстрое продвиженіе по службѣ георгіевскихъ кавалеровъ Ордена, внѣ зависимости отъ желанія или нежеланія ближайшаго начальника представить или не представить подчиненнаго къ награжденію Надо имѣть въ виду, что во многихъ случаяхъ статутный боевой подвигъ подчиненнаго служитъ доказательствомъ неспособности или нераспорядительности самого начальника. Пусть не обижаются на мои мысли тѣ георгіевскіе кавалеры, которые дѣйствительно заслужили статутныя награжденія орденомъ Св. Георгія, но многіе получили ихъ, именно благодаря туманности, неопредѣленности и недоговоренности статей Статута.

Приведу примѣръ. Во время мартовскихъ боевъ въ 1916 году изъ всѣхъ корпусовъ армейской группы

генерала-отъ Кавалеріи Плѣшкова только одинъ XV корпусъ продвинулся около озера Нарочъ въ 4-дневномъ бою версты на 3 или даже $2^1/_2$ впередъ и закрѣпился. Потери, конечно, были большія. Командиръ корпуса и начальникъ штаба корпуса были награждены Георгіевскими крестами. Но вслѣдъ за награжденіемъ нѣмцы сбрасываютъ XV корпусъ обратно на прежнію позицію въ болото, при чемъ корпусъ теряетъ боеспособность большей части 10 артиллерійской бригады, и его смѣняетъ I Сибирскій корпусъ, который былъ направленъ на предполагавшуюся операцію у Молодечно и имѣвшій въ ночь атаки нѣмцами XV корпуса ночлегъ въ 15 верстахъ отъ сброшеннаго въ болото XV корпуса. Позволительно спросить: какую же заслугу оказалъ XV корпусъ I-й арміи и за что получили георгіевскія награды его высшіе начальствующіе чины, когда онъ черезъ нѣсколько дней снова оказался въ болотѣ, понеся огромныя потери людьми и орудіями? Онъ не только ничего въ конечномъ результатѣ не сдѣлалъ, но даже потерялъ свою боеспособность, вслѣдствіе чего и былъ отведенъ въ тылъ для пополненія. Это одинъ изъ многочисленныхъ случаевъ преждевременнаго награжденія высокихъ начальниковъ статутными наградами въ Великую войну, наглядно показывающій, что начальники крупныхъ войсковыхъ соединеній должны быть награждаемы статутными наградами, дающими имъ право быстраго служебнаго возвышенія, только послѣ такой законченной операціи, которая, подъ ихъ руководствомъ, дала несомнѣнную пользу своей арміи, а не

мимолетный успѣхъ. Другое дѣло, когда производится награжденіе за лично проявленную храбрость: въ такихъ случаяхъ чѣмъ быстрѣе награжденіе, тѣмъ лучше. Но такое награжденіе не даетъ основанія на назначеніе георгіевскаго кавалера командовать дивизіей, корпусомъ или арміей, безъ соотвѣтствующей его подготовки. Между тѣмъ подобных случаевъ у насъ въ Великую войну было довольно много, и эти „лично храбрые", начальники оказывались совершенно неспособными для управленія корпусами и арміями...

Дивизія простояла въ районѣ м. Грабовъ до 30 октября. Въ 20 числахъ зашелъ къ полковнику Алексѣеву, который имѣлъ квартиру въ одномъ домѣ со мною, старшій адъютантъ штаба дивизіи Генеральнаго Штаба капитанъ Дьяковъ и что-то по секрету, волнуясь и возмущаясь, сообщилъ полковнику Алексѣеву. По его уходѣ, полковникъ Алексѣевъ въ шутливой формѣ передалъ мнѣ, что „нашъ начальникъ штаба сидитъ по ночамъ, составляетъ и вновь пересоставляетъ представленія къ георгіевскимъ наградамъ себя и еще кого-то", о чемъ ему съ чувствомъ возмущенія и передалъ Капитанъ Дьяковъ. Мы посмѣялись надъ затѣей полковника Рудницкаго

Во время стоянки дивизіи въ Грабовѣ и его окрестностяхъ я сильно страдалъ зубною болью, которая перешла въ воспаленіе надкостницы, а зубныхъ врачей въ войскахъ корпуса не было и штатомъ не

полагалось. Пользуясь затишьемъ на фронтѣ, я выѣхалъ, съ разрѣшенія командира корпуса, къ зубному врачу въ Варшаву 29 октября.

Контръ-наступленіе противника на правый флангъ 2-й арміи. Бой у м. Кросневице. Вопросъ объ обезпеченіи праваго фланга 2-й арміи.

31 октября я получилъ въ Варшавѣ телеграмму о немедленномъ возвращеніи въ дивизію.

1 ноября. Я выѣхалъ съ первымъ отходящимъ поѣздомъ и въ 12 часовъ дня прибылъ въ Кутно. На вокзалѣ я встрѣтилъ полковника Алексѣева, который сообщилъ, что онъ получилъ назначеніе на должность начальника штаба VI армейскаго корпуса генерала Гурко и теперь отправляется къ мѣсту своего новаго служенія. Я послалъ за моимъ экипажемъ, который ожидалъ меня въ Кутно. Мы сѣли съ полковникомъ Алексѣевымъ пообѣдать. На мой вопросъ, что новаго и почему я вызванъ телеграммой, полковникъ Алексѣевъ сказалъ, что развѣдкой нашей конницы обнаружено движеніе большихъ силъ нѣмцевъ отъ Нешавы и Радзѣева къ Влоцлавску и Избицѣ, и потому 26 дивизія получила приказъ перейти отъ Грабова къ Кросневице, гдѣ она уже заняла позицію лѣвѣе 43 дивизіи. Другихъ свѣдѣній объ обстановкѣ на правомъ флангѣ нашей 2-й арміи онъ не имѣлъ. Послѣ обѣда мы простились. Экипажъ мой прибылъ, я поѣхалъ въ Кросцевице. Верстахъ въ 4-хъ отъ Кутно я встрѣтилъ евреевъ, которые везли на большихъ фурахъ свое имущество изъ Кросневице. Они сооб-

щили, что наступаютъ нѣмцы и что у Кросневице ожидается сраженіе. Дѣйствительно, минутъ черезъ 10 стали доноситься выстрѣлы орудій 6-дюймоваго калибра. Въ Кросневице я прибылъ въ 3 часа дня и прямо съ экипажа направился въ штабъ дивизіи, находившійся въ домѣ богатаго еврея. По 2-хъ верстной картѣ я ознакомился съ расположеніемъ полковъ дивизіи на позиціи: на правомъ флангѣ былъ 103 полкъ, въ центрѣ 101 полкъ, на лѣвомъ флангѣ 102 полкъ. 104 полкъ былъ въ дивизіонномъ резервѣ у Кросневице. Правѣе 26 дивизіи находилась на позиціи 43 пѣхотная дивизія, отдѣленная вдававшейся опушкой лѣса. Линія окоповъ 26 дивизіи шла по выпуклой дугѣ и находилась въ 4-хъ верстахъ къ западу и сѣверо-западу отъ Кросневице.

Вслѣдъ затѣмъ я, какъ не занятый исполненіемъ какихъ-либо обязанностей службы, отправился осмотрѣть болѣе детально самую мѣстность Внутренность позиціи и тылъ были открыты до самаго Кросневице; отъ тыла къ фронту позиціи ровная мѣстность имѣла небольшой уклонъ; отъ Кросневице къ серединѣ фронта позиціи шло шоссе, обсаженное столѣтними деревьями, изъ которыхъ многіе погибли; въ $^1/_2$ верстѣ отъ Кросневице на правой сторонѣ шоссе находилось кладбище съ обнесеннымъ вокругъ него деревяннымъ заборомъ. Передъ фронтомъ позиціи былъ лѣсъ, опушка котораго, зигзагообразно охватывая правый флангъ, подходила къ сѣверной окраинѣ м. Кросневице, Къ югу отъ шоссе мѣстность понижа-

лась, озразуя лощину, южная сторона которой сильно возвышалась, въ видѣ возвышеннаго плато. Въ 5 часовъ вр.-момандующій дивизіей генерал-майоръ Туровъ отдалъ мнѣ приказаніе осмотрѣть расположеніе полковъ на позиціи и доложить ему, такъ какъ самъ онъ не осматривалъ ихъ. Со мною поѣхалъ добровольно подпоручикъ Косолаповъ. Въ одной верстѣ приблизительно отъ Кросневице противникъ замѣтилъ нашу конную группу въ 4 всадника и повелъ по насъ огонь изъ гаубицъ. Пришлось раньше времени спѣшиться и отправить вѣстовыхъ съ лошадьми въ Кросневице. Я предложилъ и подпоручику Косолапову вернуться, но храбрый офицеръ не хотѣлъ меня оставить. Однако противникъ продолжалъ за нами слѣдить и держать все время подъ своимъ огнемъ. Осколокъ одного снаряда напоромъ воздуха сбилъ фуражку съ моего мужественнаго и благороднаго спутника. Стало темнѣть, противникъ насъ потерялъ и прекратилъ по насъ свой огонь. Явился откуда-то слѣва мой конный ординарецъ Шерба съ двумя лошадьми въ поводу и доложилъ, что въ Кросневице прибылъ командиръ корпуса и требуетъ меня къ себѣ въ штабъ дивизіи. Когда я вошелъ въ штабъ, генералъ Чуринъ, всегда спокойный и ровный, на этотъ разъ нервничалъ и въ рѣзкомъ тонѣ выражалъ свое неудовольствіе генералъ-майору Турову и полковнику Рудницкому за неумѣлый выборъ позиціи. Предполагая, что я также принималъ участіе въ ея выборѣ, командиръ корпуса и ко мнѣ обратился съ тѣми же замѣчаніями. Но получивъ мой докладъ,

что я только что вернулся изъ Варшавы, онъ продолжалъ дѣлать указанія генералъ-майору Турову и полковнику Рудницкому по картѣ, куда надо, воспользовавшись темнотой, отвести назадъ 103 и 101 полки и закрѣпиться, чтобы они не могли подвергнуться ночью фланговой атакѣ. По отъѣздѣ командира корпуса, полковникъ Рудницкій приступилъ къ составленію приказа по дивизіи о переходѣ 103 и 101 полковъ на новую позицію и укрѣпленіи ея.

Процессъ составленія приказа продолжался довольно долго: сначала былъ составленъ черновикъ, а затѣмъ, по заведенному полковникомъ Рудницкимъ порядку, самъ онъ диктовалъ приказъ, строго сверяясь съ порядкомъ пунктовъ формы, приложенной къ Уставу Полевой Службы, а старшій адъютантъ штаба дивизіи капитанъ Дьяковъ записывалъ. Генералъ-майоръ Туровъ сидѣлъ у стола и покуривалъ, откровенно признавшись, что онъ „не мастеръ на составленіе боевыхъ приказовъ, въ которыхъ и поблагодарить-то нельзя“. Я полагалъ, что получу назначеніе начальника бригаднаго боевого участка и сдѣлалъ распоряженіе о подготовкѣ моей постоянной связи въ бригадѣ, но оказалось, что во время моей поѣздки въ Варшаву вр. командующій дивизіей приказалъ ее распустить, объявивъ, какъ мнѣ было доложено, что она лишняя: боевымъ порядкомъ будетъ управлять штабъ дивизіи, а не командиръ бригады, который по новому штату положенъ только одинъ на дивизію, и потому онъ будетъ исполнять лишь

порученія начальника дивизіи. Такимъ образомъ, я не получилъ никакого боевого назначенія, несмотря на то, что всѣми тремя полками, бывшими въ боевыхъ полковыхъ участкахъ, за выбытіемъ полковыхъ командировъ, командовали старшіе штабъ-офицеры этихъ полковъ (не достаточно опытные,—командиры батальоновъ). Только 104-й полкъ, бывшій въ дивизіонномъ резервѣ, имѣлъ настоящаго постояннаго своего командира. Наконецъ, въ 10 часовъ вечера боевой приказъ былъ написанъ, а въ $10^1/_2$ часовъ былъ отправленъ въ полки и дивизіоны. Въ теченіе всего вечера противникъ обстрѣливалъ рѣдкимъ огнемъ изъ гаубицъ Кросневице, изъ котораго штабъ дивизіи выѣхалъ въ 11 часовъ, перенеся командный пунктъ въ деревню, если не ошибаюсь въ названіи, Нове, находящуюся въ 3-хъ верстахъ къ востоку отъ Кросневице, южнѣе шоссе Кросневице-Кутно. Мнѣ было приказано находиться при штабѣ дивизіи. Въ 12 часовъ ночи, во время ужина, были получены срочныя донесенія отъ начальниковъ боевыхъ участковъ о томъ, что всѣ дневныя и вечернія атаки нѣмцевъ отбиты. Генералъ Туровъ донесъ командиру корпуса о блестящихъ дѣйствіяхъ войскъ дивизіи и послалъ благодарственный приказъ начальникамъ боевыхъ участковъ. По окончаніи ужина, я ушелъ въ домикъ ксендза, гдѣ мнѣ была отведена комната.

2 ноября. Въ 6 часовъ утра ко мнѣ прибѣжалъ запыхавшійся вѣстовой и доложилъ, что вр. командующій дивизіей немедленно требует меня въ штабъ.

Разстроенный генералъ Туровъ объявилъ мнѣ, что 101 и 103 полки ночью разбиты: въ одномъ осталось $2^1/_2$ батальона, а въ другомъ 2 батальона. Генералъ Туровъ просилъ совѣта, какъ ему объ этомъ донести командиру корпуса послѣ его ночного донесенія. „Какъ доносятъ начальники боевыхъ участковъ, такъ и донесите", отвѣтилъ я. Онъ все же продолжалъ колебаться, но в концѣ концовъ отправилъ донесеніе. Послѣ стало извѣстно, что колебаніе имѣло вѣсскую причину: полки не успѣли перейти на новую позицію, вслѣдствіе запоздалаго полученія приказа, и были атакованы противникомъ съ охватомъ праваго фланга на старой позиціи. Въ ту же ночь понесла огромныя потери и 43-я пѣхотная дивизія.

Продолжать бой у Кросновице дѣло было уже безнадежное, и командиръ корпуса приказалъ отходить за р. Охнію, гдѣ 12 и 13 октября укрѣплялась позиція для корпуса. 101 и 103 полкамъ приказано было отходить вдоль шоссе на Кутно, а мнѣ было приказано прикрывать ихъ отходъ 102 и 104 полками, отходя также къ р. Охніи. Но начальникъ штаба дивизіи такъ хорошо распорядился, что всю войсковую связь штаба дивизіи съ частями боевого порядка снялъ и отправилъ въ Кутно, и мнѣ пришлось употребить не менѣе $1^1/_2$ часовъ времени на установленіе связи начальниковъ боевыхъ участковъ со мною, такъ какъ моя постоянная бригадная связь, какъ уже упомянуто, была расформирована. Одно-

временно съ отходомъ 101 и 103 полковъ, уѣхалъ въ Кутно и генералъ майоръ Туровъ съ полковникомъ Рудницкимъ, отправивъ, конечно, и штабъ дивизіи. Отходъ 101 и 103 полковъ прикрылъ 102-й полкъ, на который нѣмцы повели наступленіе, охватывая его правый флангъ. 102-й полкъ отошелъ къ Кросневице. 104-й полкъ развернулся въ боевой порядокъ на возвышенности южнѣе Кросневице, имѣя въ тылу батареи 2 артиллерійскаго дивизіона. Въ 10 часовъ утра командиръ 104-го полка полковникъ Триковскій донесъ мнѣ по телефону: *„Я вижу въ бинокль со своего наблюдательнаго пункта три длинныйшихъ колонны нѣмцевъ, которыя идутъ отъ Домбе на Ленчицу“*. Это донесеніе было чрезвычайно важно: задерживая нашъ II корпусъ боемъ на фронтѣ, противникъ врѣзался сильной войсковой массой между II и XXIII нашими корпусами и отрѣзалъ II-й и V-й Сибирскій корпуса отъ 2-й арміи. Я немедленно донесъ объ этомъ вр.-командующему дивизіей, поставивъ на конвертѣ два креста, т.-е, доставить как можно скорѣе. Вслѣдъ за тѣмъ я отдалъ приказаніе вр. командующему 102-мъ полкомъ полковнику Богдановскому начать отходъ отъ Кросневице вдоль оврага южнѣе шоссе. Отходъ 102-го полка былъ прикрытъ огнемъ артиллеріи. По отходѣ 102-го полка, началъ отходить, по моему приказанію, 104-й полкъ, который собственно и задерживалъ противника въ дальнѣйшемъ процессѣ нашего отхода. Вр. командующій 102 полкомъ полковникъ Богдановскій, какъ офицеръ инженерныхъ войскъ, перешедшій въ пѣхотный

строй только въ началѣ войны, не пріобрѣлъ еще должной опытности по управленію въ бою полкомъ, и потому затруднилъ отходъ.

Въ 12 часовъ дня я получилъ отъ вр. командущаго дивизіей записку: *„Ставка требуетъ, чтобы II корпусъ не отходилъ отъ Красневице далѣе 5 верстъ"*. Такое требованіе Штаба Верховнаго Главнокомандующаго не могло быть тактическимъ указаніемъ командиру корпуса изъ Барановичей въ Кутно, за 300 верстъ, а было предъявлено, конечно, въ силу неблагопріятно сложившейся стратегической обстановки на правомъ флангѣ наступающихъ нашихъ армій, вслѣдствіе необезпеченности этого фланга, при разработкѣ плана операціи въ кабинетѣ Генералъ-Квартирмейстера Ставки. Но требовала ли стратегическая обстановка нашего праваго фланга послѣ всего того, что произошло на немъ съ 29 октября до полудня 2-го ноября, продолженія боя у Красневице уже разбитаго II корпуса? Къ этому времени Ставка уже знала, что V Сибирскій корпусъ разбитъ противникомъ у Влоцлавска и, понеся огромныя потери въ солдатахъ и офицерахъ, отошелъ въ безпорядкѣ 30 октября къ Гостынину и связанъ тамъ новымъ боемъ, что XXIII корпусъ также былъ атакованъ сильнѣйшимъ противникомъ и отошелъ отъ Унеіова къ Озоркову и Ленчицѣ и что атакованный 1 ноября II-й корпусъ, потерявъ до 50% своего состава, вынужденъ начать отходъ къ Кутно. Если въ Ставкѣ еще не было получено донесенія о томъ, что „три длиннѣйшихъ колонны противника были обнаружены

въ 10 часовъ утра шедшими отъ Домбе на Ленчицу", то и этихъ свѣдѣній было достаточно, чтобы понять о грозномъ маневрѣ, который розыгрываетъ противникъ на правомъ флангѣ 2-й арміи. Цѣлесообразно ли, при такой обстановкѣ, отдавать приказъ, чтобы „II корпусъ не отходилъ отъ Кросневице далѣе 5 верстъ?". Это значитъ, играя въ руку противнику, создавать изоляцію разбитыхъ II армейскаго и V Сибирскаго корпусовъ отъ праваго фланга 2-й арміи, такъ какъ естественно слѣдовало вслѣдъ затѣмъ ожидать, что противникъ направитъ для этой изоляціи вдоль р. Бзуры соотвѣтственныя силы или отъ той войсковой группы, которая атаковала и отбросила XXIII нашъ корпусъ, или отъ той, которая атаковала II корпусъ. Продвиженіе на востокъ вклиняющейся вдоль р. Бзуры массы противника возможно было бы остановить, если бы Ставка или штабъ С.-З. фронта могли въ теченіе однихъ сутокъ собрать въ раіонѣ Кутно еще два-три корпуса и вмѣстѣ съ правофланговыми корпусами 2-й арміи взять въ клещи вклиняющуюся массу нѣмцевъ. Но никакой скорой помощи разбитые V Сибирскій и II армейскій корпуса получить не могли, потому что вблизи нихъ не было никакихъ свободныхъ и несвободныхъ войскъ въ раіонѣ между Бзурой и Вислой. Даже VI Сибирскій корпусъ 1 арміи, направленный болѣе раннимъ распоряженіемъ отъ Плонска къ Плоцку, и тотъ былъ 2 ноября на правомъ берегу Вислы-не ближе 3 переходовъ отъ Кросневице. Словомъ, требованіе Ставки для меня было загадкой, разгадать которую я могъ

только послѣ того, когда прочелъ книгу бывшаго Генералъ-Квартирмейстера Ставки генерала Данилова. „Россія въ Міровой войнѣ 1914-1915 г. г."

Поэтому, пріостановивъ на нѣкоторое время описаніе отхода 102 и 104 полковъ къ Кутно, я процитирую нѣкоторыя мѣста изъ X главы его книги, рисующей *обезпеченіе праваго фланга* нашей наступательной операціи, предпринятой Главнокомандованіемъ въ октябрѣ мѣсяцѣ противъ отходившихъ отъ р. Вислы и г. Варшавы нѣмецкихъ войскъ, и освѣщу эти мѣста читателю нѣсколько съ другой точки зрѣнія, чѣмъ это дѣлаетъ генералъ Даниловъ.

Генералъ Даниловъ пишетъ: „Мы находились въ необходимости учитывать то обстоятельство, что *наши шансы на побѣду должны были прогрессивно уменьшаться, по мѣрѣ приближенія нашихъ противниковъ къ своимъ границамъ.* Въ то время какъ мы являлись на лѣвомъ берегу р. Вислы обладателями слабо развитой желѣзнодорожной сѣти, которая не позволяла намъ строить расчеты на переброскѣ войскъ съ одного участка общаго фронта на другой,—*наши противники, по мѣрѣ своего отхода, получали въ свое распоряженіе двѣ мощныя желѣзнодорожныя магистрали, пролегающія на ихъ территоріи и глубоко охватывавшія весь нашъ театръ военныхъ дѣйствій.* При безусловномъ искусствѣ въ маневрированіи, данное условіе являлось для нашихъ противниковъ преимуществомъ,

которое въ полной мѣрѣ оцѣнивалось у насъ въ Ставкѣ. Единственнымъ средствомъ, писалъ Верховный Главнокомандующій генералу Иванову, *удержать иниціативу* въ нашихъ рукахъ и *парировать* возможное *контръ-наступленіе* германцевъ въ какомъ-либо невыгодномъ для насъ направленіи — является *энергическое и скорѣйшее* наступленіе".

Да проститъ мнѣ генералъ Даниловъ, если я скажу, что Великій Князь, вѣроятно, самъ не писалъ, а только *подписалъ* составленную въ оперативной части Ставки телеграмму или предписаніе, на основаніи сдѣланнаго ему доклада. И, конечно, очень жаль, что подписалъ, и вотъ почему: 1) Противникъ, несомнѣнно, будетъ портить дороги, *что замедлитъ наше наступленіе*, отнимая время для исправленія. 2) Отходя по исправнымъ дорогамъ, противникъ всегда будетъ имѣть преимущество въ скорости движенія, и *наступающая масса нашихъ войскъ будетъ непремѣнно отставать;* 3) Противникъ будетъ задерживать демонстративными боями наступающаго въ различныхъ точкахъ фронта, *что вызоветъ задержку* для возстановленія нѣкоторыхъ частей его. 4) Отступающій на свои желѣзныя дороги противникъ имѣетъ возможность *задерживать* наступающаго *только частью своихъ силъ, а свободныя войска направлять къ станціямъ посадки для переброски* въ намѣченный имъ раіонъ своей территоріи, если онъ имѣетъ цѣлью предпринять контръ-маневръ;

5) Вообще же, какъ общее правило, фронты армій не способны на производство „энергическаго и скорѣйшаго наступленія“: они могутъ лишь *„быстро отступать“*. Отсюда видно, что *„энергія наступленія массовой арміи“ непремѣнно разобьется“ о медленность движенія* этой войсковой массы, растянутой на огромномъ пространствѣ. Слѣдовательно, операція затянется и не достигнетъ цѣли.

Но отбросимъ высказанныя въ 5 пунктахъ соображенія и доводы, считая ихъ явленіями случайными, и будемъ преслѣдовать нѣмцевъ нашей массой въ 40 дивизій на фронтѣ въ 250 километровъ „энергично и быстро“. Предположимъ, что если мы и не разбили нѣмцевъ, но такъ сильно ихъ потрепали, что они отошли на свою территорію, и мы послѣдовали за ними, занявъ полосу этой территоріи шириною въ 2-3 перехода отъ нашей границы. Произойдетъ ли отъ того равновѣсіе между нами и нѣмцами въ отношеніи пользованія желѣзными дорогами? Нѣтъ, не произойдетъ, потому что у насъ не будетъ ни паровозовъ ни вагоновъ для переброски войскъ: колея нашихъ желѣзныхъ дорогъ шире колеи дорогъ германскихъ, перешивка колеи и переброска подвижного состава займетъ время, которымъ противникъ все равно воспользуется „для перевозки своихъ войскъ по желѣзнымъ дорогамъ“. Вопросъ, значитъ, не измѣняется, гдѣ разбить нѣмцевъ—до подхода ихъ къ своей границѣ, или послѣ перехода ими своей границы,—важно разбить. А чтобы разбить

или, по крайней мѣрѣ, имѣть шансы разбить, гораздо цѣлесообразнѣе вести войсковую массу „не *энергично и быстро*“, а методически и планомѣрно такъ, чтобы сохранить ея силу и энергію для рѣшительнаго удара, продвигая длинный фронтъ армій, „съ прочно обеспеченными флангами“, а на случай прорыва нами его центра, или на случай прорыва нашего центра, вести во второй линіи армій резервные корпуса, маневрируя ими и направляя ихъ, въ зависимости отъ хода и пульсаціи военной операціи, (соединяя даже въ армейскія группы, если понадобится). Это очень хорошее средство не только противъ желѣзныхъ дорогъ, но и противъ всякихъ дорогъ, и даже противъ арміи противника, направленной на нашъ флангъ, или когда колеблятся дѣла на фронтѣ наступающихъ армій.

„Въ соотвѣтствіи съ этимъ мнѣніемъ, пишетъ далѣе генералъ Даниловъ, при первыхъ же извѣстіяхъ объ отходѣ германцевъ къ сѣверу отъ р. Пилицы и въ раіонѣ Ивангорода. Ставкой было отдано распоряженіе о выдвиженіи армій С.-З. фронта на лѣвомъ берегу р. Вислы, для преслѣдованія противника на фронтъ Лодзь-Петроковъ, *съ принятіемъ мѣръ обезпеченія этого наступленія со стороны Торнскаго раіона; для того рекомендовалось имѣть въ угрожаемомъ направленіи конницу, а за правымъ флангомъ наступающихъ армій — одинъ корпусъ, въ видѣ уступа*“.

Фронтъ Торнскаго раіона доходитъ до 150 верстъ по воздушной линіи, имѣя на флангахъ крѣпости Познань*) и Торнъ. Вдоль него на германской территоріи пролегаетъ цѣлая сѣть желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ. Противникъ имѣлъ возможность произвести высадку своихъ войскъ на этомъ фронтѣ во многихъ мѣстахъ вблизи нашей границы, при чемъ 4-5 узловыхъ станцій прикрыты цѣпью озеръ. Поэтому *весь фронтъ Торнскаго раіона является угрожающимъ направленіемъ для праваго фланга наступающихъ „въ юго-западномъ направленіи армій“*, и, слѣдовательно, отдаляющихся отъ этого раіона. На фронтѣ этомъ противникъ можетъ развернуть не корпусъ и не два, а армію или двѣ арміи, чтобы рвать правый флангъ „удаляющихся на юго-западъ“ нашихъ армій. Возможно ли при такихъ условіяхъ, имѣть за правымъ флангомъ только одинъ корпусъ? Это значитъ повторить въ третій разъ ошибку, сопровождавшую разгромъ армій генераловъ Самсонова и Ренненкампфа въ Восточной Пруссіи, когда 2-я армія генерала Самсонова погибла, благодаря слабости обоихъ своихъ фланговъ, а 1-я армія Ренненкампфа потерпѣла пораженіе, благодаря тому, что ея лѣвый флангъ обезпечивался только однимъ II-мъ корпусомъ, растянутымъ, къ тому же, на 40-50 верстъ по воздушной линіи.

Относительно плана операціи генералъ Даниловъ пишетъ: „Теоретически, наступленіе главной массы

*) Кр. Познань хотя и устарѣвшая, но все же требуетъ осадныхъ орудій, которыя надо подвезти.

нашихъ войскъ намѣчалось на фронтъ Гнѣзно-Козель въ 250 километровъ, т. е. въ обходъ Познани съ юга. Изъ 95-ти пѣх. дивизій на указанный фронтъ должны были наступать свыше 40 дивизій (2-я, 5-я, 4-я и 9-я арміи), которыя первою своею задачею должны были, конечно, считать одержаніе побѣды надъ германо-австрійскими войсками, оперировавшими на лѣвомъ берегу р. Вислы; *около 30 дивизій* (1-я и 10-я арміи) *должны были обезпечивать движеніе этой массы со стороны праваго фланга, продвигаясь къ нижней Вислѣ, какъ по правому, такъ и по лѣвому ея берегу*, и 25 дивизій (арміи 3-я, 8-я и 11-я)—сковывать австрійскія арміи къ югу отъ этой рѣки. Очевидно, что *всѣ эти три группы должны были дѣйствовать въ полной связи, взаимно помогая другъ другу въ достиженіи общей цѣли*".

Если, слѣдуя указанію книги генерала Данилова, посмотрѣть по картѣ расположеніе нашихъ армій къ 29-му октября (11 ноября нов. ст.), т. е. ко дню, когда противникъ началъ контръ-наступленіе противъ нашего праваго фланга, то видно, что лѣвый флангъ, дѣйствительно, былъ обезпеченъ 25-ю дивизіями Ю.-З. фронта, а правый только двумя корпусаии (II-мъ армейскимъ у Кросневице и V-мъ Сибирскимъ у Влоцлавска). Что же касается 30 дивизій 1-й и 10-й армій, которыя должны были *наступать къ нижней Вислѣ какъ по правому, такъ и по лѣвому берегу ея*, то эти дивизіи не только въ началѣ операціи, но и спустя три недѣли послѣ начала ея, находились на-

зади за рѣкой Вислой, очень далеко отъ праваго фланга 2-й арміи, и на обезпеченіе ими праваго фланга 2-й арміи никоимъ образомъ расчитывать было нельзя: 10-я армія была связана задачей сдвинуть противника съ укрѣпленной позиціи у р. Ангерапъ и отбросить его къ нижней Вислѣ, а I-я армія выполняла три задачи: 1) оказать содѣйствіе 10-й арміи съ юга на сѣверъ, когда она выбьетъ противника изъ его укрѣпленной позиціи и будетъ тѣснить къ нижней Вислѣ; 2) прикрывать пути къ Варшавскому раіону и 3) оказать содѣйствіе 2-й арміи по обезпеченію ея праваго фланга, въ случаѣ наступленія противника по лѣвому берегу р. Вислы.

Я уже высказалъ свою точку зрѣнія о мечтательной созерцательности относительно „энергическаго“ и „скорѣйшаго“ наступленія войсковой массы, растянутой на 250 километровъ. Теперь процитирую изъ книги генерала Данилова, какъ оправдалось на дѣлѣ „энергическое“ и „скорѣйшее“ ноступленіе нашей массы въ 40 дивизій. Генералъ Даниловъ по этому поводу пишетъ:

„Организація нашего наступленія оказалась, однако, до чрезвычайности трудною. Кромѣ капитальной порчи нѣмцами, а отчасти и австрійцами, всѣхъ путей сообщенія, намъ приходилось считаться *съ крайнимъ утомленіемъ нашихъ войскъ*, особенно 5-й и 4-й армій, на долю которыхъ выпало совершить передъ тѣмъ изъ Галичины рядъ напряженнѣйшихъ маршей, при исключительно трудной обстановкѣ. Эти обстоятельства

вызывая промедленіе, создавали съ каждымъ днемъ *все болѣе и болѣе неблагопріятныя условія для дальнѣйшаго развитія нашего наступленія* на лѣвомъ берегу р. Вислы. Кромѣ указанныхъ обстоятельствъ, оно *встрѣтило* на *первыхъ же порахъ серьезную задержку со стороны германцевъ* въ раіонѣ Равы и на р. Пилицѣ у Нове Място и Бялоброжеги, а также со стороны австрійцевъ—восточнѣе Радома. *Сдвигъ австрійцевъ на р. Санъ*, къ сожалѣнію, оказался *неожиданно труднымъ* для нашихъ армій, оперировавшихъ въ Галичинѣ... *явилась необходимость въ оказаніи имъ содѣйствія* тѣми войсками Ю.-З. фронта, кои первоначально предназначались для наступленія по лѣвому берегу р. Вислы. Результатомъ отвлеченія ихъ отъ ихъ прямой задачи *явилась потеря времени* для войскъ С.-З. фронта и *растяжка армій С.-З. фронта къ югу*".

Итакъ, генералъ Даниловъ самъ подтверждаетъ, что расчетъ оперативной части Ставки на „энергическое" и „скорѣйшее" наступленіе не оправдался.— Мы, что называется, топтались на мѣстѣ, а нѣмцы спокойно отходили; отходя, они основательно разрушали всѣ пути сообщенія, а мы ихъ исправляли; нѣмцы задерживали насъ, кромѣ того, еще и боями, а на югѣ повели такіе бои, что пришлось отправить на помощь галиційскимъ арміямъ тѣ войска, которыя были предназначены для наступленія въ Германію, а это повело къ растяжкѣ армій С.-З. фронта на югъ. Если къ этому добавить, какъ увидимъ далѣе, что

нѣмцы. при отходѣ, *приняли главной массой „юго-западное направленіе“, а на сѣверо-западъ отошла сравнительно незначительная часть ихъ войскъ и путей сообщенія не разрушала,* то, по истинѣ, надо удивляться близорукости оперативной части Ставки и оперативной части штаба С.-З. фронта, не видѣвшихъ въ этихъ фактахъ столь очевидныхъ демонстративныхъ дѣйствій противника.

Далѣе генералъ Даниловъ пишетъ: „Примѣрно къ *8 ноября* 2-я и 5-я арміи С.-З. фронта вышли на линію Унеіовъ-Шадекъ-Ласкъ-Пржедборжъ, имѣя уступомъ за правымъ флангомъ одинъ корпусъ (II) у Кутно и впереди фронта—конницу генераловъ Шарпантье (Кавк. кав. див.) и Новикова (8-я кав. и 14 кав. див.). Выдвиженіе впередъ нашего праваго фланга *не могло еще въ то время оцѣниваться отрицательно, такъ какъ всѣ органы развѣдки доносили,* въ полномъ соотвѣтствіи между собою, *о постоянномъ отходѣ главной массы германскихъ войскъ на Ченстоховъ, Велюнь* и лишь частично на Калишъ. *Раіоны* эти, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, *усиленно укрѣплялись.* Такимъ образомъ, *мы находились въ убѣжденіи, что нашъ противникъ передъ нами* и что онъ отходитъ въ *юго-западномъ направленіи;* поэтому нѣкоторое *выдвиженіе впередъ нашаго праваго* обходящаго *фланга являлось даже цѣлесообразнымъ“.*

Интересно разсмотрѣть „эту цѣлесообразность“. Линія городовъ Унеіовъ-Шадекъ-Ласкъ-Пржедборжъ

отстоитъ отъ средней Вислы на 150 километровъ, а линія германской границы отъ той же части рѣки —на 200-210 километровъ. Нѣмцы начали отходить отъ р. Вислы 19-20 октября нов. ст., а наши 2-я и 5-я арміи начали ихъ преслѣдовать 20-21 октября нов. ст. Считая, что нѣмцы дѣлали въ сутки не болѣе 15 километровъ (суточный переходъ корпуса) по совершенно исправнымъ дорогамъ, имъ требовалось 13-14 сутокъ, чтобы подойти къ своимъ желѣзнымъ дорогамъ и начать переброску войскъ. Наши арміи съ 20-21 октября до 8 ноября прошли 150 километровъ, дѣлая, слѣдовательно, 8-8$^1/_2$ километровъ въ сутки. Такимъ образомъ, нѣмцы подошли главными частями къ своимъ желѣзнымъ дорогамъ 2-3 ноября и до 8 ноября имѣли 5-6 дней въ своемъ распоряженіи для послѣдовательной переброски войскъ *на другой участокъ общаго фронта, чего Ставка и опасалась еще до начала операцій.* „Почему же 8-го ноября Ставка этого обстоятельства уже не опасалась? Возможность переброски войскъ по желѣзнымъ дорогамъ нисколько не зависѣла отъ донесенія органовъ развѣдки „о постоянномъ отходѣ главной массы германскихъ войскъ на Ченстоховъ и Велюнь:“ эти массы потому и отходили „въ юго-западномъ направленіи“, чтобы, при помощи желѣзныхъ дорогъ, оказаться потомъ въ сѣверо - западномъ. „Усиленная постройка укрѣпленій въ раіонѣ Ченстохова и Велюня также не должна была быть основаніемъ, для убѣжденія, что „противникъ

передъ нами", засѣлъ въ укрѣпленіяхъ и ожидаетъ насъ, когда мы черезъ двѣ недѣли подойдемъ къ нему. Онъ строилъ укрѣпленія у Ченстохова-Велюня, чтобы сдержать здѣсь наши арміи слабыми силами въ то время, когда „переброшенными своими главными силами" будетъ рвать открытый правый флангъ 2-й арміи.

На стр. 226 книги генерала Данилова мы читаемъ, что *„еще въ концѣ октября" на Влоцлавскомъ направленіи стали довольно свободно хозяйничать нѣмцы.* Какъ же, послѣ всего этого, утверждать, что *„выдвиженіе впередъ нашего обходящаго праваго фланга не могло еще въ то время оцѣниваться отрицательно,* и оно является *даже цѣлесообразнымъ"?* Каждый изъ насъ знаетъ, что *8 ноября всегда бываетъ послѣ конца октября,* самое меньшее, на 8 дней.

„Конечно, пишетъ генералъ Даниловъ, флангъ этотъ могъ представлять для германскаго командованія *извѣстную приманку*, но, для развитія противъ него наступательныхъ дѣйствій наши противники должны были имѣть свободныя силы. Однако, поясняетъ онъ, въ видѣ своихъ соображеній, ни Восточно-Прусскій ни западный (французскій) фронтъ не могли выдѣлить соотвѣтствующихъ силъ для переброски".

Птицеловъ и звѣроловъ кладутъ „приманку" для того, чтобы обманомъ поймать звѣря или птицу притаившись за деревомъ или кустомъ. Но если выста-

вить вблизи сѣти желѣзныхъ дорогъ, *„въ видѣ приманки“*, два корпуса, въ разстояніи одинъ отъ другого 50 верстъ, а за *„этой приманкой“* имѣть только одну болотистую рѣчку Бзуру, а войскъ совсѣмъ не имѣть, чтобы изловить нѣмцевъ на эту *„приманку“*,— то тогда выставленную „приманку“ противникъ просто скушаетъ, что онъ и сдѣлалъ. Нѣтъ, здѣсь дѣло не въ „приманкѣ“, а въ допущенной уже въ 3-й разъ необезпеченности фланга наступающихъ армій и въ неразгадонности демонстративныхъ дѣйствій противника. А демонстративныя дѣйствія противника могли бы выясниться своевременно, если бы къ Торнскому раіону была направлена сильная армія или „конная масса“ для усиленной развѣдки. Тогда противникъ, вѣроятно. бросилъ бы „свое главное направленіе отхода “въ юго-западномъ направленіи“. а повелъ бы „встрѣчные бои“, продвигаясь къ Торнскому раіону, потому что онъ никакъ не могъ допустить, чтобы мы отрѣзали Восточную Пруссію отъ Западной.

Могъ ли противникъ имѣть свободныя силы для переброски съ другихъ фронтовъ, или не могъ — этотъ вопросъ находился и всегда находится во власти противника и зависитъ отъ его воли, и не можетъ служить причиной, вліяющею на разработку вопроса о безопасности операціи. При составленіи плана операціи, принято за правило принимать для себя худшія условія, а не лучшія. Даже не вполнѣ искусно демонстрируя (его демонстраціи были ясны), про-

тивникъ доказалъ, что войска для переброски въ Торнскій раіонъ у него нашлись.

„Тѣм не менѣе, продолжаетъ генералъ Даниловъ, Ставка, въ своихъ сношеніяхъ со штабомъ С.-З. фронта, *не разъ возвращалась* къ вопросу по обезпеченію праваго фланга 2-й арміи. *Особыя надежды* въ этомъ отношеніи *возлагались на содѣйствіе*, которое могло быть оказано правофланговымъ корпусамъ 2-й арміи *со стороны 1-й арміи* генерала Ренненкампфа. Отъ послѣдней были выдвинуты на лѣвый берегъ р. Вислы кавалерія къ Избицѣ и V-й Сибирскій корпусъ къ Влоцлавску; кромѣ того, подтягивался другой корпусъ (VI-й Сибирскій) къ Плоцку. 1-я армія имѣла въ своемъ распоряженіи мостовыя переправы через Вислу у Влоцлавска, Плоцка, Вышгорода и Новогеоргіевска".

Эти строки книги генерала Данилова рисуютъ намъ нерѣшительность Ставки въ отношеніи принятія должныхъ мѣръ по принятію прочнаго обезпеченія праваго фланга наступающихъ „въ юго-западномъ направленіи армій": вмѣсто того, чтобы направить противъ Торнскаго раіона для обезпеченія праваго фланга особую армію, впредь до подхода сюда „предназначенныхъ 30 дивизій", Ставка ограничивается „перепиской" со штабомъ С.-З. фронта. А это доказываетъ, что оперативная часть Ставки не уясняла себѣ огромную важность Торнскаго раіона, находившагося на флангѣ „наступающихъ нашихъ армій". „*Особыя надежды возлагались на помощь 1-й арміи генерала*

Ренненкампфа", говоритъ генералъ Даниловъ. Но прежде чѣм ,,возлагать такія несбыточныя надежды", надо было своевременно освободить 1-ю армію отъ данныхъ ей 3-хъ задачъ, требовавшихъ отъ нея быть готовой и на Млавскомъ направленіи, и на Влоцлавскомъ, и въ срединѣ между ними на фронтѣ въ 110-130 километровъ. Прежде чѣмъ корпуса 1-й арміи подойдутъ, противникъ, направивъ съ фронта Познань-Тронъ армію или даже двѣ на V-й Сибирскій и II-й армейскій наши корпуса, сомнетъ ихъ и сдѣлается полнымъ хозяиномъ раіона между р. р. Вислой, Вартой и Бзурой. А изъ указанныхъ 4-хъ переправъ черезъ р. Вислу ближайшіе корпуса 1-й арміи (VI-й армейскій у Серпеца и VI-й Сибирскій у Плонска), съ открытіемъ контръ-наступленія противника, могли воспользоваться только переправами у Плоцка и Вышгорода, такъ какъ переправа у Новогеоргіевска была слишкомъ удалена отъ раіона перваго столкновенія, а переправа у Влоцлавска теряла значеніе въ первый же день боя, такъ какъ являлась подъ ударомъ противника.

Читаемъ далѣе: ,,Принимая во вниманіе всю обстановку, Главнокомандованіе С.-З. фронта упорно настаивало на необходимости атаковать объединенными силами, въ кратчайшій срокъ, отходящихъ въ юго-западномъ направленіи нѣмцевъ, чтобы воспрепятствовать ихъ укрѣпленію вдоль восточной границы Силезіи, и отнять у нихъ возможность свободной

переброски войскъ вдоль фронта. Мнѣніе это раздѣлялось и въ Ставкѣ, и такъ какъ противникъ, по мѣрѣ своего отхода, сближался со своими желѣзными дорогами, получая въ нихъ средство для контръ-маневра, то Верховный Главнокомандующій признавалъ всякую задержку въ наступленіи до крайности для насъ невыгодной. Приходилось *торопиться* уже потому, что, начиная съ десятыхъ чиселъ ноября (по старому стилю послѣднихъ чиселъ октября), въ штабъ С.-З. фронта стали поступать, правда, *туманныя свѣдѣнія о появленіи германскихъ войскъ въ различныхъ пунктахъ къ сѣверу отъ Калиша и въ Торнскомъ районѣ.* Провѣрить эти свѣдѣнія представлялось крайне труднымъ, вслѣдствіе недостаточности авіаціонныхъ средствъ. Отсутствіе же какихъ-либо указаній на усиленіе военныхъ перевозокъ въ самой Германіи давало увѣренность, что перегруппировки нѣмцевъ, если онѣ и совершаются, имѣютъ лишь мѣстный характеръ, въ предѣлахъ ихъ восточнаго фронта. Штабъ С.-З. фронта относился ко всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ *очень скептически: еще 13-го ноября* (30-го октября стар. стиля) *онъ считалъ главную массу германскихъ войскъ у Ченстохова, Велюня и Калиша*, допуская, впрочемъ, на Торнскомъ направленіи присутствіе одного корпуса, переброшеннаго изъ Восточной Пруссіи".

„При наличіи такихъ данныхъ—*почти въ слѣпую* — Верховному Главнокомандующему приходилось принять одно изъ двухъ рѣшеній — или, на основа-

ніи мало провѣренныхъ свѣдѣній, *отказаться отъ намѣченной атаки противника въ юго-западномъ направленіи и приспособиться къ дѣйствіямъ въ новомъ направленіи на сѣверо-западъ*, или, считая главную массу непріятеля все еще на прежнихъ путяхъ, настойчиво стремиться къ немедленной его атакѣ, *въ расчетѣ на достаточность принятыхъ мѣръ по обезпеченію праваго фланга наступающей массы войскъ*. Мы видѣли, что на этомъ флангѣ, кромѣ конницы, *могло быть собрано не менѣе трехъ корпусовъ (II-й V-й Сибирскій и VI-й Сибирскій)*. Верховное Главнокомандованіе не нашло достаточныхъ данныхъ для измѣненія уже принятаго имъ рѣшенія, полагая путемъ энергической атаки непріятеля въ юго-западномъ направленіи, во-первыхъ, предупредить возможность переброски главныхъ силъ противника на новыя направленія и, во-вторыхъ, сохранить иниціативу дѣйствій въ своихъ рукахъ".

„Въ соотвѣтствіи съ этимъ рѣшеніемъ, Ставка предложила штабамъ фронтовъ въ кратчайшій срокъ закончить свою подготовку къ наступленію, начальный срокъ котораго намѣчался на 14-е ноября (1-е ноября по стар. стилю)... порядокъ движенія надлежало установить Главнокомандующему С.-З. фронтомъ, при непремѣнномъ условіи принятія самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ по наилучшему обезпеченію праваго фланга".

„Принимая во вниманіе всю обстановку" и т. д.

Попытаемся суммировать наиболѣе важныя данныя обстановки со времени начала наступательной операціи.

1. Главная масса германскихъ войскъ отходила въ юго-западномъ направленіи, производя капитальное разрушеніе желѣзныхъ, шоссейныхъ и грунтовыхъ дорогъ. Въ сѣверо-западномъ направленіи отошли только незначительныя силы противника и дорогъ не разрушали. Не могло ли это обстоятельство послужить для оперативной части Ставки основаніемъ къ предположенію, что дороги юго-западнаго сектора на лѣвомъ берегу р. Вислы противнику въ ближайшемъ будущемъ ненужны, тогда какъ дороги сѣверо-западнаго сектора имѣются въ виду для собственнаго пользованія? Отсюда слѣдствіе: не, рѣшилъ ли противникъ, *пользуясь своими желѣзными дорогами*, какъ ранѣе и предполагала Ставка, перебросить свои войска съ фронта Велюнь-Ченстоховъ на сѣверъ въ Торнскій раіонъ, по которому проходятъ сообщенія Германіи съ Восточной Пруссіей, гдѣ оперируетъ его армія?

2. Отходя главной своей массой въ юго-западномъ направленіи, противникъ тѣмъ самымъ *открывалъ для нашего вторженія чрезвычайно важный и для него Торнскій раіонъ*, а между тѣмъ, при своемъ отходѣ, онъ даже не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы болѣе или менѣе прикрыть этотъ раіонъ. Не могло ли это обстоятельство послужить подтвержденіемъ

перваго предположенія, что въ юго-западномъ направленіи противникъ своимъ отходомъ только демонстрируетъ, а на сѣверѣ, *при помощи своихъ желѣзныхъ дорогъ*, подготовляетъ свой контръ-маневръ?

3. Отходя въ юго-западномъ направленіи, противникъ разрушаетъ *по-гунновски* пути сообщенія, не желая ими пользоваться даже для своего наступленія, и одновременно строить укрѣпленія въ раіонѣ Ченстоховъ-Велюнь. Несомнѣнно, онъ рѣшилъ здѣсь только обороняться съ малыми силами, а главными силами рѣшилъ начать контръ-маневръ гдѣ-то въ другомъ раіонѣ общаго фронта. Но гдѣ же именно? На этотъ вопросъ отвѣтилъ Ставкѣ самъ противникъ упорными боями въ Галичинѣ, такими упорными, что оперативная часть Ставки, не подозрѣвая смысла этихъ боевъ, направила на усиленіе галиційскихъ армій часть войскъ, предназначенныхъ для наступленія въ Германію. Какъ же, послѣ всего этого, говорить: *„что рѣшеніе приходилось принимать вслѣпую„*, когда демонстративныя дѣйствія противника были ясны, во время исполненія самой операціи, отъ начала которой до 8-го ноября нов. ст. прошло 20 дней? Если работники оперативной части Ставки, въ кабинетѣ которой накапливались эти данныя ежедневно, не взвѣшивали и не пропускали ихъ черезъ умозрительный фильтръ, то приходится высказать огромное сожалѣніе, что Верховный Главнокомандующій не имѣлъ надлежащаго органа для оперативной

контрольной работы. „Туманныя свѣдѣнія“ о томъ, что дѣлается въ Торнскомъ раіонѣ, провѣрить, конечно, было крайне трудно: вѣдь нельзя же было получить ихъ и провѣрить выставленными у Влоцславска и Кутно двумя корпусами съ ихъ органами близкой развѣдки, а прибывшая передъ началомъ контръ-наступленія противника изъ-за Вислы Кавказская дивизія генерала Шарпантье могла только констатировать уже начавшееся наступленіе войскъ противника. Позаботиться о развѣдкѣ Торнскаго раіона надо было гораздо раньше, направивъ туда, напримѣръ, 2-3 конныхъ корпуса. Но въ распоряженіи штаба С.-З. фронта такого количества конницы не было, а Ставка ему не дала, а только *„рекомендовала имѣть конницу“*.

Хотя генералъ Даниловъ и объясняетъ невозможность провѣрки свѣдѣній отсутствіемъ у насъ авіаціонныхъ средствъ, но ихъ можно было замѣнить „конной массой съ артиллеріей“, тѣмъ болѣе, что и авіаціей-то даже при такомъ количествѣ, какое было у противника въ то время, трудно провѣрить переброску войскъ, если противникъ, принялъ мѣры для ея сокрытія. Во многихъ случаяхъ на маневрахъ нашихъ войскъ, когда время упущено и его не вознаградишь, „туманныя свѣдѣнія“ *провѣрялись простымъ размышленіемъ*.

„Отказаться отъ намѣченной атаки противника въюго-западномъ направленіи и *приспособиться къ*

дѣйствіямъ въ новомъ направленіи на сѣверо-западъ", — это значитъ, — перемѣнить операціонную линію наступающей массы съ юго-западнаго направленія на сѣверо-западное цѣлымъ фронтомъ 40 дивизій, „исключительно въ зависимости отъ полученныхъ донесеній развѣдки". Неважная Стратегія, которая мѣняетъ оперативный планъ наступающихъ 40 дивизій на фронтѣ 250 километровъ, „в зависимости отъ донесеній развѣдки"! Такой Стратегіи можно съ полной увѣренностью предсказать, что она вѣчно будетъ обороняться, вездѣ и всюду будетъ опаздывать и въ концѣ концовъ будетъ бита. Вѣдь фронтъ армій — это не дивизія и не корпусъ, штабы которыхъ могутъ своевременно, да и то не всегда, исправлять свои промахи и ошибки, а штабы фронтовъ армій всегда будутъ опаздывать по обезпеченію частей фронта, а въ особенности фланга, если они не продумали въ своемъ оперитивномъ планѣ мѣръ, обезпечивающихъ безопасность операціи, а будутъ принимать ихъ только тогда, когда донесутъ о надвинувшейся опасности органы развѣдки.

„Приходилось торопиться съ наступленіемъ въ юго-западномъ направленіи уже потому, пишетъ генералъ Даниловъ, что съ десятыхъ чиселъ ноября (по стар. ст. послѣднихъ чиселъ октября) стали поступать туманныя и непровѣренныя свѣдѣнія о появленіи германскихъ войскъ въ различныхъ пунктахъ къ сѣверу отъ Калиша и въ Торнскомъ раіонѣ" и т. д.

Хотя свѣдѣнія были „*туманны и не провѣрены*",

но къ нимъ нельзя было относиться „скептически“, и *„торопиться съ наступленіемъ въ юго-западномъ направленіи“* совсѣмъ не слѣдовало, по самому простому соображенію. Вѣдь съ перваго дня отхода германцевъ отъ р. Вислы прошло уже 20 дней. За это время они давно имѣли возможность подойти къ своимъ желѣзнымъ дорогамъ и начать переброску войскъ, оставивъ передъ нами только арріергарды, разрушающіе пути сообщенія. Нашимъ арміямъ для подхода къ укрѣпленнымъ позиціямъ противника по разрушеннымъ дорогамъ требовалось еще не менѣе 8 дней. За эти 8 сутокъ противникъ, конечно, продолжалъ бы переброску своихъ войскъ, если онъ ее не закончилъ. Сами собою встаютъ вопросы: Въ какомъ положеніи окажутся наши арміи, когда подойдутъ къ фронту Велюнь-Ченстоховъ-Бендинъ и будутъ атаковать тамъ почти пустыя укрѣпленія, а противникъ въ это время разовьетъ широкій контръударъ со стороны Торнскаго раіона въ правый флангъ атакующихъ армій? Какая наша армія тамъ его встрѣтитъ? Что тогда будетъ въ тылу праваго фланга нашихъ армій...? Я допускаю даже такую мысль, что германское главнокомандованіе могло создать для нашихъ армій болѣе грандіозную катастрофу, чѣмъ оно создало для 2-й арміи генерала Самсонова, если бы начало свой контръ-маневръ дня на 3-4 позже, потому что оперативныя части С.-З. фронта и Ставки находились въ состояніи *полнаго гипноза*. Не учитывая времени, оба Генералъ-Квартирмейстера предполагали, что противникъ сидитъ въ Ченстоховскихъ

укрѣпленіяхъ уже двѣ недѣли и поджидаетъ наши арміи, а своими желѣзными дорогами, вопреки предположенія самихъ же Генералъ-Квартирмейстеровъ, не пользуется. Ну развѣ это не *гипнозъ*? Разъ намѣчено было разбить противника до подхода его къ своимъ желѣзнымъ дорогамъ, то „торопиться" надо было только въ первые 8-10 дней. Если же въ теченіе ихъ наши арміи нѣмцевъ не догнали и не разбили, то „торопиться" на 21-й день ихъ отхода было поздно. Теперь именно надо было, какъ выразился генералъ Даниловъ, „*приспособиться*" къ дѣйствіямъ въ новомъ направленіи т. е. *перейти къ оборонительнымъ дѣйствіямъ* для парированія удара въ нашъ флангъ. Вотъ что значитъ не обезпечить флангъ наступающей въ 40 дивизій войсковой массы на фронтѣ въ 250 километровъ: операція наступательная превращается въ оборонительную. Но генерамъ Даниловъ считаетъ, что положеніе на правомъ флангѣ совсѣмъ не такъ было плохо, потому, что „кромѣ конницы", на этомъ флангѣ могло быть собрано не менѣе трехъ корпусовъ (II-й, V-й Сибирскій и VI-й Сибирскій) „... Поэтому Верховное Главнокомандованіе не нашло достаточныхъ данныхъ для измѣненія уже принятаго рѣшенія и отдало распоряженіе о наступленіи армій С.-З. фронта въ юго восточномъ направленіи, въ расчетѣ на достаточность принятыхъ мѣръ по обезпеченію праваго фланга наступающей массы войскъ". Странное дѣло: указанные три корпуса еще не собраны, а слѣдовательно, мѣры по обезпеченію праваго фланга удаляющихся въ юго-восточномъ направленіи

армій еще не приняты, а только намѣчены, но Ставка считала, что этого вполнѣ достаточно, чтобы считать правый флангъ уже вполнѣ обезпеченнымъ. Между тѣмъ, *когда она считала*, она въ это время уже знала, что одинъ изъ собираемыхъ корпусовъ (V-й Сибирскій) противникъ разбилъ у Влоцлавска, другой готовился атаковать у Кросневице (II-й), а третій корпусъ (VI-й Сибирскій) шелъ на правомъ берегу р. Вислы отъ Плонска къ Плоцку. Какъ же ихъ собирать, когда два изъ нихъ уже связаны боями съ сильнѣйшимъ противникомъ, который держитъ ихъ, что называется, за хвостъ, а третьему надо сдѣлать съ переправой черезъ Вислу три перехода, чтобы принять участіе въ боевой кашѣ собираемыхъ корпусовъ среди непріятельскихъ атакъ?

„Между тѣм, пишет далѣе генералъ Даниловъ, уже 11-го ноября (29 окт. ст. ст.) обнаружилось наступленіе германцевъ съ фронта Нешава-Радзеевъ на Влоцлавскъ противъ V-го Сибирскаго корпуса. Это наступленіе, которому штабъ С.-З. фронта не склоненъ былъ придавать рѣшающаго значенія, явилось начальнымъ актомъ германскаго контръ-маневра, пріостановившаго наше наступленіе и приведшаго къ жестокимъ Лодвинскимъ боямъ". „Столкновенія, происшедшія 11-го ноября между передовыми частями V-го Сибирскаго корпуса и наступавшими нѣмцами, на слѣдующій день вылились въ довольно упорный бой у Влоцлавска, и нашъ корпусъ отошелъ на позиціи впереди Гостынина. Свѣдѣнія о составѣ наступавшихъ войскъ были крайне неудовлетвори-

тельны, по своей разнорѣчивости, и твердо установлено было лишь наличіе частей XXV Р. корпуса, перевезеннаго нѣмцами изъ Восточной Пруссіи. Генералъ-Квартирмейстеръ штаба С.-З. фронта, генералъ Бончъ-Бруевичъ высказывалъ, что *между Кониным и р. Вислой наступали лишь двѣ германскія дивизіи* и что хотя одна из дивизій V-го корпуса и понесла большія потери, особенно въ офицерскомъ составѣ, но онъ держался того мнѣнія, что наши войска выказали малую устойчивость. Если сопоставить все это съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ дѣйствительности на указанномъ выше фронтѣ наступали пять германскихъ корпусовъ и что противъ V-го Сибирскаго корпуса дѣйствовали части трехъ корпусовъ (XXV Р., I Р. и XX), то *воочію вскрывается наша изъ рукъ вонъ плохая освѣдомленность о противникѣ*".

Итакъ, демонстративныя дѣйствія противника, предпринятыя имъ съ самаго отхода отъ средней Вислы, не были разгаданы Ставкой и штабомъ С.-З. фронта даже 11-го, 12-го и 13-го ноября, когда противникъ уже закончилъ подготовку и началъ свой контръ-маневръ въ опасномъ для нашихъ армій направленіи. А генералъ Бончъ-Бруевичъ и генералъ Даниловъ были вполнѣ увѣрены, что именно въ Торнскомъ раіонѣ противникъ *приступилъ къ демонстративнымъ дѣйствіямъ*, генеральное же оборонительное сраженіе желаетъ дать на фронтѣ Ченстоховъ-Бендинъ, куда *на 21-й день операціи и „торопятся" оба Генералъ-Квартирмейстера*. Хотя 13-го ноября

(30 окт. ст. ст.), послѣ упорнаго боя, V-й Сибирскій корпусъ, понеся большія потери, и отскочилъ на 35 верстъ къ Гостынину, но генералъ-Бончъ-Бруевичъ не придавалъ этому обстоятельству большого значенія,— въ виду того, что наши войска выказали „малую устойчивость", и потому былъ того мнѣнія, что „между Конинымъ и р. Вислой наступали лишь двѣ германскія дивизіи". Фронтъ Конинъ-Влоцлавскъ по воздушной линіи около 100 верстъ, самый раіонъ, гдѣ противникъ началъ осуществлять свой контръ-маневръ, чрезвычайно важенъ для него самого, въ смыслѣ сохраненія безопасности пролегающихъ по нему желѣзно-дорожныхъ путей, соединяющихъ Германію и Западную Пруссію съ Восточной, а русскій генералъ-квартирмейстеръ штаба С.-З. фронта полагаетъ, что противникъ выставилъ здѣсь противъ двухъ нашихъ корпусовъ всего „лишь двѣ дивизіи". По истинѣ, странное предположеніе. Но генералъ Даниловъ умалчиваетъ о томъ, что еще 12-го ноября (30-го окт. ст. ст.) въ штабѣ С.-З. фронта, а слѣдовательно и въ Ставкѣ, имѣлись донесенія, что и на II-й и на XXIII-й корпуса наступаютъ сильныя колонны противника. Это обстоятельство ужъ никакъ нельзя было считать маловажнымъ: оно вмѣстѣ съ разгромомъ V-го Сибирскаго корпуса опредѣленно указывало, что противникъ развиваетъ здѣсь широкій маневръ, противъ котораго надо немедленно принимать контръ-мѣры для встрѣчныхъ боевъ, а не удалять 2-ю и 5-ю арміи къ Ченстохову-Бендину отъ наступающаго противника. Генералъ Даниловъ удивляется" нашей воочію

плохой освѣдомленности о противникѣ". Но чья же въ этомъ вина, какъ не Стратегіи, которая направила въ сторону Торнскаго раіона только два корпуса и одну кавалерійскую дивизію на 100 верстъ фронта? Самъ же генералъ Даниловъ пишетъ, что „въ дѣйствительности на этомъ фронтѣ наступали пять германскихъ корпусовъ и семь кавалерійскихъ дивизій". Ясно, что, при такомъ соотношеніи силъ, „освѣдомленность" о противникѣ всегда будетъ *„воочію изъ рукъ вонъ плохая"* и *„устойчивость войскъ также неважная"*. И на маневрахъ мирнаго времени установлено, что чѣмъ болѣе силъ у противника, тѣмъ труднѣе слабѣйшему опредѣлить ихъ, потому что сильнѣйшій имѣетъ полную возможность не обнаруживать слабѣйшему всѣхъ своихъ силъ сразу.

Съ высказаннымъ мнѣніемъ „о двухъ германскихъ дѣйствіяхъ" генерала Бончъ-Бруевича Генералъ-Квартирмейстеръ Ставки имѣлъ полное основаніе не согласиться и поступить такъ, какъ уже повелѣвала назрѣвшая грозная обстановка, и вотъ почему. Въ должности генералъ-квартирмейстера штаба фронта должно быть лицо опытное, прошедшее хорошій штабной и строевой стажъ и зарекомендовавшее себя въ войскахъ хорошей работой въ отношеніи вожденія войскъ. Генералъ Бончъ-Бруевичъ совершенно не удовлетворялъ такому требованію, по своей малой опытности: его строевой и штабной стажъ былъ болѣе чѣмъ скроменъ: онъ только 4 мѣсяца лагернаго времени въ 1905 году командовалъ

батальономъ; полкомъ и бригадой онъ совсѣмъ не командовалъ; должностей начальника штаба дивизіи и начальника штаба корпуса не проходилъ, а былъ одинъ лишь годъ начальникомъ штаба крѣпости 3 класса Либавы, откуда въ 1910 году былъ назначенъ штабъ-офицеромъ, завѣдывающимъ офицерами, обучающимися въ Императорской Николаевской Военной Академіи, и съ этой должности получилъ назначеніе на должность Генералъ-Квартирмейстера штаба С.-З. фронта, съ производствомъ въ генералъ-майоры, не безъ участія и содѣйствія, конечно, Генералъ-Квартирмейстера Штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Возможно ли было такого неподготовленнаго генералъ-квартирмейстера считать опытнымъ въ вожденіи цѣлой группы армій? и возможно ли было поручать ему исполненіе такой важной должности (главный помощникъ Главнокомандующаго фронтомъ по разработкѣ стратегическихъ операцій и контролеръ ихъ выполненія, держащій въ своихъ рукахъ самый пульсъ операціи) въ военное время, когда рѣшается судьба народа и государства? Правда, онъ интересовался военнымъ дѣломъ и военной литературой, писалъ военныя статьи и замѣтки, измѣнилъ даже прекрасный учебникъ Тактики генерала М. И. Драгомирова (злые языки острили: „испортилъ Тактику генерала Драгомирова"), но все же онъ былъ теоретикъ, а не практикъ; гостемъ и зрителемъ появлялся онъ въ полевыхъ войскахъ, какъ и самъ Генералъ-Квартирмейстеръ Ставки. Насколько офи-

церу Генеральнаго Штаба необходима практика въ полевомъ дѣлѣ по управленію даже малыми частями, я приведу примѣръ. Въ 1904 году бывшій мой профессоръ по Военной Исторіи генералъ-маіоръ Генеральнаго Штаба Н. А. О-въ былъ назначенъ, не пройдя стажа командира полка, начальникомъ 54 резервной бригады. Командующій войсками Казанскаго Военнаго Округа далъ ему самую простую задачу для бывшихъ на смотру двухъ батальоновъ, которыми Ген. О-въ долженъ былъ маневрировать на открытой мѣстности. Но онъ не могъ даже съ двумя батальонами справиться. Мнѣ, бывшему тогда штаб-офицеромъ для особыхъ порученій при Командующемъ Войсками, было крайне совѣстно, обидно и досадно за бывшаго моего профессора. Генералъ Даниловъ на страницѣ 242 своей книги подчеркиваетъ опытность генерала Бончъ-Бруевича ссылкою на то, что „онъ, какъ и генералъ Даниловъ, началъ службу по Генеральному Штабу, подъ руководствомъ командующаго Войсками Кіевскаго Округа генерала М, И. Драгомирова". Но что же изъ того? Генералъ Драгомировъ не могъ своихъ свойствъ и дарованій переселять въ своихъ учениковъ. Изъ принявшихъ участіе въ Міровой войнѣ генераловъ и полковниковъ Генеральнаго Штаба было много учениковъ генерала Драгомирова, но не всѣ они были подготовлены къ практическому выполненію функцій стратегическаго искусства, которое, помимо теоретической подготовки, требуетъ подготовительной практики, и кромѣ того, таится въ природныхъ свойствахъ человѣка,

Маакъ и Вейротеръ были отлично подготовлены теоретически, но какіе результаты они дали для тѣхъ армій, для которыхъ *работали вполнѣ добросовѣстно*? Нѣкоторые изъ учениковъ генерала Драгомирова были очень способны и даровиты, но свои способности и дарованія они похоронили въ удобныхъ креслахъ Центральныхъ Военныхъ Управленій: одни спеціализировали себя по вопросамъ организаціоннымъ, другіе по вопросамъ мобилизаціоннымъ, третьи посвятили себя службѣ въ Канцеляріи Военнаго Министерства, какъ напримѣръ Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генералъ Янушкевичъ, который съ 1899 года по 1913 годъ (14 лѣтъ безъ перерыва!) прослужилъ въ Канцеляріи Военнаго Министерства въ должностяхъ, которыя свойственны собственно военному чиновнику, а не офицеру Генеральнаго Штаба: онъ былъ младшимъ редакторомъ Кодификаціоннаго отдѣла при Военномъ Совѣтѣ, дѣлопроизводителемъ канцеляріи Военнаго Министерства, завѣдывающимъ законодательнымъ отдѣломъ канцеляріи Военнаго Министерства. Помощникомъ начальника канцеляріи Военнаго Министерства, съ каковой должности назначенъ былъ въ январѣ 1913 года Начальникомъ Императорской Николаевской Военной Академіи. Когда началась война, генералъ Янушкевичъ занялъ постъ Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Какая же у этого генерала была подготовка для веденія стратегическихъ операцій? и что онъ могъ дать даже Военной Академіи из

своего практическаго опыта для службы въ полевыхъ войскахъ, избѣгая ихъ, какъ ладана, и свой строевой стажъ закончилъ 4-мѣсячнымъ командованіемъ батальономъ въ 1904 году?

Упомяну, кстати, о Главнокомандующемъ арміями С.-З. фронта генералѣ Рузскомъ, краткую характеристику котораго приводитъ генералъ Даниловъ на страницѣ 193 своей книги: „спокойный, разсудительный, простой въ обращеніи, твердаго характера“ и т. д. Я также зналъ генерала Рузскаго по моей службѣ въ Кіевскомъ Военномъ Округѣ, когда онъ былъ начальникомъ штаба 32 пѣхотной дивизіи, а я старшимъ адъютантомъ штаба 11-й кавалерійской дивизіи. Обѣ дивизіи входили въ составъ 11-го армейскаго корпуса, и мнѣ приходилось на маневрахъ и полевыхъ поѣздкахъ встрѣчаться съ генераломъ (въ то время полковникомъ) Рузскимъ. Поэтому я могу добавить къ сказанному генераломъ Даниловымъ, что „разсудительность“ его доходила до крайнихъ предѣловъ: самый простой и ясный вопросъ онъ обсуждалъ настолько продолжительно, что даже надоѣдалъ слушать офицерамъ его партіи на полевыхъ поѣздкахъ, благодаря чему одинъ офицеръ называлъ его заочно „нашъ тяжкоумъ“, и всѣ знали, о комъ идетъ рѣчь. Конечно, съ такою особенностью духовнаго склада трудно быстро разгадать планъ противника или группировку его силъ только по признакамъ, а не по развѣдкамъ, которыя надо къ тому же тщательно „провѣрить“. „Провѣрка“, конечно, дѣ-

ло прекрасное, но пока тотъ или другой фактъ „развѣдки“ юридически обслѣдуется и устанавливается, противникъ уже подошелъ, разбилъ два корпуса и рѣжетъ *флангъ* арміи... Вотъ въ чемъ бѣда!..

„Опираясь на данныя своего штаба. Главнокомандующій С.-З. фронтомъ не имѣлъ основанія отказаться отъ выполненія указаннаго ему наступательнаго плана, почему *на слѣдующій день послѣ Влоцславскаго боя отдалъ необходимыя распоряженія о переходѣ съ утра 14-го ноября* (1-го ст. ст.) *2-й, 5-й и 4-й арміи въ наступленіе на фронтъ Калишъ-Бендинъ*“... „Правофланговымъ корпусамъ 2-й арміи (II му и XXIII-му) указывалось быть въ готовности оказать содѣйствіе V-му Сибирскому корпусу, къ которому *долженъ подойти VI-й Сибирскій, по окончаніи переправы черезъ р. Вислу у Плоцка.* Такимъ образомъ, данныя распоряженія сводились къ тому, чтобы, въ случаѣ надобности, сосредоточить на фронтѣ между р. р. Вислой и Неромъ, къ западу отъ Кутно, *силы трехъ-четырехъ корпусовъ*“.

Распоряженія штаба С.-З. фронта 13-го ноября (31 окт. ст. ст.) положительно непонятны: 12-го ноября противникъ атаковалъ у Влоцлавка V-й Сибирскій корпусъ и отбросилъ его 13-го къ Гостынину (на 35 верстъ къ югу), 12-го же ноября колонны противника уже подходили къ II-му и XXIII-му корпусам (конечно не въ гости, а для атаки), а штабъ С.-З. фронта не учитываетъ обстановки дня того же

13-го ноября и обстановки, которая неминуемо должна сложиться на слѣдующій день 14-го въ этихъ корпусахъ, и приказываетъ имъ „быть въ готовности поддержать V-й Сибирскій корпусъ у Гостынина", а остальные корпуса армій сѣверо-западнаго фронта уводитъ „на юго-западъ для атаки позицій противника на фронтѣ Калишъ-Бендинъ". Это напоминаетъ до нѣкоторой степени операцію Наполеона, закончившуюся разгромомъ австрійцевъ у Бассано, когда австрійцы *искали* Наполеона, *уходя отъ него*, а онъ, какъ тигръ, шелъ за ними и настигъ у Бассано.

Можно дѣлать ошибки, но дѣлать ошибки *непозволительныя и преступныя нельзя:* вѣдь эта ошибка, какъ признаетъ и самъ генералъ Даниловъ, привела „къ жестокимъ Лодзинскимъ боямъ" и стоила нѣсколькихъ десятковъ тысячъ жизней государству. Кто же виновенъ въ этой ошибкѣ? Виновенъ, во-первыхъ тотъ, кто въ планѣ наступательной операціи не разработалъ вопроса о надежномъ обезпеченіи праваго фланга операціи, а затѣмъ тотъ, кто смотрѣлъ черезъ розовые призматическіе очки и видѣлъ, что „на фронтѣ отъ Конина до р. Вислы *наступали лишь двѣ дивизіи нѣмцевъ*". Словомъ, одинъ Генералъ-Квартирмейстеръ дополнилъ другого Генералъ-Квартирмейстера. Развѣ это не удивительная Стратегія генераловъ, оставившихъ въ кабинетахъ свои удобныя насиженныя кресла и сѣвшихъ на боевыхъ коней съ жезлами чуть не фельдмаршаловъ, увѣренныхъ, что только они и могутъ спасти свое

Отечество и Императорскій Тронъ, а другихъ *въ полевыхъ войскахъ Арміи не найдется*?

Откладываю въ сторону книгу генерала Данилова, такъ какъ она въ достаточной степени пояснила намъ причину приказанія Ставки „*II-му корпусу* не отходить отъ Кросневице далѣе 5 верстъ“: *Оперативная часть Ставки для надежнаго обезпеченія праваго фланга уходящихъ армій къ Ченстохову, собирала въ это время атакованные и разбитые V-й Сибирскій и II-й армейскій корпуса, поджидая побхода VI-го Сибирскаго отъ Плонска, чтобы ими сдержать пять корпусовъ противника, да притянуть сюда еще и отакованный у Унеіова XXIII корпусъ (!!)*

Это наглядный примѣръ, когда предъявляется требованіе, чтобы Стратегію замѣнила доблесть войскъ. Но, къ сожалѣнію, войска были уже разбиты, благодаря все той же Стратегіи. Если Герцогъ Субизъ когда-то донесъ своему королю: „Планъ нашъ былъ хорошъ, но противникъ не далъ намъ времени его выполнить“, то Герцогъ Субизъ за свое остроуміе вошелъ въ Военную Исторію вовсе не для того, чтобы ему подражать.

Многіе задавали, задаютъ даже и теперь вопросы: „Почему это наши роты, батальоны и полки дрались хорошо, а арміи и фронты армій проигрывали сраженія? и почему мы всегда и вездѣ опаздывали, а нѣмцы предупреждали нас? Послѣднее припи-

сывали хорошо поставленному у нѣмцевъ шпіонажу и желѣзнымъ дорогамъ. Но, благодаря шпіонажу, цѣлаго ряда сраженій не выиграешь и не проиграешь, а противъ желѣзныхъ дорогъ можно было бы имѣть соотвѣтственные кулаки, мы же вмѣсто нихъ подставляли растопыренные пальцы.

Прочитавъ книгу генерала Данилова, я впалъ въ грустныя мысли. Военнаго министра генерала Сухомлинова судили за то, что не обезпечилъ Армію ружейными патронами и артиллерійскими снарядами... судили, значитъ, Военную Администрацію. Но почему же не посадили на скамью подсудимыхъ нашу злополучную Стратегію, *только съ началомъ войны начавшую практически знакомиться съ полевыми дѣйствіями войскъ*, пересѣвъ съ креселъ на коней и окруживъ Великаго Князя? Вѣдь это она неумѣло провела операціи въ Восточной Пруссіи и Польшѣ, на лѣвомъ берегу р. Вислы; она отдала нѣмцамъ пушки, снаряды, патроны, лошадей и повозки съ имуществомъ, затянувъ войну и увеличивъ тѣмъ самымъ расходъ снарядовъ и патроновъ; она не объединяла разрозненныхъ дѣйствій 1-й и 2-й армій въ Восточной Пруссіи; она не вникала и не разгадывала демонстративныхъ дѣйствій противника; она не смотрѣла впередъ и не подготовляла средствъ для развитія успѣха войскъ и для парированія неудачи; она не только не остановила революціи и развала арміи, а даже безсознательно способствовала имъ, погубивъ и Армію и Россію. Дѣло прошлое, но развѣ

у насъ въ Арміи не было даровитыхъ и опытныхъ генераловъ и полковниковъ съ солиднымъ строевымъ и штабнымъ *полевымъ* стажемъ, а не съ такимъ ничтожнымъ, какъ стажъ генераловъ Янушкевича и Бончъ-Бруевича? Да и Генералъ-Квартирмейстеръ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго всѣми вооруженными силами Россіи изъ 22-хъ лѣтъ своей службы въ Генеральномъ Штабѣ *прослужилъ въ полевыхъ войскахъ только три года*: одинъ годъ, въ чинѣ капитана, прокомандовалъ ротой, да въ чинѣ полковника—четыре мѣсяца батальономъ и одинъ годъ 10 мѣсяцевъ полкомъ, *а должностей старшаго адъютанта штаба дивизіи и корпуса, начальника штаба дивизіи и начальника штаба корпуса, когда вырабатывается практика вожденія войскъ, совсѣмъ не проходилъ.*

Продолжаю описаніе отхода 102-го и 104-го полковъ, подъ давленіемъ противника, къ Кутно.

Видя изъ донесеній, что полки несутъ большія, но ненужныя потери, командиръ корпуса приказалъ продолжать отходъ, но продолжать его не за р. Охнію, а лишь до линіи госп. домъ Бышевъ—д. Витонія, не доходя 8-9 верстъ до Кутно. На эту полумѣру онъ рѣшился потому, что отходъ за р. Охнію могъ послужить поводомъ къ отчисленію его отъ командованія корпусомъ: ибо тотъ терроръ, который практиковался оперативной частью Ставки находить виновника неудачи внѣ ея кабинета, парализовалъ волю многихъ начальниковъ.

Получивъ приказаніе, я отдалъ распоряженіе отходить съ болѣе продолжительными задержками на позиціях, имѣя въ виду подойти къ указанной линіи при наступленіи темноты, потому что если подойти и занять ее засвѣтло, то превосходный въ силахъ противникъ можетъ сбить меня съ этой линіи и прижать къ болотистой долинѣ р. Охніи; въ вечерней же темнотѣ он едва ли рѣшится атаковать меня безъ предварительной развѣдки окружавшихъ перелѣсковъ, а ночью я, конечно, получу распоряженіе о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ корпуса. Я подошелъ къ линіи г. домъ Бышевъ-Витонія, когда стало смеркаться. 104-й полкъ, подъ прикрытіем сторожевыхъ постовъ и карауловъ, окопался между г. домомъ Бышевъ и д. Витоніей, а 102-й полкъ—между шоссе и ручьем, правѣе 104-го полка. Отошедшіе ранѣе 101-й и 103-й полки находились уже на позиціи правѣе шоссе Кросневице-Кутно, уступомъ назадъ относительно 102-го полка. Я помѣстился на ночлегъ въ г. домѣ Бышевъ вмѣстѣ со штабомъ 104-го полка. Госп. домъ Бышевъ оказался соединеннымъ городскимъ телефономъ съ телефонной станціей въ Кутно. Въ 9 часовъ вечера я вызвалъ къ телефону начальника штаба дивизіи. Подошелъ офицеръ службы связи. На мой вопросъ, когда я получу дальнѣйшія указанія, онъ отвѣтилъ, что въ 12 часовъ ночи мнѣ будетъ доставленъ приказъ, и къ этому времени части должны быть готовы. Я предупредилъ начальниковъ частей о готовности къ 12 часамъ ночи. Въ 11 часовъ привели плѣннаго нѣмецкаго развѣдчика. Я напом-

нилъ полковнику Триковскому о непремѣнномъ сборѣ полка къ 12 часамъ ночи. Къ 12 часамъ ночи 104-й полкъ не былъ готовъ, но и приказа изъ штаба дивизіи еще не было доставлено. Я приказалъ полковнику Триковскому все-же ускорить сборъ полка.

3 ноября. Приказъ былъ доставленъ лишь въ половинѣ второго часа ночи, потому что доставившіе его два казака сбились въ темнотѣ съ дороги и долго искали госп. домъ Бышевъ. Этого, конечно, не могло случиться съ казаками, посланными *по шоссе* въ 101-й и въ 103-й полки.

Отходъ 26-й дивизіи на позицію за р. Охнію и Слудвю. Ночное нападеніе нѣмецкой конницы на 101 и 103 полки въ Кутно. Дѣло у ст. Пнево 104 полка съ нѣмецкой конницей утромъ 3-го ноября.

Содержаніе приказа было слѣдующее:

А. Корпусъ отходитъ на позицію за р. Охнію.

Б. 26-й дивизіи начать отходъ въ 12 часов ночи:

1. 101 и 103 полкамъ отойти черезъ переправу въ г. Кутно и занять позицію отъ такого-то до такого-то пункта.

2. Генералъ-маіору Ларіонову отойти со 102 и 104 полками черезъ переправу у пивоваренного завода Шевце Дольне. Оставивъ 102-й полкъ на позиціи, направить 104-й полкъ въ резервъ корпуса къ желѣзнодорожной станціи Пнево.

3) Штабъ дивизіи переходитъ въ Пнево.

Я отдалъ приказаніе о выступленіи, но полковникъ Триковскій медлилъ. Я приказалъ вторично, на что полковникъ Триковскій отвѣтилъ, что онъ выступить не можетъ, такъ какъ около Витоніи не могутъ найти командира 3 батальона полковника Грунде. „Выступайте безъ 3-го батальона, приказалъ я, а въ 3-й батальонъ пошлите съ картой полкового адъютанта,—пусть ведетъ батальонъ за полкомъ, въ качествѣ проводника, потому что медлить нельзя". Полковникъ Триковскій съ иронической улыбкой отвѣтилъ, что такого приказанія онъ исполнить не можетъ, и, какъ командиръ полка, отвѣчающій за свой полкъ, безъ 3-го батальона не выступитъ, добавивъ, что за такое приказаніе и мнѣ, какъ командиру бригады, придется понести большую отвѣтственность. Послѣ такого отвѣта, пояснять ему причину немедленнаго выступленія—это значило бы перевести приказаніе начальника въ область спора съ подчиненнымъ. Поэтому я просто его предупредилъ, что въ такомъ случаѣ я прикажу вести полкъ старшему штабъ-офицеру и донесу объ отрѣшеніи его отъ командованія полкомъ за неисполненіе моего приказанія. Тогда полковникъ Триковскій двинулъ полкъ и послалъ полкового адъютанта поручика Пясецкаго, въ 3-й батальонъ. Эта непріятная сцена испортила мое настроеніе. Мы шли молча. Я находился подъ давленіемъ мысли, что участникъ Японской войны, георгіевскій кавалеръ и опытный командиръ полка, полковникъ Триковскій не можетъ понять, что запоздалая пере-

права отряда черезъ р. Охнію можетъ повести къ тяжелымъ послѣдствіямъ для отряда. Дѣйствительно, передъ фронтомъ былъ сильнѣйшій противникъ, который, конечно, съ ранняго утра поведетъ атаку и будетъ прижимать отрядъ къ болотистой рѣчкѣ Охніи въ то время, когда обѣ переправы, у Шевце Дольне и у Кутно, для насъ могутъ быть потеряны. Переправа у Шевце-Дольне можетъ быть захвачена утромъ 3 ноября, если не пѣхотой, то конницей противника отъ той нѣмецкой войсковой массы, которая была обнаружена нами въ 10 часовъ утра во время боя 2-го ноября у Кросневице. Переправа же въ Кутно прикрывалась разбитыми 101 и 103 полками, общая числительность штыковъ въ которыхъ не превышала 1600-1700 штыковъ: противнику достаточно было направить по шоссе одинъ полкъ съ батареей,- и утромъ 3-го ноября эта переправа могла быть подъ его ударомъ или даже въ его власти, потому что 101 и 102 полки еще ночью должны были перейти здѣсь на восточный берегъ р. Охніи.

Всѣ эти простыя соображенія вызывали необходимость перейти р. Охнію у Шевце-Дольне *до наступленія разсвѣта*, а между тѣмъ запоздалая доставка приказа заставила потерять $1^1/_2$ часа времени для движенія къ переправѣ. Кромѣ того, назначенный въ корпусный резервъ 104-й полкъ долженъ былъ сдѣлать послѣ переправы еще 8 верстъ до станціи Пнево. Желая сгладить происшедшій инцидентъ и все

это разъяснить полковнику Триковскому, я обратился къ нему съ вопросомъ, какъ онъ смотритъ на положеніе нашего отряда. Онъ отвѣтилъ молчаніемъ.

Въ 3 часа ночи надъ Кутно засверкали молніи и зарницы; съ высоты стали падать огненные шарики: несомнѣнно, въ Кутно происходилъ огневой бой. Бой продолжался 30-40 минутъ. Извилистая полевая дорожка, перебрасываясь съ одного межника на другой, вывела, наконецъ, на шоссе Кутно-Піонтекъ. Мы повернули на югъ къ переправѣ. Остановивъ отрядъ на малый привалъ, я послалъ 3 ординарцевъ по шоссе на Кутно встрѣтить 102-й полкъ, дорога котораго, благодаря отдѣлявшему ручью, была болѣе кружная. Скоро подошелъ 102-й полкъ, и полковникъ Богдановскій сообщилъ, что 101 и 103 полки были атакованы въ Кутно нѣмцами, но результата узнать не удалось, потому что Кутно заняли нѣмцы.

При восходѣ солнца, мы перешли мостъ у Шевце-Дольне. Намъ пересѣкли дорогу два эскадрона конницы гнѣдой масти. Они шли вдоль лѣваго берега р. Охніи и повернули вдоль Бзуры къ д. Орлову. Отправивъ 102-й полкъ прямо на позицію, я разрѣшилъ 104-му полку 10-минутный привалъ. 10 минутъ прошло, а полкъ продолжалъ отдыхать, что мнѣ было видно изъ окна пустого собранія завода Шевце-Дольне. Я послалъ подпоручика Косолапова съ приказаніемъ командиру полка окончить привалъ и продолжать путь къ станціи Пнево. Полковник Триковскій попросилъ продолжить привалъ на 1 часъ вре-

мени, мотивируя тѣмъ, что послѣ вчерашняго тяжелаго боя, продолжавшагося цѣлый день, и безсонной ночи, офицеры и солдаты страшно устали. Я отказалъ, Тогда онъ сталъ просить продолжить привалъ хотя на полчаса.—„Выступайте немедленно, приказалъ я, потому что мы не знаем, когда командиру корпуса потребуется резервъ; чѣмъ скорѣе полкъ прибудетъ на мѣсто, тѣмъ лучше,—тамъ и отдохнетъ".

Полковникъ Триковскій поднялъ полкъ и повелъ его въ Пнево.

Я не былъ назначенъ начальникомъ боевого участка, но въ ожиданіи подхода 3-го батальона 104-го полка, занялся осмотромъ лѣваго фланга позиціи 102-го полка, Прождавъ около часа 3-й батальонъ, я оставилъ коннаго ординарца для указанія ему пути къ станціи Пнево, а самъ съ подпоручикомъ Косолаповымъ и двумя ординарцами направился на станцію Пнево въ штабъ дивизіи. Примѣрно на полпути отъ станціи мы встрѣтили толпу солдатъ, человѣкъ въ 500; одни были съ ружьями, другія безъ ружей. Видъ ихъ былъ совсѣмъ не-воинскій и неопрятный: это были просто деревенскіе мужики изъ отдаленнаго захолустья, съ лохматыми, всклокоченными бородами, на видъ лѣтъ по 35 и болѣе. На мой вопросъ унтеръ-офицеру, почему они попали въ расположеніе II-го корпуса, какой они части и куда идутъ, отвѣта я не получилъ, а из отдаленной группы послышалась нецензурная мужицкая ругань по адресу большого штабного начальства: „Самихъ бы

туда послать.. и т. д.", кто насъ послалъ". Оказалось, что это были запасные солдаты второочередной дивизіи, включенной въ V-й Сибирскій корпусъ, разбитый у Влоцлавска. Дивизія эта была включена вмѣсто 6-й кадровой, которая слѣдовала еще по желѣзной дорогѣ на театръ военныхъ дѣйствій съ Дальняго Востока,

Когда мы были у перекрестка шоссе съ нашей дорогой, ведущей къ станціи, къ намъ отъ станціи скакалъ казакъ. Увидѣвъ меня, онъ сдержалъ коня и волнуясь доложилъ: „Ваше Превосходительство! Сейчасъ нѣмецкая кавалерія совсѣмъ было забрала въ плѣнъ штабъ корпуса и штабъ дивизіи, да, слава Богу 104-й полкъ выручилъ". Передавъ кое-какія подробности о происшедшемъ смятеніи въ штабахъ, казакъ пошелъ наметомъ по шоссе на Ловичъ для отвода квартиры штабу корпуса.

Не прошло и 5 минутъ, какъ произошла другая картина, достойная также быть занесенной въ записки. Со стороны Кутно южнѣе шоссе шелъ 3-й батальонъ 104-го полка въ развернутомъ строю ротъ, въ затылокъ другъ другу, съ разомкнутыми рядами, на ротныхъ дистанціяхъ. Я спросилъ подполковника Грунде, почему онъ ведетъ батальонъ въ такомъ строю внѣ огня противника. Онъ недовольнымъ тономъ отвѣтилъ: „Вы насъ бросили, Ваше Превосходительство, а нѣмцы встрѣтили насъ около Кутно шрапнелью; мы еле-еле перебрались по дырявому гнилому мостику". Сдѣлавъ ему выговоръ за недержаніе

связи съ командиромъ полка и за то, что его нигдѣ не могли разыскать около д. Витоніи, я выразилъ удивленіе, что онъ даже и теперь не понимаетъ, что могло случиться, если бы по этому гнилому и дырявому мостику, благодаря его халатности, пришлось перебираться не одному его 3-му батальону, а всему отряду съ артиллеріей подъ шрапнелью противника. —„Ведите батальонъ къ станціи Пнево и спросите командира полка, что недавно произошло у станціи", добавилъ я.

Въ это время отъ станціи къ намъ ѣхали верхомъ генералы Чуринъ, Слюсаренко, Туровъ, начальники штабовъ и адъютанты. Начальствующіе лица имѣли хмурый, угнетенный видъ и молчаливое настроеніе. Всѣ пересѣли въ экипажи и поѣхали по шоссе на Ловичъ. Задержался только генералъ маіоръ Туровъ съ полковникомъ Рудницкимъ и объявилъ мнѣ, что „корпусъ отходитъ за рѣчку Слудвю, на линію м. Кернозя—с. Злаковъ Косцѣльный", и приказалъ мнѣ прикрывать отходъ 101 и 103 полковъ 102-мъ полкомъ, такъ какъ 104-й полкъ продолжаетъ оставаться въ резервѣ корпуса. Ночлегъ 101 и 103 полкамъ назначенъ былъ въ Злаковѣ Боровомъ, а 102-му полку въ Злаковѣ Косцѣльномъ.

Когда проходили мимо меня 101-й и 103-й полки, я былъ пораженъ ихъ малочисленностью даже по сравненію съ тѣмъ ихъ составомъ, который отходилъ съ позиціи у Кросневице утромъ 2-го ноября: въ

обоихъ полкахъ осталось лишь 600 штыковъ. Я выслушалъ докладъ временно командующаго 103-мъ полкомъ полковника Веригина о ночномъ боѣ въ Кутно, о которомъ онъ доложилъ такъ: „Оставляя Кутно, начальникъ штаба дивизіи не предупредилъ временно командующихъ полками, что Кутно остается въ нашемъ тылу безъ охраны, и потому мы не приняли мѣръ по осмотру города. Оказалось, что его заняла спѣшившаяся нѣмецкая конница сейчасъ же, по уходѣ штаба дивизіи, и устроила засаду. Когда полки втянулись въ улицу, нѣмецкая спѣшанная конница открыла ружейный и пулеметный огонь съ обѣихъ сторонъ улицы, а съ костела и со вторыхъ этажей домовъ бросала ручныя гранаты,—была настоящая бойня".

Относительно боевого дѣла 104-го полка у станціи Пнево, гдѣ онъ спасъ отъ вѣрнаго плѣна наши штабы, очевидцы разсказали такую картину. Утромъ 3-го ноября 4 нѣмецкихъ эскадрона съ конной батареей окружили станцію Пнево и повели атаку. Резерва у командира корпуса не было; въ штабѣ корпуса произошло полное смятеніе, и не знали, что предпринять. Но, на счастіе, въ это время подошелъ 104-й полкъ, къ которому съ позиціи отъ Кутно прискакала пѣшая батарея. 104-й полкъ съ этой батареей отбилъ атаку нѣмецкой конницы и спасъ наши штабы. А одинъ разъѣздъ нѣмецкой конницы все же захватилъ въ плѣнъ Варшавскаго губернато-

ра барона Корфа, ѣхавшаго въ автомобилѣ по шоссе въ. Кутно".

5-го ноября я заболѣлъ, а 10-го ноября былъ эвакуированъ въ госпиталь. По выздоровленіи, я встрѣтилъ въ штабѣ Двинскаго округа отчисленнаго въ резервъ чиновъ генерала фон-Колена, который сообщилъ мнѣ, что за дѣло 3-го ноября у станціи Пнево командиръ корпуса представилъ полковника Триковскаго къ награжденію орденомъ Св. Георгія 3-й ст. Но Георгіевская Дума отклонила представленіе, не усмотрѣвъ обстоятельствъ статутнаго подвига. Вмѣсто ордена Св. Георгія, онъ получилъ за это дѣло орденъ Св. Анны 1-й степ. съ мечами, какъ очередную награду*).

Черезъ часъ времени послѣ отхода 101 и 103 полковъ съ батареями, я снялъ съ позиціи 102-й полкъ, и имѣя въ тыльномъ отрядѣ одинъ батальонъ съ двумя орудіями, выступилъ при закатѣ солнца по шоссе на Ловичъ въ Злаковъ Косцѣльный. Отъ переутомленія и второй безсонной ночи я засыпалъ въ сѣдлѣ и испытывалъ состояніе галлюцинаціи видя передъ собою то картину ротъ и батальоновъ, то движеніе конницы противника, то бѣло-розоватый цвѣтущій садъ. Моя верховая лошадь, никогда не спотыкавшаяся и всегда обходившая ночью всевозможныя препятствія, также была утомлена, потому что разъ

*) Необходимо пояснить, что полковникъ Триковскій за бой 29 августа 1914 года былъ представленъ мною, какъ ранѣе сказано, къ чину генералъ-маіора, и хотя Высочайшаго Приказа о его производствѣ еще не было, но онъ не терялъ правъ на представленіе его къ послѣдовательнымъ генеральскимъ наградамъ.

споткнулась и разъ набрела на кучу мелкихъ камней, лежавшихъ на шоссе. На высокомъ мосту безъ перилъ черезъ р. Слудвю у Злакова Косцѣльнаго я такъ сильно покачнулся, засыпая, въ правую сторону, что едва не свалился въ рѣчку вмѣстѣ съ лошадью, которая только и спасла меня, сдѣлавъ боковое движеніе влѣво, а я успѣлъ ухватиться „за гривку", какъ иногда острятъ истые каваллеристы надъ плохимъ ѣздокомъ но я убѣдился, что это иногда очень полезно и необходимо даже и для хорошаго ѣздока. Около 3 часовъ ночи я прибылъ въ Злаковъ Косцѣльный и приказалъ выставить сторожевое охраненіе вдоль р. Слудви отъ Злакова Косцѣльнаго до Злакова Бороваго, гдѣ уже находились 101 и 103 полки.

Безуспѣшныя контръ-атаки остатковъ II-го армейскаго, V Сибирскаго, и VI Сибирскаго корпусовъ у Кернози—Злакова Бороваго.

4 ноября. Въ 6 часовъ утра было получено приказаніе занять позицію отъ Злакова Бороваго до Злакова Косцѣльнаго 101, 102 и 103 полками съ батареями. На правомъ западномъ берегу рѣчки Слудви у опушки лѣса показалась группа начальниковъ противника, очевидно, для осмотра нашей позиціи. Командиръ 1-го артиллерійскаго дивизіона заставилъ ихъ шрапнелью скрыться въ лѣсъ. Не успѣли войска занять указанной позиціи, какъ я получилъ новое приказаніе: „отходить къ Сохачеву". Колонна главныхъ силъ сдѣлала не болѣе 5 верстъ, — опять новое приказаніе: „вернуть дивизію и занять преж-

нюю позицію, а 104-й полкъ отправить въ резервъ командира корпуса". Полки и батареи заняли свои прежнія позиціи. Слабые остатки 43-й дивизіи заняли позицію у восточной окраины м. Кернози, такъ какъ противникъ, воспользовавшись нашимъ отходомъ, подошелъ къ м. Кернозѣ и выставилъ у господской усадьбы, что западнѣе Кернози, батарею, прикрывъ ее пѣхотой. Эта батарея, имѣя фланговое положеніе относительно позиціи полковъ 26-й дивизіи, сильно мѣшала ей въ послѣдующихъ атакахъ, которыя, по требованію Командующаго 2-й арміей, предпринимались 26-й дивизіей 5, 6 и 7 ноября, чтобы остановить напоръ нѣмцевъ на правый флангъ 2-й арміи: батарея эта фланкировала наши войска, при наступленіяхъ и не давала возможности оставшимся слабымъ силамъ 26-й дивизіи*) перейти на правый берегъ р. Слудви.

5, 6 и 7 ноября. Боевыя дѣйствія этихъ дней я не могъ записать, потому что 5-го ноября я сильно заболѣлъ и въ памяти сохранилъ лишь болѣе или менѣе крупные факты. По настоятельному требованію Командующаго 2-й арміей, II-й корпусъ, какъ я упомянулъ, пытался нѣсколько разъ атаковать 26-й дивизіей противника, но безуспѣшно: ни 26-я дивизія, ни 43-я, къ которой 5-го—6-го ноября подошли на усиленіе слабенькіе остатки V-го Сибирскаго кор-

*) Въ 101 и 103 полкахъ было всего 600 штыковъ, въ 102-мъ полку 2200 штыковъ, а въ 104-мъ, бывшемъ въ корпусномъ резервѣ, 2400 штыковъ; въ 43-й дивизіи, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, было не болѣе 3500 штыковъ. Вообще же во всемъ корпусѣ число штыковъ не доходило до 9000 шт.).

пуса, не продвинулись впередъ. 6-го 43-я дивизія передала свою позицію у Кернози V-му Сибирскому корпусу, къ которому подошли тоже небольшія части VI-го Сибирскаго, и ушла въ раіонъ Ловича, Командующій 2-й арміей телеграфировалъ (копія его телеграммы была прислана мнѣ, какъ фактически управлявшему боевымъ порядкомъ дивизіи, такъ какъ временно—командующій дивизіей ограничивался лишь передачей распоряженій командира корпуса): „Нѣмцы рѣжутъ правый флангъ 2-й арміи, 26-й дивизіи энергично атаковать и отбросить передъ собой противника, послѣ чего направиться между такими-то деревнями, перейти р. Бзуру у Орлова для атаки противника въ лѣвый флангъ". Ограниченная деревнями, узкая полоса мѣстности, по которой должна была слѣдовать 26-я дивизія, послѣ того, какъ отброситъ противника, представляла собою дугу, версты въ 2-3 шириной, одинъ конецъ которой лежалъ на р. Слудвѣ, между дд. Злаковъ Боровый и Злаковъ Косцѣльный, а другой на р. Бзурѣ, между дд.. Орловымъ и Собботой. Я и тогда не понималъ тонкости этого указанія, и теперь не понимаю. Но тогда я объяснилъ себѣ такое указаніе полной растерянностью штаба 2-й арміи, и даже подумалъ, что эту телеграмму далъ не Командующій 2-й арміей и не начальникъ ея Штаба, или генералъ-квартирмейстеръ, а просто, въ виду спѣшности, кто-нибудь изъ „мудрецовъ" квартирмейстерской части, получивъ приказаніе о необходимости атаковать противника. „Мудрецъ" этотъ нашелъ нужнымъ дать отъ себя болѣе точ-

ныя указанія, когда и гдѣ надо провести, послѣ побѣдной атаки, 26-ю дивизію мимо побѣжденнаго врага фланговымъ церемоніальнымъ маршемъ, чтобы показать ему парки и обозы, а затѣмъ перейти Бзуру и обрушиться на лѣвый флангъ нѣмцевъ. Получивъ эту телеграмму, я донесъ полевой запиской, что если правый флангъ 2-й арміи находится въ критическомъ положеніи, то лучше отказаться отъ атаки противника прямо передъ собой, а оставивъ небольшой заслонъ, перейти ночнымъ маршемъ р. Бзуру и помочь 2-й арміи. Тамъ на ея флангѣ мы сдѣлаемъ хоть что-нибудь полезное, а здѣсь окончательно разобъемся въ непосильныхъ атакахъ и ровно ничего полезнаго не достигнемъ.

Въ ночь на 6-е нѣмцы атаковали сѣверную улицу Злакова Бороваго и выбили оттуда 103-й полкъ, въ которомъ послѣ этой ночной атаки осталось около 100 штыковъ,

6-го утромъ на усиленіе 26-й дивизіи прибыла съ праваго берега р. Вислы 1-я бригада 16-й пѣхотной дивизіи съ 1-мъ артиллерійскимъ дивизіономъ 16 артиллерійской бригадой, подъ начальствомъ командира артиллерійской бригады (фамилія не записана) и стала бивакомъ восточнѣе Злакова Косцѣльнаго.

Исполняя телеграмму Командующаго 2-й арміей, командиръ корпуса вновь приказалъ атаковать противника 26-й дивизіей днемъ 7-го ноября, не смот-

ря на то, что прибывшая на усиленіе 1-я бригада 16-й дивизіи съ артиллеріей ушла въ раіонъ Ловича къ Гловно. Послѣ полудня полки 26-й дивизіи были брошены въ атаку, при чемъ въ этой атакѣ принималъ участіе и 104-й полкъ, который, какъ болѣе по своему составу сильный, былъ направленъ на сѣверную улицу Злакова Бороваго, а остальные три полка должны были атаковать лѣсъ черезъ р. Слудвю. Но и эта атака потерпѣла неудачу; 104-й полкъ не могъ выбить противника изъ сѣверной улицы, а остальные три полка, въ которыхъ было 2300-2400 штыковъ, не могли перейти черезъ р. Слудвю, такъ какъ артиллерійская батарея противника, бывшая у упомянутаго господскаго дома, зажгла, съ наступленіемъ сумерекъ, два крайнихъ дома южной улицы около моста и, при помощи этого факела, держала подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ какъ самый мостъ, такъ и подходы къ нему. Атакой руководилъ командиръ корпуса и прекратилъ ее въ 9 часовъ вечера, отправивъ войска на ночлегъ. Я чувствовалъ себя совсѣмъ скверно: сильный жаръ смѣнялся ознобомъ, рвота, головокруженіе и боль въ поясницѣ, едва позволявшая держаться на ногахъ.

Переходъ 26-й пѣх. дивизіи черезъ р. Бзуру къ м. Бѣлявы.—Подходъ и наступленіе на лѣвый флангъ противника. 8 ноября.

Въ началѣ 1-го часа ночи было получено приказаніе собрать части дивизіи у моста черезъ рѣку Слудвю въ Злаковѣ Косцѣльномъ, Усталыя

послѣ боя части собирались медленно, да къ тому же нѣкоторыя изъ нихъ были слишкомъ отдалены. На сборномъ пунктѣ у моста генералъ-маіоръ Туровъ сообщилъ мнѣ, что дивизіи приказано переправиться черезъ р. Бзуру у Собботы и идти на помощь 2-й арміи. Дивизія выступала на разсвѣтѣ, оставивъ на первое время марша, въ видѣ заслона, въ Злаковѣ Косцѣльномъ одинъ батальонъ 102-го полка съ двумя орудіями, подъ начальствомъ полковника Богдановскаго. Полковнику Триковскому съ двумя батальонами его полка при 4-хъ орудіяхъ приказано было занять позицію у шоссе на Ловичъ, для прикрытія дивизіи во время марша ея къ переправѣ. По исполненіи своихъ задачъ по прикрытію, оба отряда должны были присоединиться къ дивизіи на правомъ берегу р. Бзуры. Полковникъ Триковскій, пропустивъ отрядъ полковника Богдановского, долженъ былъ избрать путь для присоединенія къ дивизіи или черезъ Собботу или черезъ Ловичъ, смотря по дѣйствіямъ противника. Вслѣдствіе запоздалаго рѣшенія идти къ переправѣ ночнымъ маршемъ, наше движеніе съ самаго начала вылилось не въ ночное, а дневное. Когда колонна главныхъ силъ дивизіи, при восходѣ солнца, переходила шоссе Кутно-Ловичъ, противникъ обстрѣлялъ ее артиллерійскимъ огнемъ отъ Злакова Бороваго, а затѣмъ перенесъ огонь на нашъ заслонъ въ Злаковѣ Косцѣльномъ и зажегъ костелъ, служившій намъ наблюдательнымъ пунктомъ. Я ѣхалъ въ экипажѣ, такъ какъ уже не могъ сѣсть верхомъ на лошадь и держаться въ сѣдлѣ. Около 4-хъ часовъ

дня дивизія съ обозами переправилась черезъ р Бзуру у Собботы и сдѣлала большой привалъ для обѣда у м. Бѣлява.

Во время привала подошелъ отрядъ полковника Богдановскаго и прибылъ въ автомобилѣ изъ Главно командиръ корпуса генералъ Чуринъ, въ сопровожденіи начальника штаба корпуса генерала фонъ-Колена, полковника Лебедева и штабсъ-капитана Акинтіевскаго. Указавъ по картѣ расположеніе нашихъ и непріятельскихъ войскъ, командиръ корпуса объяснилъ, въ какомъ направленіи должна дивизія сдѣлать съ вечера подходъ къ лѣвому флангу противника, чтобы утромъ 9-го наступать для атаки.

Съ наступленіемъ сумерекъ, дивизія съ обозами выступила въ указанномъ направленіи по разбитой и испорченной большой грунтовой дорогѣ. Среди непроглядной темноты движеніе было крайне трудное и медленное. Вдали передъ нами небосклонъ освѣщался молніями и зарницами, — свидѣтельницами ночныхъ боевъ. По указанію карты, это было въ раіонѣ Лодзи и Бржезинъ. Въ $11^1/_2$ часовъ вечера моя бригада съ артиллерійскимъ дивизіономъ свернула вправо, чтобы составить правый флангъ дивизіи, при наступленіи 9-го ноября. Къ бригадѣ была придана сотня дивизіонной конницы. Въ 12 часовъ ночи бригада прибыла на ночлегъ въ назначенныя двѣ деревни. Лѣвѣе 26-й дивизіи, уступомъ впереди, ночевали 61-й Владимірскій и 62-й Суздальскій полки 16-й

дивизіи съ артиллерійскимъ дивизіономъ, ушедшіе изъ Злакова Косцѣльнаго въ ночь съ 6-го на 7-ое ноября. Ночь я провелъ совершенно безъ сна: приступы рвоты сдѣлались продолжительными, нестерпимая головная боль, жаръ и ознобъ.

9 ноября. Рано утромъ прибылъ съ отрядомъ полковникъ Триковскій, избравъ путь слѣдованія черезъ Ловичъ. Да и мостъ черезъ Бзуру у Субботы, для нѣкоторой безопасности, былъ уничтоженъ казаками. Утром прибылъ раненный въ бою 27 или 28 августа, оправившійся отъ раненія командиръ 101 Пермскаго полка полковникъ Вахрушевъ.

Наступленіе дивизіи началось въ 6 часовъ утра бригадными колоннами, съ авангардомъ каждая. Въ авангардѣ 2-й бригады шелъ 1-й батальонъ 104-го полка съ 4 орудіями, подъ начальствомъ полковника Маціевскаго. Получивъ донесеніе, что у Піонтека обнаруженъ нѣмецкій кавалерійскій полкъ, я возложилъ охрану праваго фланга и тыла на тыльный батальонъ главныхъ силъ, приказавъ командиру батальона слѣдовать съ двумя орудіями назади, уступовъ вправо. Авангардъ бригады продвигался съ мелкими стычками очень медленно, а между тѣмъ необходима была быстрота движенія. На мое приказаніе ускорить движеніе начальникъ авангарда донесъ, что ему приходится часто развертывать боевой порядокъ и выбивать нѣмцевъ, засѣвшихъ въ урочищахъ и дворахъ на пути слѣдованія

Я приказалъ удалять ихъ артиллеріей, не развертывая боеваго порядка. Движеніе ускорилось, и полковникъ Маціевскій въ игривой формѣ донесъ, что „нѣмцы посыпались, какъ горохъ". Болѣзнь моя прогрессировала: я чувствовалъ сильное переутомленіе и слабость; наступила сонливость и безразличное отношеніе ко всему окружающему; жаръ и ознобъ, изнурительная рвота не оставляли; вниманіе и мысли были какъ бы парализованы. Но меня поддерживала мысль, что все это скоро пройдетъ, и я не передавалъ командованіе бригадой находившемуся вмѣстѣ со мной полковнику Триковскому, тѣмъ болѣе, что и онъ отъ усталости и безсонной ночи, при первой возможности, засыпалъ сидя.

Передача командованія 2-й бригадой Полковнику Триковскому. Моя эвакуація.

Наступилъ вечеръ, боевыя дѣйствія прекратились. Я передалъ командованіе бригадой полковнику Триковскому, подписавъ рапортъ объ отправленіи меня въ госпиталь. Меня отвезли въ переполненную солдатами хату и положили на полу, покрытомъ соломой. Временами мое сознаніе совершенно терялось. Но припоминаю, что ко мнѣ наклонялся докторъ, а сестра милосердія заставляла меня пить какое-то лекарство, и оно доставляло мнѣ облегченіе.

10 ноября. Утромъ я былъ отправленъ въ моемъ собственномъ экипажѣ въ Гловно, гдѣ находился штабъ корпуса, а оттуда меня отправили въ Ловичъ,

въ госпиталь. Навстрѣчу пролетѣлъ автомобиль, раздался крикъ, но кто кричалъ и что кричалъ, я не разслышалъ, а кучеръ Фроловъ показалъ рукой на Ловичъ и на рвущіеся въ черномъ дыму снаряды: я понялъ, что Ловичъ бомбардируетъ противникъ. Кучеръ вернулся со мной назадъ, и въ моемъ же экипажѣ я былъ отправленъ въ Скерневице для отправленія по желѣзной дорогѣ въ Варшавскій Уяздовскій Госпиталь. Поздно ночью мы встрѣтили какой-то пѣхотный полкъ, спѣшившій на фронтъ или къ Ловичу. Въ Скерневице я прибылъ, когда было полное сонное царство, и только въ одномъ домѣ свѣтился огонекъ. Кучеръ Фроловъ постучалъ, насъ впустили. Хозяиномъ оказался инженеръ-путеецъ. Онъ принялъ во мнѣ большое участіе: поилъ чаемъ и давалъ какое-то лекарство. Между прочимъ онъ разсказалъ довольно подробно, какъ отходилъ отъ Варшавы въ раіонѣ Скерневице какой-то нѣмецкій штабъ. Генералы и офицеры ѣхали верхомъ, цѣпью съ интервалами. Движеніе начиналось и оканчивалось по знаку старшаго генерала, который, имѣя на рукахъ бѣлыя перчатки, давалъ указанія начала и окончанія движенія поднятіемъ и опусканіемъ правой руки среди рвущихся шрапнелей. Я невольно съ горечью вспомнилъ отходъ нашего штаба дивизіи съ укрѣпленной позиціи 28 августа и его блужденіе во время отхода 1-й арміи изъ Восточной Пруссіи.

11 ноября. Благодаря заботамъ инженера, утромъ прибылъ фельдшеръ, который долженъ былъ сопро-

вождать меня въ поѣздѣ до Уяздовскаго Госпиталя и вернуться обратно въ Скерневице. Я поѣхалъ на вокзалъ, надъ которымъ въ это время долго и низко кружился аэропланъ противника, и не было никакой попытки его сбить, или просто не было для этого средствъ. Вокзалъ и поѣздъ были переполнены безоружными солдатами, которые называли себя „плѣнными". Кучеръ Фроловъ выяснилъ, что они были взяты въ плѣнъ нѣмцами, которые отобрали отъ нихъ оружья и заперли въ костелъ, а изъ костела ихъ выпустили русскіе. Комендантъ станціи, видя мое скверное состояніе и видъ, посовѣтовалъ продолжать путь прямо въ экипажѣ, такъ какъ, пояснилъ онъ, „это надежнѣе, и вы скорѣе доѣдете". Я отпустилъ фельдшера, который былъ связанъ службой, и поѣхалъ въ своемъ экипажѣ. Однако путешествіе по избитой дорогѣ оказалось мучительнымъ и изнурительнымъ: толчки вызывали сильную боль въ правой нижней части живота и рвоту; приходилось къ тому же часто останавливать экипажъ и выходить изъ него. Въ Надаржинѣ меня принялъ на ночлегъ отецъ ксендзъ и оказалъ врачебную помощь. Если бы этой своевременной помощи не было, то я не доѣхалъ бы до Варшавы. Я храню въ своей душѣ глубокую благодарность къ его духовной особѣ. Въ Уяздовскомъ Госпиталѣ не оказалось свободныхъ мѣстъ. Госпиталь отправилъ меня со своей помѣткой черезъ этапнаго коменданта въ Петроградскій Николаевскій Военный Госпиталь. Я съ большимъ трудомъ доѣхалъ до Петрограда. Комиссія врачей Николаевскаго Военнаго

Госпиталя нашла у меня бурно обострившійся апендицитъ и осложненную болѣзнь печени и желчнаго пузыря,—болѣзнь которая меня преслѣдовала съ 26 лѣтъ и отъ которой я нѣсколько разъ лечился въ Ессентукахъ. Въ виду серьезности моей болѣзни, Николаевскій Военный Госпиталь передалъ меня на леченіе въ Клинику Военно-Медицинской Академіи, въ палату профессора Яновскаго. По окончаніи клиническаго леченія, Комиссія врачей Николаевскаго Госпиталя вновь меня свидѣтельствовала и назначила мнѣ амбулаторное леченіе въ продолженіи 2-3 мѣсяцевъ, пока я не получу возможность ѣздить верхомъ.

Зачисленіе меня въ резервъ. Приказы о награжденіи за боевые подвиги статутными наградами полковника барона Корфа и полковника Рудницкаго за бои 26-29 августа 1914-го года въ Восточной Пруссіи.

Послѣ 2-хъ мѣсячнаго леченія, на основаніи установленнаго во время войны приказа, я былъ зачисленъ въ резервъ чиновъ Арміи 17 января 1915 года и въ началѣ февралѣ былъ отправленъ изъ Петрограда въ Вильно, гдѣ и состоялъ на учетѣ при Штабѣ Двинскаго Военнаго Округа. Проходя курсъ амбулаторнаго леченія, я въ то же время 13 февраля назначенъ былъ Предсѣдателемъ Комиссіи по ликвидаціи имущества, конфискованнаго въ Восточной Пруссіи.

Заходя часто въ Штабъ Округа, я прочиталъ Высочайшій приказъ о награжденіи полковника ба-

рона Корфа за бой 29-го августа 1914 года. Приказъ редактированъ такъ: „Командиръ 17-го стрѣлковаго полка полковникъ баронъ Корфъ награждается орденомъ Св. Георгія 4 степ. за то, что въ бою 29 августа 1914 года у Ленкелишкенъ своимъ мужествомъ, храбростью и распорядительностью не допустилъ окончательно замкнуть кольцо нѣмцевъ, охватывавшихъ съ обоихъ фланговъ 5-ю стрѣлковую бригаду".

Другимъ Высочайшимъ приказомъ былъ награжденъ полковникъ Рудницкій: „Бывшій начальникъ штаба 26-й пѣхотной дивизіи. нынѣ командиръ... полка (номера не записалъ), Генеральнаго Штаба полковникъ Рудницкій награждается Георгіевскимъ Оружіемъ за то, что въ бою 26 пѣхотной дивизіи на укрѣпленной позиціи у с. Приновенъ и во время отхода дивизіи съ этой позиціи 28 августа 1914 года своимъ мужествомъ, распорядительностью, проникновеніемъ обстановки и самоотверженіемъ способствовалъ успѣшнымъ дѣйствіямъ дивизіи".

Изъ приказовъ не видно было, что эти наградныя представленія разсматривались предварительно въ Георгіевской Думѣ. Они, очевидно, прошли въ порядкѣ 26 и 122 статей Статута Ордена, которыя допускаютъ статутныя награжденія и безъ разсмотрѣнія подвига въ Георгіевской Думѣ, „но въ особо исключительныхъ обстоятельствахъ". Это „исключительное обстоятельство" въ данномъ случаѣ — была, несомнѣнно, болѣзнь и смерть генерала Порѣцкаго, вмѣсто котораго долженъ былъ подпи-

сать его преемникъ, не бывшій въ этихъ бояхъ. Описанія подвиговъ, конечно, составлялись полковникомъ Рудницкимъ, на что указываетъ однообразіе и родственность стиля обоихъ описаній. Въ данномъ случаѣ необходимо задать и разрѣшить вопросъ: „Въ чемъ же на самомъ дѣлѣ выразились успѣшныя дѣйствія 26-й пѣхотной дивизіи въ дни 26-28 августа 1914 года на укрѣпленной позиціи и во время отхода ея съ этой позиціи?"—Выразились они въ слѣдующемъ.

1. Выполняя общую для всего II-го корпуса задачу по обезпеченію лѣваго фланга 1-й арміи генерала Ренненкампфа, 2-я бригада 26-й дивизіи отбила всѣ атаки XX-го нѣмецкаго корпуса на укрѣпленной позиціи между озерами. Норденбургеръ-Резауеръ-Энгельштейнеръ 26-28 августа 1914 года. Начальникъ штаба дивизіи находился безотлучно во время этихъ атакъ въ с. Приновенъ, вдали отъ атакуемаго фронта 2-й бригады, за боевымъ участкомъ 102-го полка, и не могъ вліять на боевую работу полковъ 2-й бригады.

2. Начальникъ дивизіи со штабомъ и войсками лѣваго боевого участка дивизіи (5 батальоновъ, 20 орудій, рота саперъ и $1^1/_2$ сотни казаковъ) ушелъ 28 августа съ укрѣпленной позиціи значительно раньше назначеннаго его же приказомъ времени и не только не предупредилъ объ этомъ важномъ фактѣ меня, какъ начальника боевого участка 2-й бригады, атакуемой XX-мъ нѣмецкимъ корпусомъ, но и лишилъ

2-ю бригаду всякой поддержки на случай неудачи; затруднилъ и усложнилъ отходъ ея съ позиціи обнаженіемъ ея лѣваго фланга. Несмотря на трудное положеніе, въ которое поставилъ ее начальникъ дивизіи преждевременнымъ отходомъ, 2 я бригада и на этотъ разъ отбила атаку XX-го нѣмецкаго корпуса и, благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ, благополучно вышла изъ боя и избѣжала охвата праваго фланга, на которомъ появился противникъ, такъ какъ впослѣдствіи выяснилось, что и 57-я дивизія отошла отъ г. Норденбурга также ранѣе назначеннаго ей времени, и, во время отхода бригады къ Кавarренъ, посланные казаки такъ и не нашли 57-ю дивизію.

3. Начальникъ дивизіи со штабомъ и съ войсками лѣваго боевого участка отошелъ съ укрѣпленной позиціи къ переправѣ черезъ р. Ангерапъ у Даркеменъ, не останавливаясь на указанной для 26 дивизіи Штабомъ 1-й арміи линіи отхода „Кавarренъ-Гросъ Собростъ“, порвавъ всякую связь съ самаго начала отхода со мною, и я не могъ его найти своими донесеніями въ пунктахъ, указанныхъ приказомъ объ отходѣ дивизіи. Мало того, не интересуясь, какъ отходитъ 2-я бригада, штабъ дивизіи не далъ мнѣ никакихъ распоряженій, что дѣлать преслѣдуемой по пятамъ бригадѣ, по достиженіи ею Кавarренъ, разъ начальникъ дивизіи рѣшилъ идти прямо къ Даркеменъ.

4. Не было дано распоряженія штабомъ дивизіи и обозу 2-го разряда, ожидавшему напрасно приказанія штаба дивизіи, куда ему направиться. Хотя штабъ дивизіи и отдалъ въ $3^1/_2$ часа дня приказаніе о расположеніи колоннъ на ночлегъ въ Кавarренъ и Домбровкенъ, а штаба дивизіи въ Альтъ Саускойенъ, но отдавъ это приказаніе, самъ штабъ не остановился въ Альтъ Саускойенѣ, а ушелъ и увелъ лѣвую колонну къ Даркеменъ, обнаживъ лѣвый флангъ правой колонны на ночь. При такомъ положеніи, когда лѣвая колонна и штабъ дивизіи направились прямо къ переправѣ, я также, вслѣдствіе угрозы лѣвому флангу 2-й бригады, могъ послѣдовать къ Даркемену, но такой дальній отходъ *не соотвѣтствовалъ задачѣ 26 дивизіи по охранѣ лѣваго фланга 1-й арміи*. Выполняя эту задачу, я и расположилъ бригаду на ночлегъ въ Бейнуненскомъ лѣсу, принявъ надежныя мѣры охраненія на случай ночныхъ дѣйствій противника. Благодаря этимъ мѣрамъ, мы сохранили за собою Бейнуненскій лѣсъ и Даркеменскую переправу, которая въ этотъ и въ слѣдующій день имѣла рѣшающее значеніе въ процессѣ выполненія нѣмцами своего плана окруженія нашей 1-й арміи въ Восточной Пруссіи. Все это было выполнено тогда, когда начальникъ дивизіи и начальникъ штаба находились съ войсками лѣвой колонны въ раіонѣ Даркемена и не давали о себѣ никакихъ свѣдѣній. А если начальникъ дивизіи и начальникъ штаба вернулись отъ переправы въ Альтъ Саускойенъ въ 12 час. 20 мин.

ночи и, оказавшись въ районѣ атакъ, бросили Альтъ Саускойенъ, оставивъ тамъ двѣ роты съ двумя орудіями, прибыли въ Гудвалленъ подъ защиту главныхъ силъ 2-й бригады, то въ этомъ фактѣ нѣтъ ни проникновенія обстановки", ни „самоотверженія" полковника Рудницкаго. Такого рода „проникновеніе" и „самоотверженіе" достойны отрѣшенія отъ должности, а не награжденія, чего и опасался полковникъ Рудницкій, если бы онъ не скрылъ мою реляцію.

5, Но и кромѣ упомянутыхъ успѣшныхъ дѣйствій 2-й бригады 26-й дивизіи въ дни 26-28 августа, она имѣла несомнѣнный успѣхъ и 29 августа, такъ какъ усиленная 17 и 20 стрѣлковыми полками и 1 батальономъ 226 Землянскаго полка, она вновь сдержала на неукрѣпленной позиціи все тотъ же XX нѣмецкій корпусъ и дивизію XI-го нѣмецкаго, не давъ противнику возможности овладѣть особенно необходимой ему въ тотъ день Даркеменской переправой, въ цѣляхъ расчлененія и окруженія нашей 1-й арміи.

Изъ перечисленныхъ фактовъ видно, что „всѣ успѣшныя дѣйствія 26-й дивизіи" выполнены 2-й бригадой этой дивизіи. Что же касается полковъ 1-й бригады, то они, къ сожалѣнію, лишены были возможности принять участіе въ отраженіи атакъ XX и XI нѣмецкихъ корпусовъ въ дни 26-29 августа. 101-й Пермскій полкъ съ 25 по 29 августа находился въ непосредственномъ распоряженіи временно командующаго корпусомъ, составляя корпусный резервъ, и

принялъ участіе въ бояхъ 43-й пѣхотной дивизіи въ раіонѣ крѣпости Летценъ у Поссессернъ и на р. Гольдапъ. Хотя 29 августа онъ былъ направленъ, вмѣсто 102-го Вятскаго полка, на усиленіе 2-й бригады, но прибылъ къ полю боя довольно поздно. 102-й Вятскій полкъ на укрѣпленной позиціи не былъ атакованъ противникомъ въ дни 26-28 августа, — его роль свелась лишь къ пассивному охраненію лѣваго фланга 2-й бригады, которую нѣмцы долбили повторными атаками. Но и этой задачи 102-му полку не дано было возможности выполнить до конца, такъ какъ онъ преждевременно былъ снятъ штабомъ дивизіи съ позиціи и направленъ прямо къ Даркеменъ. Поэтому онъ не принялъ участія и въ отраженіи ночной атаки съ 28 на 29 августа въ Бейнуненскомъ лѣсу. Во время боя 2-й бригады 29-го августа, 102-й полкъ простоялъ въ корпусномъ резервѣ, а по окончаніи боя былъ отправленъ на ночлегъ въ раіонъ Кенигсфельде-Паббельнъ.

Такимъ образомъ полковникъ Рудницкій, хотя и приписалъ успѣшныя дѣйствія 2-й бригады 26-й дивизіи своей „распорядительности, проникновенію обстановки и самоотверженію“, но онъ самъ не принималъ ровно никакого участія въ руководствѣ этими успѣшными дѣйствіями 2-й бригады 26-й дивизіи.

Если отождествлять дѣйствія одного батальона съ дѣйствіями всего полка, а дѣйствія бригады съ дѣйствіями всей дивизіи, а въ данномъ случаѣ даже

всего корпуса, *потому что только одна 2-я бригада изъ всѣхъ войскъ корпуса и выполнила успѣшно и до конца задачу обезпеченія лѣваго фланга 1-й арміи*, то статутному награжденію подлежалъ во всякомъ случаѣ не начальникъ штаба дивизіи полковникъ Рудницкій, писавшій лишь приказы о развертываніи боевого порядка, а начальникъ дивизіи генералъ Порѣцкій*), какъ ближайшій старшій начальникъ войскового соединенія, бригада котораго и 2-й артиллерійскій дивизіонъ успѣшно и до конца выполнили задачу, возложенную на 26-ю дивизію, вынеся на своихъ плечахъ атаки XX нѣмецкаго корпуса. И за это успѣшное выполненіе задачи, по Статуту полагается не Георгіевское Оружіе, а Георгіевскій крестъ, потому что пунктъ 6-й статьи 8-й Статута Ордена (по части общаго командованія) гласитъ: Достоинъ награжденія орденомъ Св, Георгія Побѣдоносца тотъ, „*кто для оказанія помощи своимъ войскамъ, находящимся въ трудномъ положеніи, выдержитъ бой съ превосходнымъ въ силахъ противникомъ и выручитъ своихъ отъ грозившей имъ опасности*“.

Дѣйствія 2-й бригады 26-й дивизіи въ дни 26-29 августа 1914 года въ Восточной Пруссіи совершенно тождественны съ указаніемъ и требованіемъ этого 6-го пункта 8-й статьи Статута, потому что *корпуса 1-й арміи*, дѣйствительно, находились не только *въ*

*) Въ приказахъ я не нашелъ награжденія генерала Порѣцкаго за эти бои. Нашелъ только свое награжденіе: за бои 26-29 августа я получилъ “*мечи*“ къ имѣвшемуся у меня ордену Св. Влад. 3 ст.

„трудномъ“, но и въ опасномъ положеніи, такъ какъ они несомнѣнно, (какъ теперь видно и изъ нѣмецкихъ источниковъ) *были бы окружены, если бы 2-я бригада 26-й пѣхотной дивизіи не сдержала боями 26—28 и, въ особенности, 29 августа „превосходнаго въ силахъ“ XX-го нѣмецкаго корпуса.* Если бы 2-я бригада 26-й пѣхотной дивизіи не выдержала натиска этого „превосходнаго въ силахъ“ корпуса и была бы отброшена къ р. Ангерапъ или, еще хуже, за эту рѣку въ дни 26-28 августа, то XX-й нѣмецкій корпусъ вмѣстѣ съ дивизіей XI-го нѣмецкаго рѣзали бы лѣвый флангъ нашего IV-го корпуса, въ раіонѣ къ западу отъ р. Ангерапъ, а XVII-й и 1-й нѣмецкіе корпуса вышли бы въ тылъ нашей 1-й арміи восточнѣе р. Ангерапъ, ибо нашъ XX корпусъ направленный съ праваго фланга 1-й арміи на лѣвый къ р. Гольдапъ для сдержанія ихъ, не имѣлъ бы возможности совершить своего фланговаго марша, который на его опасномъ участкѣ въ раіонѣ Даркемена прикрывался боемъ 2-й бригады съ XX нѣмецкимъ корпусомъ. А если бы 2-я бригада не выдержала боя съ тѣмъ же „превосходнымъ въ силахъ“ противникомъ 29 августа, то XX-й нашъ корпусъ, растянутый эшелонами на фланговомъ маршѣ, и лишенный управленія для вступленія въ планомѣрный бой, оказался бы въ клещахъ XX-го и XVII-го нѣмецкихъ корпусовъ. Въ обоихъ случаяхъ наша 1-я армія генерала Ренненкампфа въ Восточной Пруссіи

была бы расчленена, окружена и отброшена на сѣверъ къ морю.

Подвигъ полковника барона Корфа изложенъ неправильно. Какъ ранѣе было сказано, въ бою 29 августа 1914 г. рядомъ и правѣе моей бригады дрались только 20-й и 17-й стрѣлковые полки, а не вся 5-я стрѣлковая бригада. Если бы на позиціи была вся 5-я стрѣлковая бригада, то бригаднымъ боевымъ участкомъ командовалъ бы начальникъ 5-й стрѣлковой бригады генералъ-маіоръ Шредеръ. а не полковникъ Корфъ, который оказался бы со своимъ 17 стрѣлковымъ полкомъ въ *среднемъ* боевомъ участкѣ, такъ какъ *лѣвѣе* его фактически былъ 20-й стрѣлковый полкъ, а правѣе въ боевомъ порядкѣ былъ бы или 18-й или 19-й стрѣлковый полкъ, или даже оба вмѣстѣ. Донесенія объ охватѣ фланговъ получены были бы генераломъ Шредеромъ, а не начальникомъ *средняго* полкового боевого участка полковникомъ Корфомъ, который не имѣлъ даже возможности выдѣлить двухъ батальоновъ изъ своего полка „на оба охватываемые фланга“, потому что весь его полкъ-то былъ двухъ-батальоннаго состава. Если допустить, что полковникъ Корфъ направилъ два батальона на „оба фланга“, то одинъ изъ нихъ я и бывшіе при мнѣ офицеры для связи и ординарцы непремѣнно увидѣли бы, такъ какъ онъ былъ бы направленъ лѣвѣе 20 стрѣлковаго полка въ непосредственной близости къ пра-

вому флангу 3-го батальона 103-го Петрозаводскаго полка: мѣстность между шоссе и лѣвымъ флангомъ дравшагося 20-го стрѣлковаго полка была открытая, но никакого батальона, входящаго здѣсь въ бой и выходящаго изъ боя, кромѣ I-го батальона 226-го Землянскаго полка, не было.

Относительно боевого поведенія русскихъ войскъ въ бояхъ 26-29-го августа 1914 года генералъ Людендорфъ, руководившій операціями германскихъ войскъ въ Восточной Пруссіи, поясняя причину, благодаря которой нѣмецкому командованію не удался планъ окруженія нашей I-й арміи въ Восточной Пруссіи, пишетъ въ своей книгѣ „Мои военныя воспоминанія“ такъ:

„Бои, *въ особенности на фронтѣ XX-го корпуса*, протекали для насъ неблагопріятно. Русскіе переходили въ энергичныя контръ-атаки, позиціи же ихъ были сильно и искусно построены. Съ нашими силами и боевыми запасами мы никогда не овладѣли бы ими, если бы не предположенный обходъ Летцена и укрѣпленнаго озернаго дефиле. Дѣйствія частей происходили не совсѣмъ такъ, какъ я предполагалъ. Имъ трудно было отличить своихъ отъ чужихъ, и наши же колонны обстрѣливали другъ друга. Нѣкоторыя части производили зачастую слишкомъ фронтальныя атаки, не выжидая содѣйствія сосѣднихъ колоннъ. Самую же крупную задержку создало пред-

положеніе XI корпуса, что 11-го сентября (по стар. стилю 29-го августа) его атаковали превосходныя силы противника. Подобный случай былъ вполнѣ возможенъ и мы должны были на него реагировать. При наличномъ состояніи силъ обѣихъ сторонъ, фронтальная группа нуждалась въ непосредственной тактической поддержкѣ охватывающихъ корпусовъ. Въ виду этого, намъ пришлось XVII и I армейскіе корпуса продвинуть въ сѣверномъ направленіи нѣсколько далѣе, чѣмъ было намѣчено раньше. Но черезъ нѣсколько часовъ выяснилось, что предположеніе XI-го корпуса ошибочно. Однако приказъ обходящимъ корпусамъ былъ уже отданъ, и хотя они вновь были повернуты въ прежнемъ направленіи, но, по крайней мѣрѣ, *полдня было уже потеряно*".—Такъ свидѣтельствуетъ нашъ бывшій противникъ о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ. выдѣляя особенно тѣ войска, которыя дрались противъ XX-го нѣмецкаго корпуса. *А войска эти были 103-й Петрозаводскій и 104-й Устюгскій полки 2-й бригады 26-й пѣхотной дивизіи съ ихъ артиллерійскимъ дивизіономъ 26-й артиллерійской бригады*, на которыя полковникъ Рудницкій никакого воздѣйствія не оказывалъ и оказывать не могъ, такъ какъ войска 2-й бригады во время боевъ нигдѣ и никогда на фронтѣ его не видѣли.

Упоминаніе генерала Людендорфа, что „нѣмецкимъ войскамъ трудно было отличить своихъ отъ

чужихъ" и что „нѣмецкія колонны иногда обстрѣливали другъ друга" относится, конечно, къ ночному бою, а не къ дневному. Но ночной бой былъ въ ночь съ 28-го на 29-ое августа по стар. стилю. Въ этомъ упоминаніи нельзя не видѣть снисходительнаго оправданія генераломъ Людендорфомъ своихъ войскъ относительно ихъ нерѣшительности въ атакѣ Бейнескаго лѣса, что дало возможность 2-й бригадѣ 26-й дивизіи сохранить за собой его. Если бы я придержался уставной нормы охраненія квартиро-бивака, то такое охраненіе не сдержало бы ночной нѣмецкой атаки, которая распространила бы свое дѣйствіе на весь лѣсъ и обнаружила бы слабость нашихъ силъ. Но такъ какъ я поставилъ себѣ цѣлью и задачей удержать за собой Бейнунескій лѣсъ до выясненія дальнѣйшей цѣли дѣйствій дивизіи, то я и выставилъ на вѣроятныхъ подступахъ къ квартиро-биваку бригады, учитывая ночное время, сторожевые отряды съ артиллеріей, для быстраго образованія скелета боевыхъ участковъ. Конечно нельзя отрицать, что ночью трудно отличить своихъ отъ чужихъ и что поэтому колонны могутъ обстрѣливать другъ друга. Но еще труднѣе наступающему дѣйствовать противъ обороняющагося, когда онъ подготовился къ его встрѣчѣ.

Окончательное же фіаско нѣмецкій планъ окружить нашу 1-ю армію, по свидѣтельству генерала Людендорфа, потерпѣлъ 29-го августа, когда XX-й нѣмецкій корпусъ и дивизія XI-го нѣмецкаго корпуса вели

бой противъ 2-й бригады 26 дивизіи и двухъ полковъ 5-й стрѣлковой бригады на неукрѣпленной позиціи за Бейнунескій лѣсъ и Даркеменскую переправу. Боевой успѣхъ нашихъ войскъ такъ подѣйствовалъ на противника, что штабъ XI-го нѣмецкаго корпуса донесъ, что „онъ атакованъ превосходными силами противника. Это донесеніе *окончательно разрушило намѣченный планъ стратегическаго окруженія нашей 1-й арміи, превративъ его въ дальній тактическій обходъ, парировать который уже гораздо легче*, и поэтому 1-я армія вырвалась сравнительно благополучно изъ своего *стратегическаго мѣшка*, въ которомъ оказалась, благодаря отсутствію за лѣвымъ флангомъ 1-й арміи надлежащаго резерва, который могъ бы встрѣтить обходящіе XVII-й и I-й нѣмецкіе корпуса. Командующій 1-й арміей генералъ Ренненкампфъ, насколько было извѣстно, твердо вѣрилъ, что обѣщанный резервъ подойдетъ своевременно, и потому задержался на линіи р. р. Алле и Ометъ дольше, чѣмъ слѣдуетъ.

При отходѣ отъ рѣки Ангерапъ, 1-я армія понесла большія потери въ людяхъ (плѣнными), лошадяхъ и въ матеріальной части, но *причиною было отсутствіе организаціи отхода со стороны Штаба 1-й арміи.* А если бы Штабъ 1-й арміи озаботился своевременно созданіемъ опорныхъ пунктовъ на линіи р. Ангерапъ, то, сдерживая на ней болѣе слабыми силами фронтальные корпуса противника, мы могли бы имѣть шансы разбить об-

ходящіе нѣмецкіе корпуса, а если не разбить, то отойти, не понеся большихъ потерь: для этого требовалась лишь энергичная работа оперативныхъ частей Ставки и штаба Сѣверо-Западнаго фронта тотчасъ же, какъ только 2-я армія генерала Самсонова была разбита. Исторія выяснитъ, кто правъ, кто виноватъ.—Настоящими Записками я освѣщаю и подтверждаю лишь тѣ факты, которыя я переживалъ, былъ ихъ участникомъ и свидѣтелемъ.

О неправильномъ описаніи подвига полковника барона Корфа, я подалъ по командѣ рапортъ, такъ какъ *лѣвый* флангъ 20 стрѣлковаго полка былъ выученъ *1 батальономъ 226 Землянскаго полка;* приложилъ и копію моего приказанія капитану Андрееву о построеніи батальона для ввода его въ боевую линію.

Въ 1915 году я былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 1 Сибирской стрѣлковой дивизіи, а въ 1916 году былъ назначенъ Высочайшимъ Приказомъ командующимъ 7 Туркестанской стрѣлковой дивизіей.

Зимою 1916 года я получилъ отъ генерала Вѣтвѣницкаго ту переписку, о которой сказалъ выше и которая была возбуждена самимъ полковникомъ Рудницкимъ какъ домогательство о награжденіи его орденомъ Св. Георгія 4 ст., за бой у Гиже 31 августа 1914 г.

Этот второй случай о представленіи самого себя, пользуясь тяжелой болѣзнью, которая въ ноябрѣ 1914 г. окончилась смертью генерала Порѣцкаго, меня возмутилъ, тѣмъ болѣе, что я уже зналъ о сокрытіи моей реляціи. Я сдѣлалъ запросъ о результатѣ разслѣдованія по моему рапорту и въ то же время обратился къ нѣкоторымъ офицерамъ 26 дивизіи, участникамъ боевъ съ 26-29 августа 1914 года, съ просьбой прислать мнѣ свидѣтельскія показанія объ этихъ бояхъ.

Послѣдовавшая вскорѣ революція и развалъ Арміи нарушили службу полевыхъ почтовыхъ конторъ. Но я все же получилъ два письменныхъ свидѣтельскихъ показанія: одно отъ генералъ-маіора Томашевича, временно командовавшаго 3-мъ батальономъ 103-го Петрозаводскаго полка въ бою 29-го августа 1914-го года, въ чинѣ полковника, вмѣсто раненнаго во время утренней атаки 28-го августа командира этого батальона подполковника Клейна, а другое—отъ капитана 104-го Устюжскаго полка, уже георгіевскаго кавалера, Косолапова, который былъ при мнѣ офицеромъ для связи отъ 104-го полка, въ чинѣ подпоручика. Свидѣтельское показаніе генерала Томашевича хранится въ Россіи, а свидѣтельское показаніе капитана Косолапова случайно осталось при мнѣ, его копія прилагается къ Запискамъ. Въ его свидѣтельствѣ есть небольшія погрѣшности, какъ-то: обозъ 2-го разряда названъ обозомъ 1-го разряда; два полка 5-й стрѣлковой бригады, 17-й и 20-й, онъ на-

зываетъ „бригадой"; пишетъ, что онъ представилъ мою реляцію „между 15 и 20 числами сентября" въ г. Серее, тогда какъ онъ отвезъ ее въ штабъ дивизіи, который былъ на желѣзнодорожной станціи Олита, 22-го или 23-го сентября. Но эти мелочи не измѣняютъ сущности его показанія.

Генералъ-Лейтенантъ *Я. Ларіоновъ*

Heeresbücherei Berlin

КОПІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Свидѣтельское показаніе о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ генералъ-маіора Ларіонова въ бояхъ 26 пѣхотной дивизіи съ 28 августа по 29 августа 1914 года включительно. *)

28 августа 1914 года 2-я бригада 26 пѣхотной дивизіи (103 и 104 полки съ артиллеріей), на фронтѣ озеръ Норденбургеръ до озера Энгельштейнеръ (укрѣпленная позиція у Мазурскихъ озеръ), дравшаяся съ 26 августа съ нѣмцами, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Ларіонова, получила приказъ начать въ 12 часовъ дня отступленіе къ Кавaрренъ черезъ Брозовенъ-Ольшовенъ. Приказъ былъ полученъ за нѣсколько минутъ до указаннаго часа для отступленія. Генералъ-Маіоръ Ларіоновъ въ 12 часовъ дня приступилъ къ выполненію приказа объ отступленіи, организовавъ его двумя полковыми боевыми участками: 103 Петрозаводскій полкъ направленъ былъ на Лингваровенъ, а 104 Устюжскій полкъ на Брозовенъ, и далѣе на Кавaрренъ полки отходили по двумъ дорогамъ, сходившимся концентрически къ д. Кавaрренъ. Лѣвѣе 104 полка отходилъ 102 Вятскій полкъ и съ нимъ штабъ 26-й пѣх. дивизіи со своего боевого участка отъ озера Энгельштейнеръ до оз, Мауеръ.

---

*) Орфографія свидѣтеля.

Отходъ 2 бригады былъ начатъ подъ натискомъ нѣмцевъ, съ выходомъ изъ боя. Правый флангъ 103 полка у дер. Клейнъ-Гуя близь озера Норденбургеръ уже два раза былъ атакованъ нѣмцами, но атаки были отбиты, а командиръ батальона подполковникъ Клейнъ раненъ. Нѣсколько офицеровъ были частью ранены, частью убиты. Къ вечеру около 5-6 часовъ главныя силы 104 полка прибыли въ Кавaрренъ, гдѣ около шоссе въ Даркеменъ вагенбургомъ стоялъ обозъ 1 разряда *) 26-й пѣх. дивизіи, а по самому шоссе проходили какіе-то обозы другихъ частей со стороны дер. Ленкелишкенъ. Генералъ-Маіоръ Ларіоновъ взошелъ на довольно высокую гору, вдоль которой проходитъ шоссе на Даркеменъ, и осматривалъ въ бинокль мѣстность. Прибылъ Старшій Адъютантъ 26-го пѣх. дивизіи Генеральнаго Штаба Капитанъ Дьяковъ съ 3-4 казаками; сойдя съ горы, Генералъ-Маіоръ Ларіоновъ спросилъ его, какія онъ привезъ распоряженія. Капитанъ Дьяковъ доложилъ, что онъ никакихъ распоряженій не привезъ, а ищетъ Начальника дивизіи и Начальника штаба, что они по приказу должны быть въ Альтъ-Саускойенѣ, но ихъ тамъ нѣтъ. Затѣмъ Генералъ-Маіоръ Ларіоновъ спросилъ Капитана Дьякова, гдѣ 102 полкъ. Онъ ему отвѣтилъ, что 102 полкъ оторвался и ушелъ неизвѣстно куда. Въ это время подходили главныя силы 103 полка съ командиромъ полка Полковникомъ Алексѣевымъ. Поговоривъ съ Капитаномъ Дьяковымъ о чемъ-то и по-

*) Не 1-го разряда, а 2-го; двуколки 1-го разряда всегда при частяхъ.

казывая по картѣ, Генералъ-Маіоръ Ларіоновъ всѣ обозы 1 разряда приказалъ отправить въ Даркеменъ. Командиру 104 полка полковнику Триковскому съ главными силами приказалъ слѣдовать по шоссе въ Гросъ Бейнуненъ, выдѣливши 3-й батальонъ подполковника Грунде въ боковой арріергардъ въ дер. Яутекенъ, командиру 103 полка приказалъ занять арріергардомъ (батальонъ полковника Веригина) высоту у Кавarренъ, а батальонъ подполковника Козелъ-Паклевскаго направить въ арріергардъ (боковой) къ дер. Клейнъ Бейнуненъ.

Когда обозы и главныя силы бригады, подъ начальствомъ полковника Триковскаго, очистили шоссе, направившись въ тылъ, то Генералъ-Маіоръ Ларіоновъ пригласилъ всѣхъ бывшихъ съ нимъ (полковникъ Алексѣевъ, полковникъ Шпилевъ, капитанъ Медовщиковъ, поручикъ Голенкинъ, подпоручикъ Шиша, полковой адъютантъ 103 полка поручикъ Корпуцъ) въ домикъ при шоссе, гдѣ и было написано его приказаніе о расположеніи на ночлегъ и о выставленіи трехъ арріергардовъ. Часовъ въ 10 вечера, уже въ темнотѣ, мы выступили изъ Кавarренъ со взводомъ казаковъ, переданныхъ Генераломъ Ларіоновымъ еще 27 августа въ распоряженіе командира 103 полка, и съ 10 ротой 103 полка на присоединеніе къ главнымъ силамъ бригады въ дер. Гросъ Бейнуненъ. Капитанъ Дьяковъ поѣхалъ вновь искать Начальника дивизіи и Начальника штаба въ Альтъ Саускойенъ. Генералъ-Маіоръ Ларіоновъ сказалъ ему, чтобы онъ прислалъ

въ Бейнуненъ извѣщеніе, если найдетъ Начальника дивизіи. Когда мы выступили изъ Каваррена, намъ встрѣтился велосипедистъ, который передалъ Генералу Ларіонову полевую записку, въ которой полковникъ Триковскій просилъ разрѣшенія пройти въ слѣдующую деревню, так какъ деревня Гросъ Бейнуненъ заполнена какими-то обозами другихъ частей. Генералъ Ларіоновъ разрѣшилъ. Мы пошли далѣе, пришли въ дер. Кунигеленъ. Генералъ-Маіоръ Ларіоновъ приказалъ мнѣ найти полковника Триковскаго и пригласилъ всѣхъ насъ въ одинъ изъ домовъ, гдѣ былъ видѣнъ свѣтъ и гдѣ оказались какіе-то артиллеристы, оканчивающіе свой ужинъ. Полковника Триковскаго я не нашелъ въ д. Кунигеленъ. Тогда Генералъ Ларіоновъ приказалъ искать его дальше,ославъ по шоссе велосипедиста, а по сторонамъ шоссе казаковъ и сталъ поджидать извѣщенія отъ капитана Дьякова и возвращенія посланныхъ въ поиски за полковникомъ Триковскимъ. Не получая отъ капитана Дьякова свѣдѣнія, Генералъ Ларіоновъ безпокоился и послалъ меня на развѣдку въ Альтъ Саускойенъ. Когда я прибылъ въ Альтъ Саускойенъ, то изъ опросовъ мѣстныхъ жителей узналъ, что въ деревнѣ никакія воинскія части еще не были (т. е. штаба дивизіи еще не было), и когда я возвращался къ Генералу Ларіонову, то мнѣ встрѣтился ординарецъ штаба дивизіи, который доставилъ Генералу Ларіонову въ дер. Кунигеленъ записку отъ капитана Дьякова о томъ, что штабъ дивизіи подходитъ къ дер. Альтъ Саускойенъ и вторую о томъ, что въ 4 часа дня по-

слано приказаніе расположиться главными силами въ окрестностяхъ Кавaрренъ съ авангардомъ у Илльменъ, а 102 полку въ дер. Домбровкенъ съ авангардомъ у Росшоссеръ-Шпитце. Получивъ донесеніе велосипедиста, что полковникъ Триковскій прошелъ съ главными силами въ деревню, которая находится въ 4-5 верстахъ отъ Кунигелена, мы двинулись далѣе, при чемъ Генералъ Маіоръ Ларіоновъ высказалъ крайнее неудовольствіе на полковника Триковскаго, что прошелъ такъ далеко.

Около 1 часа ночи 29 августа, когда мы шли по шоссе и прошли версты $1^1/_2$—2, вдругъ справа и назади отъ насъ послышалась довольно близкая трескотня ружей и пулеметовъ, а затѣмъ пушечная пальба. Мы видѣли съ дороги самые блестки и вспышки выстрѣловъ. Затѣмъ орудійные выстрѣлы были слышны со стороны Яутекенъ-Кавaрренъ Генералъ-Маіоръ Ларіоновъ послалъ казаковъ во всѣ свои арріергарды узнать, въ чемъ дѣло. Черезъ $^1/_2$ часа трескотня стихла и слышны были лишь отдѣльные орудійные выстрѣлы. Мы прибыли около 3 часовъ въ дер. Гудвалленъ, гдѣ и нашли главныя силы бригады. Генералъ-Маіоръ Ларіоновъ потребовалъ объясненія отъ полковника Триковскаго, почему онъ отошелъ такъ далеко отъ арріергардовъ, а не остановился въ дер. Кунигеленъ, куда ему разрѣшено было отойти на ночлегъ, вмѣсто Гросъ Бейнуненъ. Полковникъ Триковскій объяснилъ, что произошла ошибка въ чтеніи карты, по случаю темноты. Вскорѣ получено было

донесеніе отъ начальника бокового арріергарда у Яутекенъ подполковника Грунде. что, окруженный нѣмцами, онъ отходитъ лѣсомъ южнѣе шоссе. Генералъ Ларіоновъ послалъ начальнику арріергарда у Кавaрренъ полковнику Веригину полевую записку съ увѣдомленіемъ объ отступленіи арріергарда отъ Яутекенъ, предоставляя ему рѣшить вопросъ, какъ дѣйствовать, чтобы помочь арріергарду полковника Грунде и не быть отрѣзаннымъ отъ бригады. Полковникъ Веригинъ, послѣ долгихъ споровъ съ командиромъ 20-го стрѣлковаго полка полковникомъ Тарановскимъ, находившагося правѣе арріергарда полковника Веригина, и не желавшимъ занять высоту у Кавaрренъ, которую онъ ему передалъ, отступилъ съ высоты у Кавaрренъ и сталъ правѣе шоссе Кавaрренъ-Кунигеленъ уступомъ впереди относительно отошедшаго бокового арріергарда отъ Яутекенъ и позади относительно 20-го стрѣлковаго полка, бывшаго у Ленкелишкенъ и занявшаго частью своего полка переданную ему полковникомъ Веригинымъ высоту у Кавaрренъ. Отъ бокового арріергарда у Клейнъ-Бейнуненъ донесенія не поступало, что очень безпокоило Генерала Ларіонова, такъ какъ ночное нападеніе, которое мы видѣли, было произведено, несомнѣнно, на части этого арріергарда у Клейнъ Бейнуненъ. Оказалось потомъ, что оно было произведено на переднюю роту этого арріергарда поручика Сойкина, и въ отраженіи нападенія приняли участіе двѣ роты охраннаго батальона штаба дивизіи со стороны Альтъ Саускойенъ. Передъ разсвѣтомъ прибылъ въ Гудвалленъ изъ Альтъ Сауской-

енъ, Начальникъ дивизіи со штабомъ и дивизіонной конницей. Начальникъ штаба приступилъ къ составленію боевого приказа и объявилъ, что только что полученъ приказъ перейти въ наступленіе.

Генералъ Маіоръ Ларіоновъ послалъ объ этомъ предупрежденіе начальникамъ арріергардовъ, съ указаніемъ подготовить арріергарды для боевого порядка на линіи Гросъ Бейнуненъ-Клейнъ Бейнуненъ, при чемъ правѣе шоссе долженъ развернуться въ боевой порядокъ 103 полкъ, а лѣвѣе 104 полкъ. Правѣе 103 полка, подъ угломъ къ нашему правому флангу, дѣйствовалъ 20 стрѣлковый полкъ, отошедшій отъ Ленкелишкенъ. Все утро въ его сторонѣ было видно движеніе назадъ обозовъ, отдѣльныхъ людей и группъ и даже прошла около 8 часовъ утра рота со знаменемъ также въ тылъ. Лѣвѣе 104 полка долженъ былъ развернуться для боя 102 полкъ, но его не было, а около 9 часовъ утра 29 августа, когда 2 бригада вела уже бой, 102 полкъ прибылъ откуда-то съ тыла, со стороны Гудвалленъ, къ Кунигеленъ, врѣзаясь въ части 2-й бригады, ведущей бой. Генералъ Ларіоновъ послалъ командиру полка полевую записку съ предложеніемъ не мѣшать, а развернуться, согласно боевого приказа, на лѣвомъ флангѣ 2 бригады, и по телефону донесъ объ этомъ Начальнику дивизіи. Начальникъ дивизіи прислалъ полевую записку, съ приказаніемъ командиру 102 полка убрать полкъ съ боевого порядка бригады, оста-

вивъ для боя 1 артиллерійскій дивизіонъ 26 бригады. Вмѣсто 102 полка на лѣвый флангъ бригады былъ направленъ отъ Даркеменъ 101 пѣх. Пермскій полкъ, который прибылъ на поле сраженія около 12 часовъ дня. Два батальона 226 полка были обѣщаны начальникомъ дивизіи, согласно просьбы Генерала Ларіонова, у котораго не было резервовъ. Около 10 часовъ утра къ Генералу Ларіонову прибылъ верхомъ со строевою частью полка, штабъ-трубачомъ и конными ординарцами командиръ 20 стрѣлковаго полка полковникъ Тарановскій и со слезами на глазахъ доложилъ, что его полкъ разбитъ, что между его полкомъ и правымъ флангомъ 103 полка образовался прорывъ и что нѣмцы охватываютъ лѣвый флангъ его полка, и просилъ оказать ему помощь. Но у Генерала Ларіонова осталась только одна рота въ резервѣ, а два батальона 226 полка еще не прибыли. Поэтому Генералъ Ларіоновъ сказалъ, что онъ очень хорошо понимаетъ опасность положенія, но что у него только одна рота въ резервѣ, что какъ только подойдутъ два батальона 226 полка, то онъ сейчасъ же окажетъ помощь. Полковникъ Тарановскій назадъ не вернулся, а считая, вѣроятно, дѣло проиграннымъ, остался на боевомъ участкѣ 2 бригады до конца боя, направившись по дорогѣ въ Гудваллень. Нѣкоторое время спустя (минутъ 10-15), подошелъ батальонъ 226 полка. Генералъ Ларіоновъ приказалъ немедленно направить командира батальона къ нему. Батальонный командиръ (капитанъ) прибылъ. Гене-

ралъ Ларіоновъ приказалъ мнѣ записать его приказаніе въ полевую книжку и, насколько я помню, ориентировалъ командующаго батальономъ относительно боевой обстановки, а затѣмъ, указавъ направленіе, приказалъ двинуть батальонъ 226 полка въ уступномъ порядкѣ ротъ, придерживаясь ротой передняго уступа праваго фланга 103 полка, и атаковать нѣмцевъ, охватывающихъ лѣвый флангъ 20 стрѣлковаго полка. Этотъ указанный имъ батальонному командиру, маневръ батальонъ 226 полка исполнилъ быстро, и весь бой 29 августа повернулъ въ нашу пользу. Какъ только батальонъ 226 полка вышелъ двумя головными уступными ротами во флангъ, то нѣмцы тотчасъ же ринулись назадъ. Съ этого момента вся 2 бригада, начиная съ праваго фланга, перешла въ наступленіе, а затѣмъ въ частныя атаки и отбросила противника за полотно узкоколейной мѣстной желѣзной дороги, что въ Бейнуненскомъ лѣсу. Но дальнѣйшія наступательныя дѣйствія Генералъ Ларіоновъ приказалъ не развивать, такъ какъ получилъ приказаніе объ отступленіи за г. Даркеменъ къ дер. Буилинъ.

Бой 26, 27 и 28, а въ особенности 29 августа, 2 бригада 26 пѣх. дивизіи вела въ исключительно трудномъ положеніи, и вся тяжесть этихъ боевъ, что можно усмотрѣть изъ матеріаловъ и что могутъ подтвердить участники, легла собственно на полки 2 бригады. Управленіе боями велось всецѣло командиромъ бригады, такъ какъ Начальникъ дивизіи и Начальникъ штаба ограничивались только составленіемъ прика-

зовъ для развертыванія въ боевой порядокъ, но не вмѣшивались въ веденіе боевъ.

Мнѣ пришлось прочесть въ Высочайшемъ приказѣ о награжденіи Георгіевскимъ оружіемъ бывшаго Начальника штаба 26 пѣх. дивизіи Генеральнаго Штаба полковника Рудницкаго за то, что во время боевъ дивизіи на укрѣпленной позиціи у Приновенъ и во время отхода дивизіи съ этой позиціи онъ своими дѣйствіями, самоотверженіемъ и вѣрной оцѣнкой обстановки способствовалъ успѣшнымъ дѣйствіямъ дивизіи. Но я, какъ участникъ боевъ и исполнитель распоряженій Генералъ-Маіора Ларіонова, не знаю, въ чемъ именно проявилъ полковникъ Рудницкій эти качества. Изъ моего свидѣтельства видно, что успѣшныя дѣйствія 26 пѣх. дивизіи, а вѣрнѣе не дивизіи, а только 2-й ея бригады, были собственно 29 августа 1914 года. А самыя успѣшныя дѣйствія были слѣдствіемъ распоряженія начальника бригаднаго участка Генералъ-Маіора Ларіонова, который указалъ командиру батальона 226 полка направленіе, куда двинуть батальонъ, и указалъ ему и самую форму строя для выполненія охвата нѣмцевъ. Я все это записалъ собственною рукою въ полевую книжку. Самое развертываніе въ боевой порядокъ для боя 29 августа могло осуществиться только потому, что командиръ бригады Генералъ-Маіоръ Ларіоновъ, когда Начальникъ дивизіи и Начальникъ штаба 28 августа, неизвѣстно гдѣ, были, а распоряженія не дали, приказалъ

выставить три арріергарда (одинъ тыловой и два боковыхъ), которые и удержали за нами лѣсистую мѣстность, давшую возможность затѣмъ развернуться въ боевой порядокъ 2 й бригадѣ. Отходъ бригады съ выходомъ изъ боя 28 августа съ укрѣпленной позиціи организовалъ также не полковникъ Рудницкій, а командиръ бригады Генералъ-Маіоръ Ларіоновъ. При чемъ командиръ бригады выполнилъ это трудное дѣло вовсе не такъ, какъ было указано въ приказѣ. Въ приказѣ было сказано, что вся бригада должна была отойти по одной дорогѣ на Брозовенъ-Ольшовенъ къ Кавarренъ. Но командиръ бригады, получивъ это указаніе штаба дивизіи, видя опасность бригады въ такомъ выходѣ изъ боя днемъ по одной дорогѣ съ 7-верстнаго фронта, приказалъ отходить по двумъ дорогамъ, а не по одной. 103 полкъ онъ направилъ на Лингваровенъ, а 104 полкъ на Брозовенъ. И это, дѣйствительно, имѣло важное значеніе, такъ какъ не затянулъ отходъ и не далъ возможности противнику охватить правый флангъ бригады, который былъ открытъ, ибо на маршѣ было получено донесеніе отъ командира 103 полка, что по его колоннѣ у Лингваровенъ съ сѣвера былъ открытъ артиллерійскій огонь.

Я прочелъ также въ Высочайшемъ приказѣ о награжденіи орденомъ Св. Георгія 4 ст. командира 17 стрѣлковаго полка полковника барона Корфа за то, что въ бою 29 августа 1914 года у Ленкелиш-

кенъ онъ не допустилъ нѣмцевъ сомкнуть окончательно кольцо, охватившее съ обоихъ фланговъ 5 стрѣлковую бригаду. Но въ бою 29 августа лѣвый флангъ 5 стрѣлковой бригады (20 стрѣлковый полкъ) былъ рядомъ съ правымъ флангомъ 103 полка. Я уже свидѣтельствовалъ, что командиръ 20 стрѣлковаго полка полковникъ Тарановскій около 10 часовъ утра просилъ помощь у Генерала Ларіонова, заявивъ, что его полкъ разбитъ, что образовался прорывъ между флангами 103 и 20 стрѣлковаго полковъ, что нѣмцы охватываютъ лѣвый флангъ 5 стрѣлковой бригады. Это дѣло и было именно для 5 стрѣлковой бригады у Ленкелишкенъ, а для праваго франга 103 полка у Бейнуненъ. Но этотъ лѣвый флангъ 5 стрѣлковой бригады былъ вырученъ отъ охвата и окруженія нѣмцами не полковникомъ барономъ Корфомъ, а Генералъ-Маіоромъ Ларіоновымъ. При отходѣ, послѣ боя, 2 бригада Генералъ Маіора Ларіонова прикрыла 20 и 17 стрѣлковые полки, а не наоборотъ, что подтверждаетъ активность дѣйствій 2 бригады 26 пѣх. дивизіи въ бою 29 августа 1914 года, а не 17 и 20 стрѣлковыхъ полковъ.

О дѣйствіяхъ 2 бригады 26 пѣх. дивизіи въ бояхъ 26, 27, 28 и 29 августа Генералъ Маіоръ Ларіоновъ донесъ Начальнику дивизіи въ своей реляціи, которую переписывалъ я, и она была представлена въ штабъ дивизіи между 15 и 20 числами сентября 1914 года въ г. Серее мною же. Въ ней было донесено и то, что я теперь свидѣтельствую.

Кроки боя 29 эвгуста 1914 года въ Восточной Пруссіи у Бейнуненъ-Ленкелишкенъ.

Разрывъ образовался потому, что 20 стрѣлковый полкъ при отступленіи придерживался шоссе, которое шло на сѣверо-востокъ, отдаляясь от шоссе на Даркеменъ, перпендикулярно къ которому 2 бригада вела бой и, кромѣ того, мы видѣли, какъ части 20 стр. полка уходили въ тылъ 29 августа утромъ.

Ранѣе служившій въ 104 пѣх. Устюжскомъ полку и состоявшій въ періодъ боевъ съ 26 по 29 августа при Генералѣ Ларіоновѣ офицеромъ-ординарцемъ

Капитанъ *Косолаповъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Къ читателю . . . . . I. — XI
Отъ автора . . . . . I. — IV
Вступленіе . . . . . 3.
Выступленіе на театръ военныхъ дѣйствій 7.
Занятіе г. Лыка . . . . . 8.
Выдвиженіе на фронтъ Дригалленъ-Іоганнисбургъ . . . . . 11.
Переходъ 26-й дивизіи въ раіонъ г. Ангербурга . . . . . 13.
Движеніе 2-й бригады въ раіонъ г. Гердауенъ, а 1-й бригады въ раіонъ г. Растенбурга . . . . . 15.
Движеніе 2-й бригады на помощь 2-й арміи . . . . . 18.
Отходъ 26-й дивизіи на позицію между озерами Норденбургеръ и Мауеръ 20.
Краткое описаніе укрѣпленной позиціи . 29.
Краткое описаніе расположенія войскъ 26-й дивизіи на укрѣпленной позиціи 31.
Трехдневный бой на укрѣпленной позиціи. Первый день боя . . . . . 32.
Второй день боя . . . . . 36.
Третій день боя и отходъ 26-й дивизіи съ укрѣпленной позиціи . . . . . 51.
Ночная атака противника въ ночь на 29 августа . . . . . 58.
Бой 29 августа 1914 г. у с. Бейнуенъ и отходъ за р. Ангерапъ . . . . .

Отходъ 1-й арміи подъ давленіемъ противника. Положеніе корпусовъ 1-й арміи утромъ 30 августа . . . 75.
Возстановленіе порядка отходившихъ корпусовъ . . . . . 89.
Арріергардный бой II корпуса у Маріамполя . . . . . 94.
Прибытіе Начальника 26 дивизіи и начальника штаба . . . . . 86.
Отходъ II корпуса за болота Пале-Жувинты-Амальва . . . . . 97.
Отходъ II корпуса къ м. Олитѣ . . . . 102.
Переходъ 26 дивизіи къ оз. Дауги и къ м. Меречу . . . . . 109.
Движеніе 2-й бригады къ м. Друскеники и Копціово . . . . . 112.
Движеніе 26-й дивизіи на Серее-Лодзее 114.
Обратное движеніе 26 дивизіи на Серее къ м. Олитѣ 118
Переброска II корпуса на Польскій театръ военныхъ дѣйствій въ раіонъ м. Гуры Кальваріи . . . . . 120.
Переходъ II корпуса къ Варшавѣ въ резервъ арміи . . . . . 123.
Отходъ Германцевъ и наше наступленіе . 125.
Движеніе II корпуса на линію Кернозя—Злаковъ Боровый . . . . . 126.
Бой авангарда 26 дивизіи у м. Кернозя . 127.
Движеніе II корпуса къ г. Кутно . . . 130.

Выдвиженіе II корпуса на фронтъ Кросневице - Грабовъ . . . . . 133.

Контръ-наступленіе противника на правый флангъ 2-й арміи. Бой у м. Кросневице. Вопросъ объ обезпеченіи праваго фланга 2-й арміи . 139.

Отходъ 26-й дивизіи на позицію за р. Охнію и Слудвю. Ночное нападеніе нѣмецкой конницы на 101 и 103 полки въ Кутно. Дѣло у ст. Пнево 104 полка съ нѣмецкой конницей утромъ 3-го ноября . . 184.

Безуспѣшныя контръ-атаки остатковъ II-го армейскаго, V Сибирскаго и VI Сибирскаго корпусовъ у Кернози-Злакова Бороваго . . . . . 193.

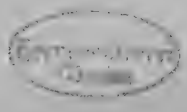
Переходъ 26-й дивизіи черезъ р. Бзуру къ м. Бѣлявы. — Подходъ и наступленіе на лѣвый флангъ противника 8-9 ноября . . . . . 197.

Передача командованія 2-й бригадой полковнику Триковскому. Моя эвакуація . . . . . 201.

Зачисленіе меня въ резервъ. Приказы о награжденіи за боевые подвиги статутными наградами полковника барона Корфа и полковника Рудницкаго за бои 26-29 августа 1914 года въ Восточной Пруссіи 204.

Приложеніе: Свидѣтельское показаніе капитана Косолапова 13 страницъ

Пять схемъ къ запискамъ; 2-я схема на 3 листахъ.



Замѣченныя опечатки:

Страница	Строка	Напечатано	Слѣдовало напечатать:
15	2 снизу	впереди	далеко впереди
31	5 сверху	43 дивизіи 1-й бригады	1-й бригады 43 дивизіи
39	5—6 сверху	Паульсваль де	Паульсвальде
45	8—9 сверху	уѣ-хали	у-ѣхали
47	15 сверху	на восток	на войска
64	9 снизу	стѣлковаго	стрѣлковаго
83	3 сверху	вечер, а	вечера,
84	11 сверху	лучьшем	лучшемъ
87	6 снизу	ношеіни	ношеніи
89	11 снизу	вошелъ	вышелъ
89	10 снизу	Шеоупу	Шешупу
94	11 сверху	Марімпулѣ	Маріампулѣ
119	15 сверху	распоря дитель-ности	распорядитель-ности
123	4 сверху	офицеров	перенести в начало 3 строки
157	7 сверху	корпуса	послѣ корпуса добавить „по одной дорогѣ“
160	11 снизу	по принятію	„по принятію“ — лишнее
169	1 снизу	юго-восточномъ	юго-западномъ
169	6 снизу	юго-восточномъ	юго-западномъ
173	13 снизу	дѣйствіяхъ	дивизіяхъ
189 190	1 снизу 5 сверху	мостику	мостишку
196	7 снизу	бригадой	бригады
197	4 снизу	8 ноября	8 и 9 ноября.

Въ свидѣтельскомъ показаніи:

12	6 сверху	стрѣльковаго	стрѣлковаго

Опечатка въ обращеніи къ читателю на стран. IIII

Строка снизу 9 Мадкѣ слѣдовало напечатать Мойкѣ

Berlin

Схема № 4

Приграничнаго пространства съ Германіей. См. введеніе и вопросъ обезпеченія праваго фланга наступающихъ армій на лѣвомъ берегу р. Вислы въ 1914 г.

Heeresbücherei
Berlin
35942

20.-

M N

2. OKT. 1943